

63:3(59n) **Аркадій-Петровъ**

731

(бывш. профессоръ Импер. Института въ г. Тянь-Цзинь).

Политическая жизнь

Божественный принцъ Ихарэ, прямой потомокъ богини солнца Амагэрасу, — основатель японскаго государства, царствовавшій подъ именемъ перваго Императора **Дзимму Тенно** (660 л. до Р.Х.).

Отдѣльный оттискъ
изъ журнала

Общество
ревнителей военныхъ
знаній.

Японіи.

Съ 16 портретами Японскихъ политическихъ дѣятелей и двумя японскими политическими карриатурами.

63.3 (5япо)
ПЗ1

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

Историко-
эвездческий
отдел

ГЦ	ФОНД РЕДКИХ КНИГ
----	---------------------

(1196 рр) ✓
16755 ✓

Книжка от Леонид С. Павлова - Санкт-Петербург, Юта США
с наилучшими пожеланиями! 26 мая 1997г.

Политическая жизнь Японіи.

Книжный рынокъ заваленъ всевозможными брошюрами, книгами, романами объ Японіи.

Каждый туристъ, случайный путешественникъ, журналистъ, побывавшій въ Японіи, считаетъ своимъ долгомъ подѣлиться впечатлѣніями объ этой по-истинѣ изумительной странѣ.

Такое отношеніе къ Японіи со стороны наблюдателей—туристовъ должно только привѣтствовать, такъ какъ ихъ книги вызываютъ въ обществѣ интересъ къ Японіи, заставляють его съ большимъ вниманіемъ относиться къ нѣкоторымъ явленіямъ жизни японскаго народа и побуждаютъ къ болѣе серьезному, специальному ихъ изученію.

Вслѣдъ за такою поверхностною, неглубокою литературою объ Японіи,—возникаетъ другая—серьезная, глубокая, основанная на научныхъ изслѣдованіяхъ, многолѣтнихъ наблюденіяхъ лицъ, посвятившихъ себя специальному изученію того или другого вопроса, касающагося жизни японскаго народа. Эта литература современемъ дастъ возможность всесторонне освѣтить жизнь Японіи и избавить общество отъ различнаго рода японскихъ „сюрпризовъ“, которыми мы привыкли считать все то, что при болѣе внимательномъ наблюденіи жизни японіи—являлось-бы самымъ естественнымъ послѣдствіемъ предшествовавшихъ событій и явленій социальнo—политической жизни страны.

Занимаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изученіемъ умственныхъ теченій и общественныхъ движеній въ Японіи,—по туземнымъ и европейскимъ источникамъ,— авторъ намѣренъ въ недалекомъ будущемъ опубликовать свои работы,—теперь-же вниманію военнаго общества предлагается, въ сокращенномъ видѣ, лишь одна глава его большой работы: „Чѣмъ и какъ живетъ современная Японія“.

Редакція.

Стадіи политическаго развитія японскаго народа такъ тѣсно связаны, такъ перепутаны между собою, что, пропустивъ одну изъ нихъ,—трудно понять остальные и вмѣстѣ съ тѣмъ теряется тотъ ключъ, при помощи котораго можно раскрыть секретъ изумительнаго прогресса Японіи, объяснить тѣ безпримѣрные въ исторіи скачки

отъ феодальнаго строя къ конституціонному режиму и ту смѣну чужеземныхъ вліяній,—которые имѣли мѣсто въ 2^{1/2} тысячелѣтней исторіи японскаго народа.

Съ этою цѣлью мы умышленно выдѣлили эту часть работы о политическомъ развитіи Японіи въ совершенно самостоятельную главу, долженствующую закончить наши соціально-политическіе очерки Японіи.

Посмотримъ же, какимъ образомъ развивалась политическая жизнь Японіи, прослѣдимъ, насколько это развитіе было случайно и насколько оно являлось результатомъ непреложныхъ законовъ.

Примѣняя и въ этой главѣ историческій методъ изслѣдованія, мы должны начать разсмотрѣніе этого вопроса съ отдаленнаго момента, теряющагося въ сѣдой старинѣ Японіи и даже коснуться вопроса о самомъ происхожденіи японской націи, чтобы хоть отчасти уяснить себѣ:—чьи наслѣдственныя черты характера комбинируются въ современномъ японцѣ.

*Гипотеза
проф. Кава-
ками о проис-
хожденіи япон-
цевъ.*

Происхожденіе японскаго] народа до сего времени является однимъ изъ тѣхъ спорныхъ научныхъ вопросовъ, которые силится разрѣшить ученый міръ обоихъ полушарій.

Среди нѣсколькихъ гипотезъ о происхожденіи японской націи—заслуживаетъ особеннаго вниманія одна, высказанная молодымъ японскимъ ученымъ г. Каваками — Кіюси (Карломъ) въ его докторской диссертациі *), блестяще защищенной въ американскомъ университетѣ въ Іова.

Раздѣляя всецѣло взгляды этого молодого ученаго — какъ о происхожденіи японской націи, такъ и о политическомъ развитіи Японіи, мы считаемъ необходимымъ познакомить читателя тамъ, гдѣ это возможно, съ названной работой.—оригинальной по мысли, глубокой по содержанию и написанной объективно,—по крайней мѣрѣ, настолько, насколько это можно требовать отъ японца, пишущаго о своей родинѣ.

Исторія нашихъ предковъ, говоритъ г. Каваками, до сихъ поръ еще не опредѣлена, не выяснена.

Нѣтъ еще ни одного ученаго, который бы своими работами пролилъ достаточно яркій свѣтъ, чтобы разсѣять мракъ тысячелѣтій, отдѣляющихъ насъ—отъ нашихъ предковъ.

Еще такъ недавно наши историки довольствовались простымъ перечисленіемъ битвъ, героическихъ подвиговъ, описаніемъ жизни знаменитыхъ полководцевъ и собираніемъ легендарныхъ сказаній и мифовъ изъ жизни предковъ.

И только лишь какихъ нибудь два десятка лѣтъ назадъ, вмѣстѣ съ основаніемъ перваго университета, — въ Японіи появились историки въ европейскомъ смыслѣ этого слова... Необходимыя для всесторонняго изслѣдованія отдѣльной эпохи науки, какъ антропология (включая этнологию, археологию и др.), социология и филология—къ несчастію еще не получили особеннаго развитія въ Японіи и вслѣдствіе этого—еще слишкомъ мало ученыхъ, могущихъ примѣнять эти познанія при изученіи японской исторіи.

*) «The political ideas of Modern Japan».

Г. Каваками, сдѣлавъ такую предпосылку и замѣтивъ, что болѣе или менѣе достовѣрная исторія Японіи начинается съ половины седьмого столѣтія до Рождества Христова, — переходитъ къ изложенію своей гипотезы, подкрѣпляя ее многочисленными ссылками на ученыхъ Запада и современныхъ ученыхъ Японіи.

Первыми обитателями были, вѣроятно, *пигмеи*, которые жили въ береговыхъ пещерахъ, вдоль побережья Тихаго океана и Японскаго моря.

Такое предположеніе подтверждается профессорами Токіоскаго университета Коганей и этнологомъ Цубой, на основаніи произведенныхъ раскопокъ и преданій, собранныхъ въ „кодзики“ *) и по другимъ источникамъ.

Сколько лѣтъ тому назадъ и откуда пришли въ Японію эти маленькіе люди — покрыто мракомъ неизвѣстности. Это была раса неолитическаго или палеолитическаго періода. Но прежде чѣмъ можно будетъ утверждать и это положеніе. — пройдетъ еще много лѣтъ въ усиленныхъ изысканіяхъ и изслѣдованіяхъ.

О маленькомъ народѣ древнихъ Филлипинъ и о. Ява, Рю-кю и о. Формоза упоминаетъ въ своей работѣ „Пигмеи“ — знаменитый французскій антропологъ профессоръ de Quatrefages. Европейцы называли ихъ „negritos del monte“ (маленькіе горные негры) по причинѣ ихъ чернаго цвѣта кожи, курчавыхъ волосъ и поразительно маленькаго роста.

Разумѣется, нѣтъ ничего болѣе естественнаго, какъ предположеніе нѣкоторыхъ ученыхъ Японіи, въ томъ числѣ и профессора Коганей, что именно племена, родственныя этимъ пигмеямъ, жили въ доисторическую эпоху и въ Японіи.

Сколько лѣтъ жили пигмеи на Японскихъ островахъ до новыхъ пришельцевъ — рѣшительно не извѣстно, также какъ то — откуда они пришли, куда ушли, какъ исчезли.

Можно только сказать, говоритъ г. Каваками, что они также постепенно исчезли, ступались предъ превосходствомъ расы — вновь пришедшихъ, какъ это случалось съ американскими индѣйцами — исчезающими подъ натискомъ англо-саксовъ.

Вторая раса, которая населяла острова — извѣстна подъ именемъ *айновъ*. Относительно ея происхожденія мнѣнія очень расходятся. Одни утверждаютъ, что она принадлежитъ къ народамъ холоднаго климата, другіе — доказываютъ и не безъ основанія — что айны — принадлежатъ къ народамъ теплаго климата. Существуютъ даже попытки отождествить айновъ съ племенами, упомянутыми въ Библии. Напр., англичанинъ N. Macleod утверждаетъ, что айны суть потомки Іафета. Другой англичанинъ — д-ръ Кэмпферъ говоритъ, что населеніе Японіи — суть потомки населенія древняго Вавилона и языкъ японскій — суть одно изъ тѣхъ нарѣчій, о которыхъ въ Библии говорятъ, что „премудрое Провидѣніе почло за благо смѣшать умы и языки тщеславныхъ строителей Вавилонской башни“.

*) «Дѣла древности» — первый памятникъ японской письменности, опубликованный около 8-го столѣтія по Р. Х.; см. главу — Умственные теченія.

Многіе изслѣдователи *) считаютъ айновъ, какъ главныхъ основателей современной японской націи, но г. Каваками возстаеъ противъ этого мнѣнія, доказывая **), что айны составляютъ одну изъ вѣтвей кавказскаго племени и проникли на Японскіе острова съ юга на сѣверъ—слѣдуя по теплому океанскому теченію, омывающему берега Японіи. Г. Каваками склоненъ думать, что пигмейской и айноской крови—сравнительно незначительное количество течетъ въ жилахъ современныхъ Японцевъ.

Третьи пришельцы, —превосходившіе предыдущихъ физически и умственно—пришли съ Азіатскаго материка—черезъ Корею и поселились въ Идзумо. Эти пришельцы были, вѣроятно, *монголы*.

Указать начало переселенія монголовъ на острова не представляется возможнымъ, такъ какъ первая эмиграціонная волна—терется въ доисторическихъ временахъ.

Далѣе г. Каваками высказываетъ предположеніе, что на Японскіе острова въ отдаленную эпоху—эмигрировали также и представители *арійцевъ*, увлекаемые теплымъ теченіемъ Куросиво, проложившимъ себѣ, какъ извѣстно, дорогу изъ Индійскаго океана, черезъ Тихій—вдоль западной стороны Филиппинскихъ острововъ, Формозы, Рю-кю, имѣя своей высшей точкой на югѣ Японскіе острова Кю-сю.

По мнѣнію г. Каваками.—та часть арійцевъ, которая заселяетъ Индію, дала Японіи первыхъ эмигрантовъ.

Эпохою общей эмиграціи арійцевъ на Востокъ можно считать каменный вѣкъ.

Раскопки, — произведенныя на островѣ Кю-сю, куда, по мнѣнію названнаго ученаго, прибыли первые арійцы, убѣждаютъ, что прибывшіе—внесли на острова культуру каменнаго вѣка и были значительно выше по умственному развитію аборигеновъ острововъ, какъ-выми г. Каваками къ тому времени уже склоненъ считать представителей двухъ послѣднихъ изъ выше означенныхъ народностей.

Такимъ образомъ,—суммируя сказанное,—по гипотезѣ г. Каваками—выходить, что *въ жилахъ современнаго японца течетъ кровь монголовъ, арійцевъ, айновъ съ нѣкоторою примѣсью крови пигмеевъ*, при чемъ базисомъ, такъ сказать, служитъ *монгольская кровь*.

Характеръ японцевъ.

Приведа гипотезу о происхожденіи японцевъ и присоединившись всецѣло къ мнѣнію г. Каваками, мы приведемъ нѣкоторыя данныя, касающіяся характеристики японцевъ, какъ націи, состоящей главнымъ образомъ изъ четырехъ вышеперечисленныхъ этнографическихъ элементовъ. Вообще говоря, на складъ характера націи—имѣетъ вліяніе наследственность и та природа, среди которой протекаетъ ея жизнь.

Многочисленные труды различныхъ западныхъ и восточныхъ ученыхъ въ области этнографіи четырехъ перечисленныхъ группъ, вошедшихъ въ составъ японской націи, даютъ нѣкоторый матеріалъ—для составленія въ самыхъ общихъ чертахъ понятія о характерѣ японцевъ или, по крайней мѣрѣ, по нимъ можно подмѣтить тѣ черты,

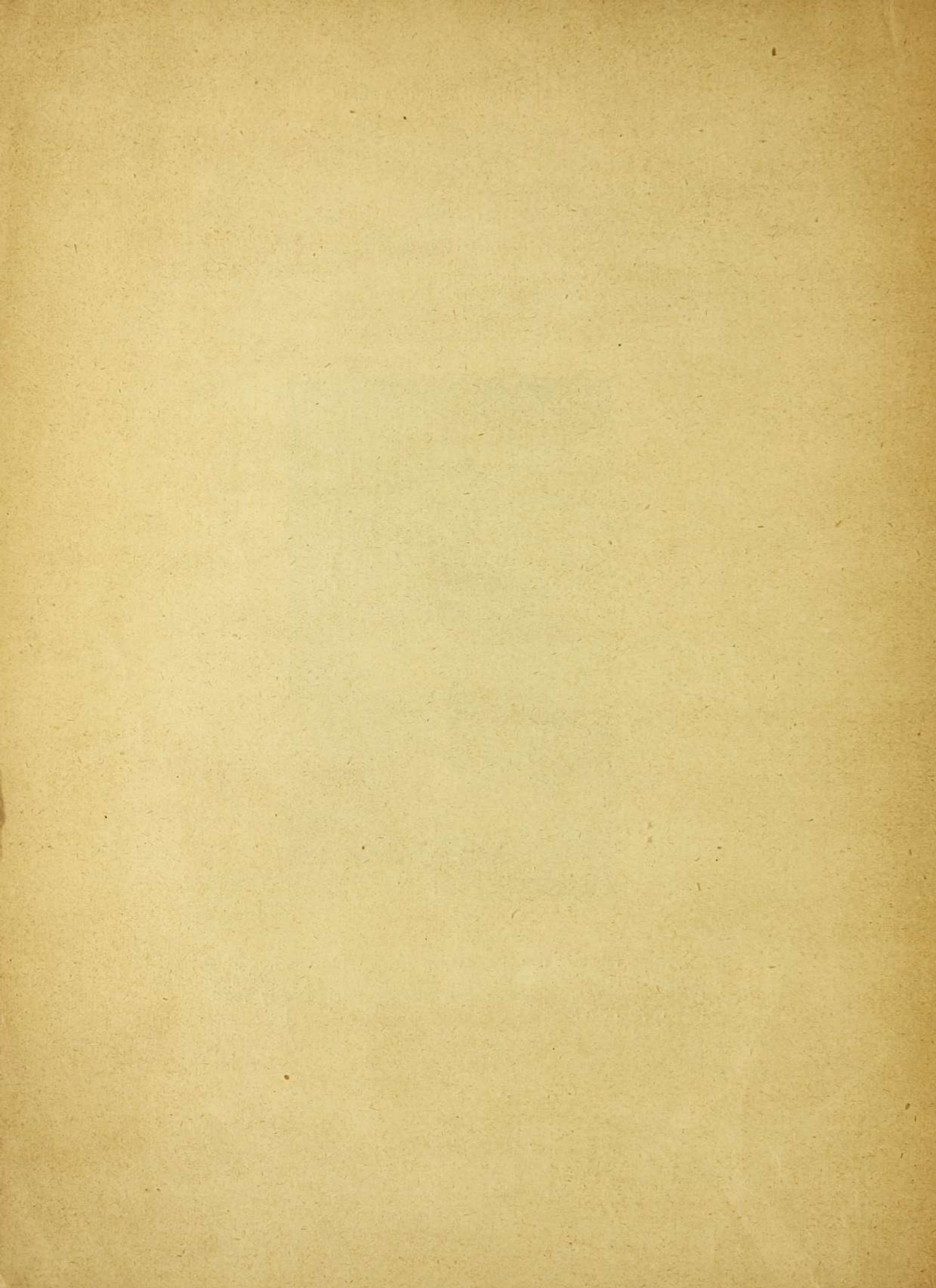
*) См. труды: Griffis'a E. Reed; Cl. Macleod, Cl. Maitre и др.

**) Ссылаясь на авторитетъ проф. Коганей, проф. Цубоя; кромѣ того, въ видъ подтвержденія этой теоріи можемъ сослаться на труды Гора, Рюдаю; Номада Юрисукэ и пр.

Рис. 1.

Божественный принц **Ихарэ**, прямой потомок богини солнца Аматэрасу,—основатель японского государства, царствовавший под именем первого Императора **Дзимму Тенно**. (660 г. до Р. X.).

особенности характера, которыя, будучи безусловно не чужды и современному японцу, подтверждаютъ еще разъ гипотезу г. Каваками.

Мы не будемъ утомлять читателя цитатами изъ специальныхъ сочиненій *), суммируемъ лишь то,—что добыто по этому вопросу г. Каваками. Такъ, по его мнѣнію, къ положительнымъ качествамъ характера японца слѣдуетъ отнести: *храбрость, отвагу, добродушіе, упорное сопротивленіе* всякому нападенію на все родное японца, *чувство общей отвѣтственности* и *господство элемента поэзіи* и даже вѣрнѣе сказать, поэтической фантазіи во многихъ вопросахъ его жизни. Къ отрицательнымъ сторонамъ характера японца слѣдуетъ отнести: *гордость, подозрительность, предвзятость взгляда*, какъ результатъ изолированности, и наконецъ *импульсивность, порывистость*, какъ нѣчто противоположное спокойному, правильному мышленію.

Итакъ, по мнѣнію японца, въ его характерѣ положительныя стороны господствуютъ надъ отрицательными. Небезинтересно мнѣніе г. Каваками по поводу порывистости японца.

„Порывистость, какъ ничѣмъ несдерживаемая сила, можетъ въ одно прекрасное время подавить всѣ достоинства японца. Подобно тому, какъ „народное управленіе“ должно базироваться на общественномъ мнѣніи и волѣ народа, стойкость которыхъ зависитъ отъ разумныхъ склонностей и потребностей общественныхъ элементовъ, такъ японское общество при наличности чувства порыва въ будущемъ ждетъ не мало несчастій, отгадку которыхъ лишь можно найти въ чертахъ характера японской націи,—на которыя до сихъ поръ не обращали вниманія“.

Разумѣется, съ этимъ можно не соглашаться, но безусловно должно считаться, какъ съ мнѣніемъ одного изъ чуткихъ знатоковъ японскаго духа.

Такимъ образомъ японецъ сочетаетъ въ своемъ характерѣ черты, присущія нѣсколькимъ народамъ, частью еще и теперь живущимъ, частью вымирающимъ (айны), частью уже вымершимъ (пигмеи).

Вслѣдствіе этого нѣтъ ничего удивительнаго, что японскій народъ, не имѣя въ цѣломъ сходства съ другими восточными и западными народами, имѣетъ съ ними въ частностяхъ много общаго. Стоитъ только вспомнить нѣкоторыя эпитеты, данные европейцами японцамъ—напр.,—„Англичане Д. Востока“ (островная страна), „Французы Азіи“ (подвижность японцевъ), „Нѣмцы Д. Востока“ (дисциплина японцевъ) и даже „Итальянцы Д. Востока“ (по развитію искусства и поэзіи), чтобы согласиться съ мнѣніемъ г. Каваками объ арийскомъ элементѣ въ японской крови.

Но нельзя однако оспаривать нѣкоторыхъ общихъ чертъ характера японцевъ съ народами Д. Востока. Уже одно то, что цивилизація Китая наложила на Японию своеобразный отпечатокъ,—хотя и не поработила страну,—заставляетъ признать много общихъ чертъ въ характерахъ китайцевъ и японцевъ...

Мы лично склонны видѣть это прежде всего въ отсутствіи у тѣхъ и другихъ чувства религіозности, какъ его понимаютъ на За-

*) De Quatrefages: „The pigmies“; Ripley: „The Races of Europe“; Zander: „Hairy Aina“; Вокль „Исторія цивилиз. Англіи“; Георгіевскаго „Принципы жизни Китая“.

падѣ... Затѣмъ чувство законности, лояльности и взглядъ на старшихъ (культъ предковъ и сыновней почтительности) одинаково сильно захватываютъ и тотъ, и другой народъ.

Дальше мы будемъ еще имѣть случай неоднократно останавливать вниманіе читателя на этой оригинальной гипотезѣ, приближающей Западно-Европейскій міръ къ Восточному,—а теперь перейдемъ къ изложенію краткой политической исторіи Японіи, необходимому восстановленію въ памяти читателя тѣхъ эпохъ изъ жизни японскаго народа, которыя имѣли важное вліяніе на развитіе его политическихъ идей.

*Древняя Япо-
нія.*

Арійцы, сломивъ упорное сопротивление со стороны аборигеновъ и монголовъ, оттѣсненныхъ въ глубь страны къ сѣверу, основали въ центральной части главнаго острова—*теократическую монархію*.

Это имѣло мѣсто 2566 лѣтъ тому назадъ, именно 7 февраля 660 года до Рождества Христова.

Въ этотъ день первый императоръ Японіи Дзимму-тенно,—прямой потомокъ боговъ *), вошелъ на престолъ.

Достоверныхъ данныхъ о жизни государства того времени совершенно не имѣется. Лишь въ легендахъ упоминается, что первый императоръ Японіи—имѣлъ при себѣ всегда *советъ*, безъ котораго не могъ ничего предпринимать въ своей объединительной политикѣ. Это обстоятельство указываетъ на извѣстнаго рода ограниченіе власти перваго монарха.

Въ древности монархъ лично управлялъ гражданскими и военными дѣлами, будучи въ то же самое время и жрецомъ,—посредникомъ между своими подданными и богами.

Самый складъ жизни этого правителя почти ничѣмъ не отличается отъ жизни своихъ подданныхъ согражданъ... и только въ обрядахъ жертвоприношенія ему отводилась болѣе почетная роль. Подданные имѣли свободный доступъ къ правителю;—правитель всегда появлялся предъ народомъ... Судь, будучи общественнымъ и гласнымъ, производился правителемъ на основаніи обычаевъ страны.

Тогда не было ни знатныхъ, ни простыхъ—все были равными... Не было даже разницы въ общественномъ положеніи между полами... Существовали цѣлые роды, наследующіе фамилію и имущество по женской линіи. Мужчины по преимуществу упражнялись въ военномъ искусствѣ, предоставивъ главенство во многихъ другихъ вопросахъ женщины.

Словомъ,—это былъ періодъ полный свободы въ сферѣ политической, общественной и семейной и Каваками даже склоненъ считать этотъ періодъ той кульминаціонной точкой, которой когда либо достигала свобода (включая и нынѣшнія времена) въ Японіи.

Го-нинъ-куми.

Попутно слѣдуетъ отмѣтить, что среди различныхъ институтовъ Японіи временъ начала христіанской эры особеннаго вниманія заслуживаетъ—такъ называемый институтъ—Го-нинъ—куми (Союзъ пяти семействъ). Го-нинъ—куми напоминаетъ собой римскую *collegia* и *eganoi* древнихъ грековъ.

*) Dr. Hoffman.

Весь народъ былъ организованъ въ Го-нинъ-куми (союзъ 5 семействъ). Каждый союзъ, будучи связанъ родственными узами съ сосѣдними,—а эти въ свою очередь съ дальше лежащими,—являлся единицею, исходнымъ началомъ—принципомъ японской государственности.

Подобная организація—связи кровными узами всего народа—была въ силѣ почти до самаго начала феодализма. Основной идеей этой организаціи—по мнѣнію японскаго ученаго профессора Ходзуми, *)—специально изслѣдовавшаго этотъ вопросъ—была взаимопомощь,—въ дѣлѣ построекъ домовъ, мостовъ, лодокъ,—въ случаѣ недостатка пищевыхъ продуктовъ,—по устройству общественныхъ развлеченій,—поощренія въ „хорошихъ“ стремленіяхъ.

Важность этого института для политической исторіи Японіи,—по мнѣнію г. Каваками,—заключается въ томъ, что онъ лучше всего иллюстрируетъ ту политическую школу, которую прошелъ японскій народъ и то относительно высокое политическое развитіе, которое является какъ бы подпочвой для современнаго режима.

Японцу не новы идеи самоуправленія и широкой взаимопомощи—онъ еще за много вѣковъ до введенія западныхъ институтовъ былъ уже знакомъ съ ними и пытался даже ввести у себя режимъ очень похожій на конституціонную монархію еще въ тѣ времена. **) когда въ Европѣ монархи Германіи, Англіи и Франціи имѣли жилища едва ли лучше хлѣбовъ, безъ оконъ, безъ трубъ—съ дырою въ потолкѣ для пропуска дыма.

Итакъ—вопреки мнѣнію многихъ ученыхъ—основы конституціоннаго режима (самоуправленіе) не являются исключительно продуктами западной цивилизаціи, но онѣ были извѣстны еще въ глубокой древности и на Востокѣ.

Прошло почти тысячу лѣтъ съ того момента, когда божественный императоръ Дзимму-тенно въ седьмомъ вѣкѣ до Р. Х. основалъ свою монархію. Этотъ огромный періодъ характеризуется: цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ потомковъ I-го Императора въ объединеніи и расширеніи государства путемъ покоренія аборигенъ острововъ и завоеваніи Кореи; привеллигированнымъ положеніемъ женщинъ ***) , которыя стояли часто не только во главѣ отдѣльныхъ непокорныхъ племенъ—но и во главѣ государства.—Конецъ этого періода знаменуется проникновеніемъ въ Японію буддизма и китайской цивилизаціи.

И за этотъ огромный промежутокъ времени—все рѣзко измѣнилось въ Японіи.

Личность правителя начинаетъ постепенно заслоняться отъ народа тѣми лицами, которыя раньше являлись лишь представителями нѣсколькихъ „го-нинъ-куми“, а теперь они уже совершенно порвали

*) Сочиненіе профессора Токиоскаго университета г. Ходзуми: „Го-нинъ-куми“.

**) См. отдѣлъ „Женскій вопросъ въ Японіи“.

Императрица Суйко (591-629 по Р. Х.) поручила своему фавориту принцу Сіотоку издать знаменитые 16 параграфовъ гражданскаго уложенія, которые современные японскіе ученые склонны разслѣдовать, какъ «конституціонныя начала тогдашней Японіи“.

***) См. Наше „Женское движеніе въ Японіи“. Спб. 1909 г., изд. „Обществ. Польза“.

свои связи съ этими мелкими группами и, участвуя въ походахъ вмѣстѣ съ повелителемъ, раздѣляли его труды по управленію стра-ною и выдѣлились въ двѣ рѣзко другъ отъ друга обособленныя касты—въ военную и гражданскую, положивъ тѣмъ начало бюро-кратіи.

Въ то же самое время особенную силу и самостоятельность на-чала проявлять провинціальная бюрократія—или, говоря вѣрнѣе, нѣ-сколько старинныхъ родовъ, живущихъ вдали отъ центрального пра-вительства и достигнувшихъ постепенно при посредствѣ подкуповъ того, что власть отца передавалась сыну,—хотя официально онъ и числился назначеннымъ Микадо...

Система подобной передачи профессіи и власти отъ отца къ сыну стала проникать всю японскую жизнь.

Мало по малу японская жизнь начала выливаться въ узко сословныя рамки, въ народѣ подавлялась всякая индивидуаль-ность... Сынъ кузнеца не могъ быть столяромъ, сынъ купца—чинов-никомъ... Вскорѣ еще присоединилось сословіе отверженныхъ (эта) и рабовъ.

Разумѣется, бюрократія всѣми силами способствовала такому порядку вещей—при которомъ ея власть дѣлалась прямо непре-дѣльной.

Политическіе и духовные интересы народа крайне сѣузились. Гражданское самосознаніе быстро утратилось, такъ же какъ и дѣя-тельность во имя опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій. Един-ственно, что еще было организовано—такъ это сословіе ремесленни-ковъ, но и ихъ корпоративная жизнь находилась подъ строгимъ и постояннымъ контролемъ чиновниковъ и внѣ сферы узкихъ матери-альныхъ интересовъ ничѣмъ не проявлялась.

Съ каждымъ годомъ средостѣніе между правителемъ и народомъ все увеличивалось...

Бюрократія забирала всю власть въ свои руки, дѣйствуя по своему произволу отъ имени монарха, окруживъ его ореоломъ таин-ственности и недоступности...

Къ этому времени относится главнымъ образомъ особенное распространеніе идеи о божественномъ происхожденіи Микадо...

*Централизація
власти и уч-
режденіе мини-
стерствъ.*

Такъ продолжалось два столѣтія. И только около 7^{1/2} вѣка и начала 8-го подъ вліяніемъ китайскихъ идей среди японской бюро-кратіи происходитъ расколъ и центральное правительство дѣлаеть попытку централизаціи управленія страною. Провинціальная бюро-кратія подчиняется центральному правительству, послѣднее же начи-наеть реформы съ того, что учреждаетъ, подражая Китаю, слѣдую-щія министерства:

1) Накацукаса-сіо	(Министр. Импер. Дворца).
2) Сикибу-сіо	(М-во Граждан. Дѣлъ и Воспитан.).
3) Дзибу-сіо	(М-во Этикета и Церемоніи).
4) Мимбу-сіо	(М-во Доходовъ и Контроль).
5) Хиобу-сіо	(М-во Военное).
6) Гиобу-сіо	(М-во Юстиціи).

- 7) Окура-сіо (М-во Сокровищъ (финансовъ)).
 8) Кунай-сіо (М-во Император. Двора).

Надъ всѣми этими министерствами стоялъ верховный Государственный Совѣтъ (напоминающій китайскій цензуріатъ), который состоялъ изъ четырехъ членовъ: Канцлеръ Имперіи — Великій Министръ, Лѣвый Министръ, Правый Министръ и Первый Совѣтникъ Имперіи.

Вмѣстѣ съ эдиктомъ объ учрежденіи этихъ министерствъ, Микадо издаетъ указъ о раздѣленіи государства на 60 префектуръ, которыя въ свою очередь раздѣляются на шестьсотъ округовъ. Съ этого момента значеніе института „го-нинъ“ — падаетъ, — такъ какъ весь починъ въ дѣлахъ общественныхъ изъ рукъ общества переходитъ въ руки чиновниковъ (съ ихъ провинціальными управлениями), посланныхъ центральнымъ правительствомъ.

Народъ былъ объявленъ прямымъ поданнымъ Императора и всѣ земли — принадлежащими центральному правительству.

Когда этотъ новый институтъ вошелъ въ силу — Императоръ созвалъ членовъ правительства и высшихъ провинціальныхъ чиновниковъ и объявилъ, что „подобно небесамъ, все покрывающимъ, подобно землѣ, которая заботится о всемъ живущемъ — благодѣянія повелителя должны быть неистощимыми. Если бы какой нибудь монархъ нарушилъ бы эти принципы, то онъ былъ бы наказанъ божественною силою, и что всѣ существующіе принципы „управленія другими“ должны быть правилами и для самого Монарха“.

Эти идеи централизаціи и бюрократіи не были изобрѣтеніями японскаго ума — онѣ являлись, какъ мы уже говорили, въ Японію изъ Китая вмѣстѣ съ многими другими позаимствованіями. Вліяніе Китая.

Здѣсь считаемъ не лишнимъ подробнѣе остановиться касательно вліянія Китая на Японію. Вліяніе Китая на политическую жизнь Японіи выразилось главнымъ образомъ въ изученіи сочиненій китайскихъ философовъ.

Особенно вліяніе на развитіе политическихъ идей Японіи оказали Конфуцій и Мэнь-цзы. Ихъ ученіе сводилось, по авторитетному мнѣнію С. Георгіевскаго, къ слѣдующему: Политическое ученіе Конфуція и Мэнь-цзы.

„Единство Имперіи *), гуманное и просвѣщенное правительство, отсутствіе въ средѣ народа прирожденныхъ прерогативъ, богатство народное, гражданская свобода и политическое самосознаніе“.

„Это ученіе въ Китаѣ создано не на почвѣ дѣйствительности, а явилось лишь desiderata — лучшихъ мыслителей китайскаго народа.“

Въ ихъ времена Китай представлялъ изъ себя совокупность удѣловъ, фактически самостоятельныхъ и находившихся въ постоянной борьбѣ между собою; контингентъ обитателей каждаго удѣла распадался на сословіе привилегированныхъ семействъ и лицъ, — массу податнаго земледѣльческаго и ремесленнаго народа и, наконецъ, классъ безправныхъ людей — рабовъ, вербуемыхъ обыкновенно

*) „Важность изученія Китая“ С. Георгіевскаго, стр. 145.

изъ покоренныхъ аборигеновъ; правительства удѣловъ, по характеру своему деспотическія, обосновывались прежде всего на фактической силѣ правителей, утверждались главнымъ образомъ на началахъ традиціи,—были лишены философской подкладки и, если воплощали въ себѣ какія-либо теоріи, то развѣ только „теоріи бродячихъ чиновниковъ“, для которыхъ девизомъ служило „*nihil sacri et veri*“. Истощаемый деспотизмомъ послѣднихъ, простой народъ бѣдствовалъ по всему Китаю *).

„Нынѣ *)“, говоритъ Менъ-цзы: распределение собственности таково, что простолюдины не имѣютъ чѣмъ прокармливать своихъ родителей, женъ и дѣтей, терпятъ крайнюю нужду въ урожайные годы и умираютъ съ голода въ годы неурожайные“.

„Они **)“, говоритъ Менъ-цзы о князьяхъ удѣловъ Цинь и Чу—отнимаютъ отъ народа время (вслѣдствіе частыхъ войнъ), не даютъ ему досуга пахать и полоть для прокормленія родителей: послѣдніе терпятъ холодъ и голодъ; братья, жены и дѣти разлучились другъ съ другомъ и разбрелись,—разыскивая себѣ пропитанія“.—„При такихъ порядкахъ (комментируетъ С. Георгіевскій) массѣ народа китайскаго, само собою разумѣется, было чуждо гражданское самосознаніе, была чужда дѣятельность по убѣжденію.“

„Высказывая своимъ современникамъ политическія desiderata для всей китайской націи и выставляя эти desiderata будто бы уже осуществленными въ вѣка золотой древности, Конфуцій и Менъ-цзы являлись проповѣдниками новыхъ истинъ, являлись творцами идеала, долженствовавшего направить политическую жизнь китайцевъ въ будущее“.

И дѣйствительно, этотъ способъ воздѣйствія на многомилліонную массу китайскаго народа—оказался настолько удачнымъ, что онъ (народъ) вскорѣ же оказался весь цѣликомъ завлеченъ, загнипнотизированъ ученіемъ Конфуція и Менъ-цзы. Философія этихъ мыслителей проникаетъ всю китайскую жизнь. Поэтому можно смѣло сказать, что Китаемъ управляетъ философская система ***) , характеръ который прекрасно обрисованъ историкомъ Шлоссеромъ ****), въ слѣдующихъ словахъ, относимыхъ къ личности ея основателя: „Мало говоритъ Конфуцій и о свойствахъ божества (Шанъ-ди), о состояніи чловѣка послѣ смерти и обо всемъ, что не подлежитъ нашимъ чувствамъ. Онъ былъ занятъ только здѣшнимъ міромъ, и ученіе его указываетъ пути къ истинному счастью, заключающемуся, по мнѣнію Конфуція, въ познаніи самага себя, въ преобладаніи въ насъ благороднѣйшихъ свойствъ нашего существа, въ исполненіи обязанностей и въ желаніи добра ближнимъ“.

Такимъ образомъ, китайскій народъ, обосновывая свою жизнь не на религіи и не на метафизикѣ, а на позитивно-этической философской системѣ (говоритъ С. Георгіевскій).—относился и относился съ благоговѣніемъ къ своимъ монархамъ, какъ высшимъ

*) Менъ-цзы, кн. VII ч. I-я гл. 28.

**) Ibidem, кн. I-я, ч. I-я, гл. 5.

***) С. Георгіевскій. „Важность изученія Китая“ стр. 152.

****) Шлоссеръ. „Всемирная исторія“ т. I стр. 21 и 22.

представителямъ власти, но въ то же самое время требовалъ и требуетъ отъ нихъ, чтобы они не нарушали вѣками выработанныхъ прерогативъ народныхъ, помня всегда слова Конфуція: „Если *) государь не исполняетъ своихъ обязанностей, то подданные отъ него отвращаются, и онъ становится предметомъ общей ненависти: такой государь не имѣетъ средствъ для своей охраны (т. е. какъ бы его владѣнія ни были обширны, онъ все-таки рано или поздно долженъ ихъ потерять).

Государь уподобляется лодкѣ, народъ—водѣ;—вода поддерживаетъ лодку, но можетъ и опрокинуть ее“.

Контролировать поведеніе императоровъ и наблюдать за тѣмъ, чтобы они не уклонялись съ должнаго пути, лежитъ въ Китаѣ на обязанности особыхъ цензоровъ. **)

Если мы внимательно вникнемъ въ японскую жизнь 6-го и 7-го вѣка по Р. Хр., то найдемъ немало общихъ чертъ съ только что описанной эпохой Китая, когда въ немъ появился величайшій мыслитель Конфуцій, указавшій многомилліонной массѣ китайскаго народа тотъ путь, идя по которому, Китай могъ бы освободиться отъ разъѣдающихъ государственный организмъ—язвъ и достигнуть небывалой мощи...

И дѣйствительно за истекшее тысячелѣтіе со дня смерти Конфуція—Китай, цѣликомъ принявшій философію Конфуція за руководящій принципъ управленія, представлялъ изъ себя въ 7-мъ вѣкѣ по Р. Хр. одно изъ цивилизованнѣйшихъ государствъ Восточной Азии, оказавшее свое культурное вліяніе и на всѣ сосѣдніе народы...

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и лучшіе представители Японіи того времени, видя, какъ постепенно начинаетъ разлагаться государственный организмъ ихъ родины,—стали изыскивать способы уврачеванія на сторонѣ.

Первое, на что они обратили вниманіе, это былъ, конечно, Китай, съ его прочною соціальною организаціей и твердо установившейся репутаціей культурной націи.

Японскіе мыслители начали изучать китайскія классическія книги, находя, къ своему не малому изумленію, что многое изъ переживаемаго Японіей было уже давнымъ давно пережито Китаемъ, и что онъ давно уже нашелъ способы для уврачеванія своихъ соціальныхъ и государственныхъ язвъ, въ проведеніи въ жизнь принциповъ ученія Конфуція.

Японцамъ оставалось лишь подражать, что они и не преминули сдѣлать, начавъ съ коренной ломки существующаго порядка. Но конфуціанскія идеи о лояльности императору, централизаціи, понятія въ Японіи нѣсколько иначе, какъ увидимъ ниже, нашли себѣ много защитниковъ и способствовали возстановленію фактической власти Микадо, опирающейся въ своихъ дѣйствіяхъ на особія министерства.

Такимъ образомъ,—какъ это и ни странно на первый взглядъ,—

*) Цзи-юй, гл. 7-я.

**) См. Георгіевскій „Принципы жизни Китая“ гл. XII.

идеи Конфуція, проникнутыя въ основѣ глубокимъ демократизмомъ, появившись въ Японіи,—усилили микадоизмъ.

Благодаря особенностямъ японскаго характера, природы и положенія государства,—китайскія политическія идеи, проникая на Японскіе острова,—принимали иной смыслъ, иной оттѣнокъ.

Не мало тому способствовало и то обстоятельство, что приблизительно въ одно время съ проникновеніемъ философской системы Конфуція и Мэнъ-цзы, въ Японію проникалъ буддизмъ, смягчая сухое конфуціанское ученіе о „матеріальномъ счастьи“—идеями загробной жизни о нирванѣ.

Результатомъ заимствованія явилось то, что Японія восприняла лишь нѣкоторыя формы государственнаго управленія, идею о „замкнутости,—изолированности“ государства... и идею централизованнаго правительства.

Подъ вліяніемъ китайскихъ идей,—совершились коренныя измѣненія въ социальномъ строѣ,—какъ мы указывали уже: напри- мѣръ,—положеніе женщинъ стало болѣе приниженымъ *) и многія другія описанныя нами уже въ своемъ мѣстѣ.

Однако мы не въ правѣ были бы сказать, что Японія окитая- лась,—такъ какъ національный геній Японіи на все перенимаемое у Китая налагалъ свой собственный отпечатокъ, придавая всему чужеземному національный колоритъ.

Извѣстный знатокъ Японіи докторъ Griffis**) говоритъ, что чужеземная цивилизація не можетъ оставаться безъ коренного измѣненія въ Японіи, гдѣ на нее кладется своеобразный оттѣнокъ.

Подъ управленіемъ централизованнаго бюрократическаго правитель- ства Японія пользовалась миромъ, если не считать нѣсколь- кихъ мелкихъ волненій—въ теченіе 5-ти вѣковъ.

За этотъ промежутокъ времени замѣчается большой прогрессъ въ наукѣ (классики), искусствѣ, промышленности и земледѣліи,— нація отличалась необыкновенно хорошимъ здоровіемъ.

Средніе вѣка.

Но въ то же самое время—въ теченіе этого 5-ти вѣковаго пе- ріода незамѣтно увеличивалось вліяніе благороднаго чиновничьяго сословія на дѣла правленія.

Постепенно все управленіе страной сосредоточивалось въ ру- кахъ перваго министра, который былъ въ зависимости отъ нѣсколь- кихъ семействъ, окружавшихъ тронъ. Правительство по своей кон- струкціи и природѣ напоминало *олигархію*.

Кучка людей, державшая въ своихъ рукахъ кормило правленія,— посылала въ провинцію своихъ ставленниковъ, которые, являясь без- прекословными исполнителями первыхъ, отнимали у народа одно за другимъ его исконныя привилегіи и права особенно въ вопросахъ мѣстнаго самоуправленія, взаимопомощи и обращенія съ петиціями къ Императору.

Къ началу 12-го вѣка у народа фактически были отняты всѣ права. Представители гражданской и военной бюрократіи, объединен-

*) См. Наше „Женское движеніе въ Японіи“ СПб. 1909 г.

**) См. „Religions of Japan“.

ные центральной властью и дѣйствовавшіе до сего времени дружно,—около того же 12-го вѣка начинаютъ вновь спорить изъ-за господства въ дѣлахъ управленія странюю...

Приблизительно около этого же времени на аренѣ политической жизни Японіи—появляется новый элементъ—*буддійскіе монахи*, которые, вліяя на своихъ всемогущихъ въ дѣлѣ управленія „духовныхъ сыновъ“,—подобно своимъ братьямъ—католическимъ монахамъ,—дѣлали попытку сосредоточить всю государственную власть въ своихъ рукахъ.

Борьба между этими тремя классами имѣла результатомъ полную побѣду военной бюрократіи, которая въ концѣ 12-го вѣка совершенно оттѣснила отъ власти гражданскую бюрократію и представила въ видѣ особой милости буддійскимъ монахамъ въ ихъ распоряженіе лишь монастыри съ ихъ роскошными садами, которые первоначально предположено было даже отвести подъ учрежденія, служащія развитію и культивированію физической силы страны.

Съ этого момента начинается систематическое разрушеніе основъ „централизаціи правительства“,—усиленіе и стремленіе къ самостоятельности провинцій, во главѣ которыхъ встаютъ тѣ самыя семьи родовитаго чиновничества, которыя въ предыдущую эпоху окружали Императора. Феодализмъ.

Фигура Императора и раньше уже была едва примѣтною на фонѣ политической жизни Японіи—теперь же она совершенно теряется...

Объ Императорѣ лишь ходятъ легенды, что гдѣ то въ Киото—въ „сказочной роскоши“—живетъ потомокъ боговъ и лишь отраженный свѣтъ отъ котораго нисходитъ на правительство или, правильнѣе сказать, на многія правительства, такъ какъ къ этому времени феодализмъ уже успѣлъ окрѣпнуть на Японскихъ островахъ и каждая префектура обратилась въ государство.

Въ дѣйствительности же Императоръ, потомокъ боговъ, жилъ въ страшной бѣдности „въ домѣ, черезъ крышу котораго протекала вода во время дождя“, ближайшіе родственники Императора вынуждены были брать подъ проценты деньги у купцовъ, чтобы не умереть съ голода.

Между тѣмъ во дворцахъ феодаловъ было собрано все лучшее, все цѣнное изъ національнаго искусства—„ихъ дворцы утопали въ роскоши, говоритъ японскій историкъ, ихъ жены были первыя красавицы Японіи; изъ Кореи и Китая привозились имъ дорогія матеріи и рѣдкости“. Народъ былъ окончательно порабошенъ нѣсколькими всемогущими семьями...

Четыре съ половиною вѣка продолжался этотъ духовный полумракъ.

Войны, схватки,—ссоры между феодалами и стонъ народа характеризуютъ эту эпоху.

Институты „катаги-уци“ (кровной мести) и „сеппуку“ или харикири *) являются наслѣдіемъ ихъ.

*) См. брош. А. А. Богословскаго: „Къ характеристикѣ японск. благ. сословія“.

Японскій
патріотизмъ.

Но, не взирая на феодальный строй, въ дѣлахъ внѣшней политики—всѣ феодалы были всегда солидарны.

Патріотизмъ достигъ своего высшаго напряженія и нашелъ себѣ выраженіе въ своеобразной формулѣ:

„Каждый японецъ прежде всего лояленъ предъ Императоромъ (имперскій патріотизмъ). Затѣмъ онъ долженъ быть лояленъ предъ своимъ феодальнымъ правителемъ („мѣстный“ патріотизмъ—въ случаѣ междуусобныхъ войнъ).

1281
„Имперскій“ патріотизмъ выразился въ блестящемъ отраженіи монгольскаго нашествія *), въ веденіи успѣшныхъ войнъ съ Кореей и основаніе института японскаго рыцарства (самурайства). По словамъ проф. Каваками, учрежденіе послѣдняго въ странѣ, которая не имѣла никакихъ сношеній съ Западомъ,—является лучшимъ аргументомъ для опроверженія установившагося на Западѣ мнѣнія, что рыцарство такъ же, какъ и идеи конституціонализма—суть продуктъ исключительно христіанской цивилизаціи **).

Подобный режимъ, развиваясь постепенно, породилъ въ началѣ 17-го столѣтія—институтъ „сіюгуната“ ***).

Благодаря этому обстоятельству въ Японіи царствовала тройная узурпація власти, одна на другую опирающаяся.

Узурпація
Император-
ской власти.

Императоръ узурпировалъ власть у народа (вспомнимъ какъ контрастъ положенія древняго монарха); сіюгунъ узурпировалъ власть у Императора; даимію (феодалы) узурпировали ее у сіюгуна—и наконецъ бывало очень часто, что у послѣднихъ (даймію), такъ сказать, фактическихъ управителей народа—узурпировали власть первые ихъ помощники-сиккены.

Каждый изъ этихъ властителей,—опираясь на имя старшаго—дѣйствовалъ отъ имени божественнаго императора, хотя этотъ былъ не болѣе не менѣе, какъ простой пуфъ...

Многіе это знали, но еще большее число подданныхъ Микадо лишь догадывалось объ истинномъ положеніи своего монарха.

Такъ продолжалось до 17-го вѣка, когда на смѣну Хидэіоси, этому гениальному плебею, властелину Японіи,—прозванному современными историками „Японскимъ Наполеономъ“,—унаслѣдовалъ на правахъ регента его сына, личный его другъ и сподвижникъ Іеясу Токугава.

Если Хидэіоси—по праву можно считать объединителемъ Японіи подъ скипетромъ сіюгуна,—то Іеясу должно назвать законодателемъ Японіи.

Первый сконцентрировалъ власть при помощи физической силы,—второй закрѣпилъ ее при помощи цѣлаго ряда законодательныхъ актовъ. Іеясу въ противоположность Хидэіоси—былъ болѣе расположенъ къ упорядоченію внутренней жизни, чѣмъ къ активной внѣшней политикѣ.

*) Огромная монгольская армада въ 1281 году погибла у береговъ Японіи.

**) Существуетъ также мнѣніе,—что рыцарство—перенято отъ арабовъ, съ которыми однако у японцевъ еще менѣе общаго, чѣмъ съ арійцами.

***) Здѣсь мы не считаемъ необходимымъ подробно останавливаться на этомъ своеобразномъ институтѣ Японіи, полагая, что читатель уже хорошо о немъ осведомленъ.

Иеясу, желая изолировать Японию, приказал даже сжечь больше корабли, чтобы у потомков не было желанія воспользоваться ими для завоевательныхъ цѣлей и экспедицій на материкъ (Корею). Иеясу оставилъ послѣ себя замѣчательный документъ—это „завѣщаніе“ своему сыну. Въ этомъ завѣщаніи чувствуется искренняя нотка участія правителя въ жизни народа и желаніе улучшить его положеніе.

Но это желаніе и осталось лишь таковымъ. Правда, были даны нѣкоторыя льготы торговому сословію, обращено было нѣкоторое вниманіе на искусство и науку,—но все это было палліативы, которые скорѣе раздражали народъ, чѣмъ успокаивали.

Постепенно въ народѣ накоплялось чувство непріязни къ узурпаторамъ и личность Императора окружалась все большею и большею любовью... Немало способствовали пробужденію имперіализма „ронины“—эти японскіе „рыцари безъ страха и упрека“, разносившіе среди народа сѣмена недовольства.

Въ концѣ XVII-го столѣтія на горизонтѣ политической жизни Японіи появляется нѣсколько самоотверженныхъ политиковъ, проникнутыхъ искреннею любовью къ народу, о которомъ многочисленные правители Японіи, повидимому, совершенно забыли. Такъ, одинъ изъ талантливѣйшихъ государственныхъ дѣятелей этого періода Мадзатоси—сумѣлъ подчинить своему вліянію сіюгуна,—имѣлъ смѣлость громко объявить, что вся сила и мощь страны зависитъ не отъ феодаловъ и самураевъ, а отъ простого земледѣльца, и поэтому его политикою будетъ защита простого народа отъ кабалы празднаго и непродуктивнаго класса—самураевъ.

*Пробужденіе
самосознанія.*

Такое посягательство на привилегіи послѣднихъ не могло пройти безнаказанно—даже для такого популярнаго въ странѣ челоуѣка, какимъ былъ Мадзатоси. Послѣдній погибъ отъ руки одного подосланнаго убійцы.

Однако—мысли этого мужа нашли себѣ еще болѣе талантливаго защитника въ лицѣ одного общественнаго дѣятеля въ кланѣ Окаяма, по имени Кумадзава Бандзава. Послѣдній въ своей проповѣди, защитѣ правъ народа пошелъ дальше Мадзатоси—онъ объявилъ, *) что Императоръ былъ настоящій глава націи, а сіюгунъ является лишь его представителемъ, что самураи въ сущности являются бандитами, которые получаютъ отъ государства незаработанное ими содержаніе, что буддизму судьбой предназначено быть источникомъ національныхъ волненій, а священно-служители его вырождаются въ концѣ концовъ въ бродягъ, что попытки правительства уничтожить христіанство (едва успѣвшее завоевать себѣ уваженіе въ южныхъ ленахъ, благодаря неутомимой дѣятельности іезуитскаго епископа Ксавье)—неразумны, что среди проповѣдниковъ христіанства есть люди высокообразованные, отъ которыхъ можно научиться многому для защиты отечества и укрѣпленія центральной власти.

По тѣмъ временамъ это было настолько революціоннымъ ученіемъ, что по совѣту друзей Кумадзава Бандзава—принужденъ былъ

*) См. „Очерки по исторіи японскаго народа“ Николаева.

удалиться отъ всякой общественной работы и прекратить проповѣдь въ защиту народа и Императора. Однако и этотъ мыслитель нашелъ себѣ горячихъ послѣдователей...

Въ одномъ изъ наиболѣе близкихъ къ сіюгуну клановъ—Мито появляется цѣлая школа ученыхъ, занявшихся съ разрѣшенія сіюгунскаго правительства изученіемъ лѣтописей.

Изслѣдуя памятники древности, эти ученые во главѣ съ самимъ феодаломъ Комономъ (внукомъ знаменитаго сіюгуна Іеясу) пришли къ заключенію, что власть сіюгуновъ покоится на глубокой узурпаціи власти Императора.

Въ 1715 году была издана знаменитая „Исторія Японіи“ (Дай Нихонъ-си), гдѣ и былъ впервые проведенъ этотъ взглядъ, благодаря которому внукъ пробиваетъ брешь въ той твердынѣ сіюгуната, которую соорудилъ его великій дѣдъ.

Это открытіе произвело большой переворотъ въ умахъ японцевъ и положило начало *империалистическому движенію* въ Японіи; искра была брошена на благодарную почву.

Всюду по Японіи начинаютъ появляться тайныя ассоціаціи, составленныя преимущественно изъ самураевъ и ихъ бродячихъ товарищей—рониновъ. Къ 1740 году империалистическая идея уже проникаетъ въ среду нѣкоторыхъ мелкихъ феодаловъ, терпящихъ вслѣдствіе своей слабости произволъ сіюгуна и мечтавшихъ, что въ случаѣ возвращенія власти Императору ихъ положеніе будетъ гораздо лучше.

Однако власть сіюгуна была еще такъ сильна, что высказывать такія вещи громко было бы равносильно добровольному хара-кири, что и пришлось испытать одному сиккену, принадлежащему къ одному изъ мелкихъ южныхъ клановъ... Вслѣдствіе этого обстоятельства—империалистическое движеніе на нѣкоторое время какъ бы ослабѣваетъ.

Россия—первая пробудительница Японіи.

Вновь возродиться ему суждено было лишь въ началѣ XIX столѣтія, и пробудительницей его явилась Россия. Случилось это такъ. Нѣсколько десятковъ казаковъ золотоискателей появились въ устьѣ Амура, а затѣмъ переправились на Сахалинъ. Здѣсь они устроили себѣ временныя жилища, изъ которыхъ предпринимали „развѣдки“, ничѣмъ не отличавшіяся по существу отъ разбойничьихъ набѣговъ*).

Живя по преимуществу бродяжнической жизнью, казаки—не имѣли времени заготовлять запасы пищевыхъ продуктовъ на зиму, поэтому они попросту обложили японскихъ рыбаковъ—жителей прибрежныхъ деревень Японскаго острова Хокайдо—своеобразною данью—доставлять въ ихъ зимовья на южномъ Сахалинѣ запасы рыбы, риса и матеріи для одежды; непокорныхъ они наказывали, ломали ихъ лодки, рвали снасти, жгли дома, насиловали женщинъ; были случаи, что казаки сжигали цѣлыя деревни рыбаковъ, не желавшихъ поставлять русскимъ провизіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ японскіе историки.

*) Здѣсь имѣются въ виду руководители и рабочіе (казаки) знаменитой въ свое время «Русско-Американской Компаніи» во главѣ съ лейтен. Хростовымъ и мич. Давыдовымъ,—поправлять дѣла которой былъ посланъ въ 1805 году камергеръ Резановъ.

Японскіе рыбаки начали жаловаться на русских правительству сіюгуна.

Послѣднее послало на сѣверъ специальный охранный отрядъ для борьбы съ „сѣверными разбойниками“. По прибытіи этого отряда хозйничанье русскихъ казаковъ на Японскихъ островахъ постепенно прекращается. Однако самый фактъ появленія русскихъ на Японскихъ островахъ уже сильно поразилъ Японскихъ политиковъ того времени.

Послѣдніе начинаютъ интересоваться Россіей. Сіюгунское правительство приказываетъ узнать своимъ агентамъ отъ католическихъ монаховъ въ Нагасаки, португальскихъ купцовъ и „по китайскимъ книгамъ“ объ Россіи, ея территоріальныхъ владѣніяхъ и о политикѣ.

Результаты первоначальнаго изслѣдованія о Россіи поразили японскихъ государственныхъ дѣятелей.

Тема о Россіи является одной изъ злободневныхъ. „Кита-но-васи“ (сѣверная хищная птица—намекъ на нашъ государственный гербъ)—упоминается во всѣхъ тогдашнихъ политическихъ сочиненіяхъ, докладахъ и даже поэтическихъ произведеніяхъ.

Такъ какъ въ это же время появляется знаменитая поэма, написанная Оноріо-Сихей *), посвященная Россіи и ея агрессивной политикѣ. Содержаніе ея сводилось къ слѣдующему.

„Съ Запада на Востокъ летитъ великій хищникъ. Его полетъ сопровождается стономъ и плачемъ тѣхъ народовъ и странъ, надъ которыми онъ пролетаетъ.

„Онъ летитъ по Азій, хватая своими острыми цѣпкими когтями одно царство за другимъ. Полетъ его продолжается и теперь. Вотъ онъ уже у моря.—Перешагнулъ его. Появился на сѣверныхъ островахъ. Отъ его громаднаго тѣла падаетъ тѣнь на Японію.—Сѣверные японцы уже находятся въ этой тѣни!

„Бойтесь, японцы, „Кита-но-васи“ (сѣвернаго хищника),... страшитесь попасть въ его цѣпкіе когти,—защищайтесь отъ него сами и защищайте отъ него вашихъ потомковъ, не надѣйтесь на сіюгуна“!!

Разумѣется, поэма была конфискована, а авторъ посланъ обучать „айновъ“. Однако поэма успѣла облетѣть всю Японію и обнаружить передъ всей страной слабость сіюгунскаго правительства, которое не можетъ справиться съ защитой отечества отъ внѣшняго врага. Лучшіе люди того времени начали изыскивать способы для сохраненія неприкосновенности Японіи—внѣ сіюгунскаго правительства, и естественно, что взоры всей страны обратились въ Кіото, гдѣ въ это время жилъ потомокъ боговъ, который одинъ лишь могъ спасти Японію...

Империалистическое движеніе возродилось. Сіюгунатъ, находившійся въ то время подъ ударами своихъ тайныхъ противниковъ, не былъ уже такъ увѣренъ въ своихъ дѣйствіяхъ и началъ проявлять слабость. Ею воспользовались империалисты...

Успѣху послѣднихъ много способствовалъ все увеличивавшійся ростъ и вліяніе торгово-промышленнаго класса, который постепенно

*) Авторъ этой поэмы—европейски образованный японецъ—основатель первое общество—„сохраненіе независимости Японіи отъ посягательства Россіи“.

принималъ типичныя формы буржуазіи. Этотъ классъ, давая въ займы деньги самураямъ, феодаламъ, пріобрѣталъ все большее и большее вліяніе въ политической жизни страны. Съ нарожденіемъ болѣе или менѣе крупныхъ владѣльцевъ мастерскихъ и торговыхъ предпріятій замѣчается увеличеніе контингента работниковъ, батраковъ, напоминающихъ своимъ, зависимымъ отъ хозяевъ положеніемъ, — рабовъ.

Параллельно съ возникновеніемъ буржуазіи, — появляются крупные землевладѣльцы, — отдающіе въ аренду свои земли безземельнымъ крестьянамъ, лишеннымъ земли по „закону о надѣлѣ землею въ количествѣ, дающемъ не менѣе, чѣмъ 10 коку рису“, и вынужденнымъ довольствоваться очень скуднымъ пропитаніемъ, при затратѣ огромнаго труда. Благодаря такимъ социальнo-экономическимъ измѣненіямъ, въ Японіи постепенно увеличивается элементъ недовольныхъ существующими законами и видящихъ единственное спасеніе въ возвращеніи власти Императору.

Подобное настроеніе народныхъ массъ было усилено появленіемъ у Японскихъ острововъ въ началѣ XIX столѣтія русскихъ военныхъ кораблей, тшетно искавшихъ случая подъ разными предлогами завязать сношеніе съ правительствомъ сіюгуна...

Каждое появленіе русскихъ кораблей у береговъ Японіи въ глазахъ народа, особенно самураевъ (значительная часть которыхъ уже открыто стояла за возвращеніе власти Микадо), — было доказательствомъ безсилія сіюгунскаго правительства и угрозой со стороны Россіи политической независимости Японіи.

Сіюгунское правительство и само уже сознавало необходимость обезпечить безопасность страны со стороны Россіи, предпримчивость, если не сказать, назойливость, которой начинала пугать сіюгунское правительство, — и оно рѣшило предпринять рядъ мѣропріятій для защиты своихъ сѣверныхъ границъ отъ вторженія русскихъ.

Обращая вниманіе читателя на этотъ фактъ, мы склонны видѣть въ немъ одну изъ тѣхъ побудительныхъ причинъ, благодаря которымъ Японія твердо и быстро пошла по пути еврепейскаго прогресса и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже опередила свою первую пробудительницу Россію.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые японцы (и американскіе писатели, а за ними писатели и всѣхъ другихъ націй) считаютъ, что лишь прібытіе кораблей американскаго командора Перри побудило японцевъ вступить на путь европейскаго прогресса, — между тѣмъ совершенно игнорируютъ подобную же дѣятельность Россіи, изъ-за боязни предъ которой Японія вступила въ болѣе тѣсныя сношенія, чѣмъ это было раньше, съ голландскими купцами касательно спѣшныхъ закупокъ военныхъ матеріаловъ для оборудованія крѣпостей... Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что ко времени внезапнаго прібытія эскадры адмирала Перри приморскія крѣпости Японіи были настолько оборудованы, подготовлены — что готовы были встрѣтить эскадру изъ усовершенствованныхъ орудій.

Если этого и не случилось съ американцами, то только въ силу происходящихъ разногласій между феодалами и сіюгуномъ, касательно внѣшней политики.

Но фактъ остается фактомъ, что первою пробудительницею Японіи, можетъ быть, и безсознательно—явилась Россія.

И идея милитаризма, имѣвшая прекрасную подпочву въ самурайствѣ и развившаяся благодаря агрессивнымъ дѣйствіемъ Россіи, явилась руководящимъ началомъ японскихъ заимствованій у Запада.

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить, что на политическое развитіе Японіи, кромѣ китайскихъ идей, имѣли огромное вліяніе различныя религіи. Такъ, до насъ дошли преданія о роли синтоистическихъ жрецовъ, этихъ посредниковъ между богами и народомъ въ государственной жизни; мы знаемъ заслуги и интриги буддійскихъ монаховъ и о ихъ борьбѣ съ бюрократіей изъ-за власти надъ народомъ.

Намъ извѣстно также о дѣятельности и непродолжительномъ вліяніи іезуитовъ и другихъ католическихъ миссіонеровъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Не должны мы также обходить молчаніемъ и того факта, что за послѣдніе 50 лѣтъ миссіонеры различныхъ христіанскихъ сектъ имѣли сильное вліяніе на многіе японскіе государственные умы.

Уже тотъ фактъ, что многіе политики Японіи являются или христіанами, или сочувствующими той или иной христіанской сектѣ,—показываетъ, что христіанство имѣло вліяніе довольно сильное на политическую жизнь, но однако не такое уже большое, что исключительно одному ему можно было бы приписывать прогрессъ въ политической жизни Японіи, какъ это часто дѣлаютъ миссіонеры въ своихъ описаніяхъ Японіи.

Такимъ образомъ, суммируя сказанное, на политическое развитіе японскаго народа въ его прошломъ имѣла вліяніе конфуціанская этическо-позитивная философія,—смягченная какъ собственными вѣрованіями японцевъ въ сверхъестественное („синтоизмъ“), такъ и трансцендентальностью буддизма и метафизическими воззрѣніями позднѣйшихъ христіанскихъ сектъ.

Конфуціанскія идеи объ ограниченіи правъ монарха—съ одной стороны и предоставленіе народу значительныхъ правъ въ дѣлѣ управления страной—съ другой стороны—въ Японіи потеряли свою остроту, утратили свой демократическій характеръ.

Пессимизмъ буддизма—не привился во всей своей полнотѣ японцу, — выросшему среди чудной природы и поэтому большому оптимисту, но усилилъ въ немъ подозрительность...

Христіанство ему помогало лишь ориентироваться въ моральныхъ и политическихъ идеяхъ европо-американскаго міра, но ни въ коемъ случаѣ не больше.

Сказавши вкратцѣ о тѣхъ вліяніяхъ, на которыхъ воспитались политическіе идеалы японца, мы перейдемъ къ эпохѣ реставра-

*Реставрація
власти
Императора.*

Причины пере- ции власти Императора — эпохъ Мей-дзи, продолжающейся до на-
ворота. шихъ дней.

Прежде всего скажемъ—какія были главныя причины послѣдняго государственнаго переворота въ Японіи:

1) Паденіе силы и авторитета центрального правительства (сіюгуната).

2) Ученые и писатели, трактующіе о возстановленіи власти Императора и низверженіи сіюгуната.

3) Ростъ торгово-промышленнаго класса.

4) Появленіе иностранцевъ.

Почти всѣ европейскіе писатели почему то приписываютъ переворотъ Японіи именно этой четвертой причинѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ и по мнѣнію Каваками она является лишь тою каплей, которая переполнила собою чашу терпѣнія японскаго общества,—и только, какъ таковая, имѣетъ значеніе...

О событіяхъ, о междоусобныхъ схваткахъ, о паденіи сіюгуна и возстановленіи власти Императора, т. е. о всей такъ сказать „фактической“ сторонѣ этой эпохи переворота, мы говорить не будемъ, полагая, что она хорошо извѣстна читателю, перейдемъ къ выясненію тѣхъ теченій, которыя вызвали впослѣдствіи къ жизни японскія конституціонныя учрежденія и политическія партіи.

Послѣдствія
переворота.

Послѣдствіемъ переворота явилось:

1) Возстановленіе дѣйствительной власти Микадо.

2) Возстановленіе бюрократіи и центрального Императорскаго правительства.

3) Нарожденіе буржуазіи—съ одной стороны и (фабрично-заводскаго) рабочаго сословія—съ другой.

Но если японскій народъ и оказался настолько подготовленнымъ къ государственному перевороту, что борьба между защитниками стараго и новаго режима не была кровопролитною, то положеніе его оказалось жалкимъ, когда онъ увидѣлъ во главѣ Имперіи Императора, окруженнаго все тѣми же лицами, тиранію которыхъ онъ только что, казалось, уничтожилъ.

Новая эра не предвѣщала ничего утѣшительнаго народу.

Лучшіе люди Японіи обратились за помощью къ Западу, но боялись въ то же самое время и порабощенія имъ...

Когда японцамъ была предоставлена сокровищница западныхъ знаній,—то они прежде всего набросились на изученіе военно-морского искусства и политическихъ доктринъ.

Говорить о первомъ мы не считаемъ здѣсь умѣстнымъ, остановимся поэтому на изученіи японцами политическихъ теорій Запада. Начали японцы изученіе съ Монтеस्कье. Его „Духъ Законовъ“ съ увлеченіемъ штудировался высшими членами правительства. Часть сочиненій Монтеस्कье была переведена на японскій языкъ.

Подъ вліяніемъ этого мыслителя новое правительство торжественно объявило, что правительствомъ будутъ рѣзко раздѣлены функціи власти законодательной, исполнительной и судебной, что представители власти законодательной и исполнительной не будутъ од-

ними и теми же лицами и не будут исполнять обязанности одни— вместо другихъ.

Правительство, заявивъ о такомъ порядкѣ вещей,—умолчало о томъ, что представители этихъ обществъ властей—не будутъ вмѣшиваться въ дѣйствія судебной власти. Такимъ образомъ, уже съ первыхъ шаговъ новое правительство вступило на скользкій путь, оставивъ лазейку для своихъ произвольныхъ дѣйствій.

Этого было, конечно, достаточно, чтобы среди интеллигенціи того времени—возникло недовольство. Къ тому же и Императоръ медлилъ съ реализаціей своей клятвы.

Послѣдній, еще при восшествіи на престолъ въ 1867 году, торжественно поклялся, что въ его царствованіе „все общественныя дѣла будутъ рѣшаться общественными собраніями“, и что онъ, монархъ, во всехъ важныхъ вопросахъ, касающихся жизни и благосостоянія его подданныхъ, будетъ совѣтоваться съ „свѣдующими людьми Имперіи“. Такимъ образомъ, нынѣшній монархъ—Муцу-хито, 121 Императоръ Японіи *), при самомъ вступленіи своемъ на престолъ былъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Однако подобное расплывчатое обѣщаніе монарха не удовлетворило многихъ лучшихъ представителей народа, такъ какъ управление страной перешло въ руки высшаго придворнаго дворянства, которое, пользуясь вліяніемъ на Императора, проводило свои узко партійные взгляды, воспитанные на древнихъ дворянскихъ традиціяхъ.

Мнѣніе же народа (какъ такового) игнорировалось.

Естественно, что подобное управление страной не приносило осязательныхъ результатовъ и разница въ управленіи сводилась лишь къ тому, что власть надъ страной перешла отъ феодаловъ въ руки придворныхъ, т. е. произошла лишь перемѣна названія правящаго класса, а система управленія страной изъ феодальной превратилась въ олигархическую. Правда,—все же это былъ шагъ впередъ.

Такая перемѣна правительственной системы—заставила задуматься народъ надъ тѣмъ, что, какъ его недавніе повелители феодалы, такъ и новые его господа—дворяне одинаково чужды ему и совершенно не заботятся о его интересахъ.

Въ обществѣ начали раздаваться голоса о необходимости болѣе точнаго опредѣленія смысла Императорской клятвы, о предоставленіи обществу самому рѣшать свои дѣла, въ виду того, что олигархическое правительство уже неоднократно посягало на эту привилегію новаго японскаго общества.

Въ столицахъ и большихъ провинціальныхъ городахъ все чаще и чаще являются недовольные подобнымъ управленіемъ страной.

Въ 70-хъ годахъ, т. е. черезъ два года по возвращеніи Микадо фактической власти, замѣчается уже явное броженіе среди японской интеллигенціи.

Къ этому же времени организуются союзы, ставящіе себѣ цѣлью скорѣйшее осуществленіе Императорской клятвы и точное опредѣленіе политическихъ правъ народа.

*) Прямой потомокъ божественнаго основателя Японіи Им. Дзиму-тенно.

Во главѣ движенія стоятъ люди, уже получившіе европейское образованіе, побывавшіе въ свободныхъ западныхъ государствахъ и вполне подготовленные для управленія страной на конституціонныхъ началахъ.

Кромѣ того, въ Японию понаѣхало много европейцевъ, преимущественно американцевъ.

Правда, среди послѣднихъ было не малое количество искателей приключеній, но были и образованные, энергичные люди, которые своимъ вліяніемъ отчасти и способствовали возникновенію „*движенія въ поводу осуществленія Императорской клятвы*“.

Политическія партіи Японіи.

Внимательно всматриваясь въ политическую жизнь Японіи того времени—и изучая постепенный ростъ идеи свободы, мы можемъ различить два теченія, господствовавшихъ въ то время,—или правильнѣе говоря двѣ школы:

- 1) Экономическую школу.
- 2) Либеральную школу.

Громадное значеніе этихъ двухъ школъ на политическое развитіе японской націи несомнѣнно, поэтому мы считаемъ необходимымъ познакомиться съ ними русскаго читателя, придерживаясь, насколько и гдѣ это возможно, вышеназванной прекрасной книги г. Каваками.

Экономическая школа.

Фукудзава Юкши.

Экономическая школа появилась первая, и Японія долгое время двигалась подъ ея знаменами. Вдохновителемъ этой экономической школы былъ Фукудзава, обладавшій выдающимися способностями реформатора. Неустрашимый, ревностный, полный энергіи, онъ смѣло указывалъ на необходимость уничтожить всѣ слѣды дореформеннаго періода Японіи, чтобы очистить дорогу для введенія новыхъ нормъ общественно-политической жизни. Онъ отрицалъ идею различія классовъ, проводимую тогда новымъ правительствомъ, смѣялся надъ дворянствомъ, бичевалъ систему неограниченнаго правленія и вызывалъ въ націи все, что могло бы служить для благороднѣйшаго проявленія человѣческой энергіи. Но однако онъ не былъ революціонеромъ, какъ Мирабо или Робеспьеръ; онъ не былъ человѣкомъ, находившимъ удовлетвореніе только въ разрушеніи. Напротивъ, онъ былъ человѣкъ со здравымъ смысломъ, несмотря на свою, повидимому, радикальную натуру. Онъ ясно видѣлъ крайнюю необходимость такъ же соорудить, какъ и разрушать.

Онъ не былъ ни философомъ, ни мыслителемъ, ни слѣпымъ революціонеромъ, но опытнымъ преобразователемъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его можно сравнить съ Бентамомъ, который „былъ человѣкъ дѣльный, воодушевленный патріотизмомъ, человѣколюбивый и логикъ съ яснымъ и сильнымъ умомъ; человѣкъ, который могъ только толковать и объяснять практическія стремленія англичанъ, въ душѣ любящихъ свободу и ненавидящихъ угнетеніе, но отъ врожденнаго чувства такта осторожности—до извѣстной степени придерживающихся закона“,—человѣкъ съ новой и, повидимому, простой моральной философійей, но съ новой политической философійей *).

*) См. соч. Каваками, гл. IX, стр. 97.

Такого дѣятельнаго реформатора необходимо имѣть въ періодъ перерожденія, во время котораго все находится въ хаосѣ и ожидаетъ руки преобразователя, которая бы сначала разрушила и затѣмъ снова воздвигнула. Мы можемъ сомнѣваться въ глубинѣ его мыслей, мы можемъ ошибиться въ оцѣнкѣ стоимости его нравоучительныхъ сочиненій, но мы не поколеблемся признать его однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей въ устройствѣ новой Японіи. Мы вправѣ называть политическія идеи Фукудзава экономическими, такъ какъ онъ изъясняетъ свою мысль о свободѣ и равенствѣ съ экономической точки зрѣнія.

Онъ, какъ и Адамъ Смитъ, настаиваетъ на необходимости „дать каждому волю заботиться о собственныхъ интересахъ и имѣть собственное сужденіе о идеяхъ: свободы, равенства и правосудія и этимъ поощрять трудолюбіе и увеличивать народное благосостояніе“. Какъ и Бентамъ, онъ говоритъ, что *искренность закона и сердечность правительствъ* есть самое великое счастье управляемыхъ. Фукудзава указываетъ, что запрещеніе отдѣльнымъ лицамъ свободно проявлять свою дѣятельность препятствуетъ экономическому развитію націи, а потому и преуспѣянію общаго благосостоянія. Изъ этого онъ заключаетъ, что всѣ люди должны быть свободны и равны.

Г. Каваками сомнѣвается, изучалъ ли онъ основательно утилитаризмъ Бентама и Милля; но взгляды его были замѣчательно схожи со взглядами англійскихъ мыслителей. Во всѣхъ сочиненіяхъ Фукудзава экономическая точка зрѣнія руководитъ выводомъ, тогда какъ теорія политики занимаетъ второстепенное мѣсто. Но несмотря на то, что онъ всегда начинается съ экономической точки зрѣнія, ему это нисколько не мѣшаетъ высказывать подчасъ глубокія мысли и о политикѣ. Такъ, онъ смотритъ на отношенія между монархами и подданными, какъ на взаимное соглашеніе, и считаетъ смерть лицъ, которыя жертвовали собой для престола, такой же незначительной, какъ самоубійство сумасшедшаго. Правда, взгляды его часто бываютъ мелки, отрывисты и безсвязны, но онъ, несомнѣнно, обладалъ творческимъ умомъ, направленнымъ на защиту и поддержку всего, что могло бы искоренить зло.

Кромѣ экономическаго взгляда, была другая причина, которая вдохновляла этого ревностнаго реформатора въ дѣлѣ распространенія идеи свободы и равенства... Я имѣю въ виду (говоритъ Каваками) знаменитыя деклараціи о провозглашеніи независимости въ С.-А.-С.-Штатахъ и правъ челоуѣка и „гражданина“ во французской республикѣ.

Переплывъ два раза Великій океанъ и посѣтивъ государства Европы до и послѣ реставраціи, Фукудзава свыкъся съ мыслью о свободѣ и равенствѣ, которая одушевляла американскую націю и все еще волновала Францію.

Провозглашеніе независимости въ С.-Штатахъ вмѣстѣ съ провозглашеніемъ свободы во Франціи, должно быть, внушили ему мысль о народовластіи. Подъ этими впечатлѣніями онъ и написалъ свою книгу о „Положеніи европейскихъ государствъ“ *), которая разо-

*) См. „Сеіо-дзи-дзіо Гай-хенъ“, соч. Фукудзава Юкши.

шла въ продажѣ до трехъ сотъ тысячъ экземпляровъ. Въ началѣ другой книги онъ говоритъ, что Провидѣніе не сотворяетъ одного человѣка выше или ниже другого, что это и есть первое основное положеніе въ деклараціи правъ, приведенное въ исполненіе нѣкоторыми штатами Америки.

Фукудзава поясняетъ, что существуютъ нѣкоторыя природныя права, которыхъ люди, составляя общественный договоръ,—не могутъ лишать свое потомство, между этими правами находятся:—наслажденіе жизнью и свободою, изобрѣтеніе способа добывать, владѣть и защищать свое имущество; искать и получить счастье и охрану его. Именно эти его взгляды главнымъ образомъ имѣли вліяніе на распространеніе идеи о свободѣ въ Японіи.

Какъ ни значительно было вліяніе, проявленное имъ и его послѣдователями на аренѣ политической дѣятельности, но главную роль они играли въ области общественного преобразованія.

Но какъ онъ, такъ и его единомышленники не размышляли объ основныхъ проблемахъ теоріи политики, объ ограниченіи верховной власти и тому подобныхъ предметахъ. Они были слишкомъ практичны, чтобы раздумывать о такихъ отвлеченныхъ философическихъ вопросахъ.

Они предпочитали свободу и равенство, неравенству и угнетенію,—просто ради экономическаго прогресса. Они не стали бы противиться неограниченному правленію до тѣхъ поръ, пока монархъ не пересталъ бы заботиться о благосостояніи своего народа. Такимъ образомъ вліяніе Фукудзава не было направлено въ сторону политическаго преобразованія, хотя всѣ его старанія въ пользу преобразованія общественнаго были увѣнчаны успѣхомъ. Во всякомъ случаѣ мы не должны забывать, что благодаря этому общественному реформатору и былъ распространенъ духъ свободы по всѣмъ островамъ Имперіи. Сверхъ того, заключаетъ г. Каваками, преобразование государства не можетъ принести плодъ въ странѣ, гдѣ общественныя условія еще не настолько благопріятны, чтобы они могли гармонизировать съ выдающимися политическими идеями. И лишь только поэтому трудъ экономической школы не былъ бесплоденъ и для политическихъ реформъ.

Либеральная школа.

Вторая школа, выдѣлившая вскорѣ цѣлую партію, извѣстна подъ именемъ *либеральной*; она была во многихъ отношеніяхъ схожа съ экономической. Но она отличалась отъ послѣдней тѣмъ, что старалась измѣнить общественныя и политическія условія жизни Японіи не только съ матеріальной, но также съ моральной стороны. Противъ матеріальнаго взгляда экономической партіи, либералы выставляли, что увеличеніе народнаго достоянія и прогрессъ торговли и промышленности, не основанной на „моральной“ культурѣ, не имѣютъ цѣны; они говорили, что экономисты хотятъ вводить политическіе принципы Запада, не обработавъ сначала нравственные идеалы японскаго народа, не приведя ихъ въ согласіе съ моральными принципами, которые служатъ основаніемъ общественной и политической системъ западныхъ странъ.

Они сознавали, что моральныя идеи, поддерживающія общественный режимъ Японіи, быстро уносились могучими волнами недавней политической революціи, не оставляя на мѣсто себя никакого новаго моральнаго принципа, и народъ не имѣлъ понятія о идеалахъ ни древней японской, ни западной морали. Въ такое переходное время, по мнѣнію либераловъ, очень опасно распространять матеріалистическія идеи въ родѣ тѣхъ, которыхъ придерживался Фукудзава въ началѣ своей дѣятельности. Покойный Накамура, лидеръ либеральной школы, проповѣдывалъ Евангеліе вмѣстѣ съ принципами свободы, какъ это изъяснено у Ж. Милля. Этотъ лидеръ былъ вдохновленъ сочиненіями англійскаго экономиста. Вскорѣ послѣ реставраціи онъ перевелъ его сочиненіе „О свободѣ“.

Судя по подробнымъ комментаріямъ этого перевода, объясняющимъ практическое примѣненіе либерализма, мы легко видимъ, какъ трудно было провести идеи свободы въ умы, только что освободившіеся отъ феодальнаго режима. Либеральная школа тоже поддерживала и утилитаризмъ, какъ цѣль политической дѣятельности. Но либеральная школа и ея партія точнѣе и яснѣе понимала настоящее значеніе этого принципа, нежели экономическая. Утилитарное ученіе, какъ показываетъ Милль, вовсе не такъ матеріально, какъ то думала сначала экономическая партія Японіи.

Пионеръ ученія Милля въ Японіи, Накамура былъ человѣкъ, предвидѣвшій тѣ отрицательные результаты, которые могли бы быть причинены народу матеріальностью Фукудзава. Лидеръ экономической школы и ея партіи былъ во многихъ отношеніяхъ схожъ съ Бентамомъ, тогда какъ лидеръ либераловъ Накамура владѣлъ многими качествами Милля. Несмотря на то, что обѣ партіи—экономическая и либеральная—во многомъ расходились, онѣ все таки согласовались въ самомъ главномъ, т. е. въ томъ, что *свободу народа можно обезпечить только ограниченіемъ власти правительства до крайнихъ размѣровъ.*

Такъ объяснили обѣ партіи обязанности правительства въ самомъ тѣсномъ смыслѣ. Однимъ словомъ, оба лидера были защитниками принципа „Laissez faire“, какъ изъяснено англійскими мыслителями. Ноне надо забывать, что подъ старость самъ Милль сознавалъ опасности радикальнаго ученія Laissez faire, которое защищалъ въ молодые годы, хотя, какъ и всѣ выдающіеся мыслители, оставался вѣрнымъ своему первому взгляду. И въ самомъ дѣлѣ, его социальная идея, о которой говорится въ его автобіографіи, едва ли можетъ согласоваться съ его индивидуализмомъ, какъ трактуется въ его книгѣ „О свободѣ“. Слѣдовательно, индивидуализмъ, какъ поняли его японскіе пионеры западныхъ мыслей, былъ въ Японіи „болѣе индивидуаленъ“, чѣмъ то воображалъ Джонъ Стюартъ Милль.

„Ограничить обязанности правительства настолько, насколько возможно, и дать народу возможность свободно дѣйствовать“ былъ девизъ, который они поддерживали и распространяли. Такая радикальная „либеральность“, хотя въ настоящее время и отвергнута многими политическими и экономическими ученіями, была несомнѣнно необходимой, чтобы освободить умы японцевъ, которые находились

„Laissez faire“
въ Японіи.

продолжительное время подъ тяжестью феодальной системы. Мыслящій челоуѣкъ едва ли можетъ не замѣтить (говоритъ Каваками), что такое строгое ограниченіе обязанностей правительства не согласуется съ совершенствомъ народной жизни.

Не трудно также внимательному мыслителю понять, что никакая опредѣленная и точная линія не можетъ быть проведена между тѣмъ, что принадлежитъ власти правительства и что нѣтъ. Поле правительственной дѣятельности (какъ думаетъ это Адольфъ Вагнеръ, не безъ—извѣстный представитель новой экономической школы) едва ли можетъ быть названо слишкомъ широкимъ или слишкомъ узкимъ, не принимая во вниманіе времени, мѣста и обстоятельствъ.

Покровитель-
ственная
школа.

Но ни та, ни другая школа не удовлетворили массу населенія Японіи. Результатомъ этого было появленіе 3-ей школы, которую Каваками называетъ *покровительственной*. Эта третья школа, организовавшаяся въ партію, называется покровительственной потому, что она утверждала, что благосостояніе народа можетъ быть достигнуто правильнымъ, постепеннымъ преобразованиемъ, культивированіемъ въ народѣ чувства законности, уничтоженіемъ злоупотребленій, которыя явились результатомъ быстрой смѣны двухъ режимовъ.

Хотя члены этой партіи говорили часто противъ правительства, но настойчиво желали прекращенія: административнаго произвола, заключенія въ темницы безъ суда, жестокаго обращенія съ обвиняемыми и преступниками и протестовали противъ неограниченнаго правленія. Вслѣдствіе этого ихъ мнѣніе не отличалось отъ мнѣній первыхъ двухъ партій, — но въ противоположность экономической и либеральной партіямъ, покровительственная партія настаивала на необходимости увеличенія обязанностей правительства не только въ дѣлѣ поддержанія общественнаго спокойствія и безопасности лицъ и имущества, но также въ дѣлѣ развитія народныхъ способностей, усовершенствованія народной жизни.

Като.

Противъ принципа „Laissez faire“ члены покровительственной партіи обратились къ труду Блюнчили за разрѣшеніемъ задачи объ обязанностяхъ правительства. „Теорія государства“ нѣмецкаго автора была переведена на японскій языкъ и прочитана Императору г-номъ Като, бывшимъ впослѣдствіи президентомъ Императорскаго Университета въ Токио, — спустя нѣсколько лѣтъ послѣ реставраціи. Покровительственная партія, какъ и Блюнчили, утверждаетъ, что либерализмъ и индивидуализмъ, примѣненные на практикѣ, имѣютъ въ результатѣ, во-первыхъ, пренебреженіе экономическихъ интересовъ; во-вторыхъ, пренебреженіе общаго умственнаго развитія; въ-третьихъ, ослабленіе и даже уничтоженіе патріотическаго духа въ народѣ, чѣмъ ослабляется могущество государства; а въ-четвертыхъ, поощреніе „маловажныхъ и педантическихъ“ законовъ, результатъ которыхъ фаталенъ для власти правительства.

Съ одной стороны, вѣря въ постепенное освобожденіе народа отъ правительственной опеки, они, съ другой стороны, защищали обязан-

ности правительства, включая въ нихъ дѣятельность, которая необходима для усовершенствованія человѣческой жизни. Такимъ образомъ, эта партія почти достигла той теоріи, по которой дѣятельность и цѣль правительства заключается, какъ думаетъ профессоръ Бургессъ, *въ постепенномъ исправленіи и прогрессируваніи взглядовъ правительства на идею свободы и что за послѣдніе вѣка народы въ свои лучшія и главныя стремленія осуществляютъ черезъ правительство.*

Такъ какъ члены покровительственной партіи были сильно воодушевлены Блюнчли, который не былъ совсѣмъ свободенъ отъ предразсудковъ той страны, къ которой принадлежалъ,—то *стремленіе ихъ мыслей было направлено на укрѣпленіе силы монарха и правительства.* Но успѣхъ идеи равенства и свободы былъ столь великъ, что даже лидеръ покровительственной партіи не замедлилъ отречься отъ исключительнаго „права короля“ и его абсолютическаго правленія.

Като, конечно, понималъ объясненіе Блюнчли о положеніи короля въ томъ смыслѣ, что достоинство и могущество монарха регулируется конституціей, и что конституціонный король не находится внѣ или выше или ниже конституціи, но въ ней. Онъ и его сотрудники хорошо знали, что абсолютическая монархія считается современной теоріей политики, какъ одна изъ самыхъ плохихъ формъ правленія.

Вслѣдствіе этого и они такъ же искренно желали установленія конституціоннаго правительства, какъ члены двухъ первыхъ партій.

На этомъ то пунктѣ покровительственная партія соединилась съ экономической и либеральной. *Такимъ образомъ работа трехъ партій, хотя и безсознательно, приводила къ общему результату, а именно къ развитію и культивированію идеи свободы.* Принципы, защищаемые покровительственной партіей, были болѣе сложны и не такъ понятны для народа, какъ тѣ, которые распространялись первыми двумя партіями. Кромѣ того, покровительственная партія стояла за укрѣпленіе правительственной власти, когда тѣ были противъ этого. Слѣдовательно, въ то время, когда покровительственная партія поддерживала и оказывала вліяніе на должностныя лица,—двѣ другія были съ энтузіазмомъ приняты обществомъ народомъ.

Такимъ образомъ сталкивались два теченія. Съ одной стороны—германская теорія политики Блюнчли, съ другой стороны—идея о свободѣ и равенствѣ, основанная на деклараціи независимости въ Америкѣ и деклараціи правъ во Франціи, подкрѣпленная заимствованіями изъ сочиненій англійскихъ экономистовъ. Первое теченіе было болѣе или менѣе аристократическое, второе очевидно демократическое; одно защищаетъ правительство, другое—защищаетъ права народа. Таково было политическое положеніе Японіи въ продолженіи шести или семи лѣтъ послѣ реставраціи. Въ это время печать и ораторское искусство, безъ которыхъ, конечно, демократическія идеи не могутъ распространяться, сдѣлали большой успѣхъ.

Суммируя все сказанное объ этихъ 3 школахъ—партіяхъ, мы не видимъ особенно рѣзкаго различія въ ихъ платформахъ. Идеологія 3-хъ школъ.

Экономическая школа—проповѣдывала отмѣну различія въ классахъ и неограниченной власти,—ратовала за предоставленіе каждому

полной свободы дѣйствій въ достиженіи намѣченной цѣли, насколько это касалось области промышленности и накопленія національнаго богатства, имѣющаго основаніемъ всеобщее равенство гражданъ передъ закономъ.

Либеральная школа, поддерживая почти всѣ принципы экономической школы, шла дальше—видѣла, что истинное счастье націи составить не столько ея матеріальное благосостояніе, сколько высота нравственной культуры,—поэтому—либеральная школа проповѣдывала общественныя и политическія реформы не только съ матеріальной точки зрѣнія, но и съ моральной.

Покровительственная—утверждала, что матеріализмъ экономической школы—и либерализмъ—либеральной школы ослабляютъ мощь государства,—и поэтому агитировала за расширеніе правъ правительства и „конституціоннаго монарха“. Такимъ образомъ, всѣ три партіи—школы на первыхъ порахъ шли рука объ руку—въ дѣлѣ культивировація въ народѣ идей свободы.

Военная партія.

Слѣдуетъ еще упомянуть о *военной партіи*, которая къ этому времени успѣла настолько окрѣпнуть, что въ противовѣсъ этимъ тремъ теченіямъ—о необходимости внутреннихъ реформъ,—рѣзко противопоставила, что всѣмъ подобнымъ внутреннимъ реформамъ должно предшествовать территориальное завоеваніе и обезпеченіе этимъ путемъ мирнаго развитія страны. „Сначала оградить себя отъ внѣшнихъ враговъ—затѣмъ мечтать о внутреннихъ реформахъ“,— вотъ тотъ девизъ, который объявилъ Ямагата (нынѣ маркизь), стоящій до сего времени во главѣ „военной или имперіалистической партіи“.

Ямагата.

Но милитаристы, не будучи въ состояніи настоять на своихъ требованіяхъ,—также присоединились къ тремъ вышепоименованнымъ теченіямъ и настаивали на немедленномъ созывѣ законодательнаго собранія.

Практическое осуществленіе программъ политическихъ партій.

Такимъ образомъ, на этотъ разъ въ Японіи, въ этой странѣ контрастовъ, *милитаризмъ пошелъ рука объ руку съ самыми демократическими теченіями*, конечно, изъ чисто политическихъ соображеній,—именно путемъ этого компромисса захватить власть надъ страной въ свои руки, что ему и удалось, какъ увидимъ дальше.

Такова идеологія главныхъ четырехъ школъ, сыгравшихъ столь важную роль въ политической исторіи Японіи.

Что же касается до самой дѣятельности и способовъ проведенія этихъ идей въ народъ, то они представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Въ 1873 году стойкій борецъ за свободу націи—Итагаки (нынѣ графъ) при поддержкѣ Гото, Соедзима и др. объявляетъ правительству отъ имени народа непреклонное желаніе послѣдняго, чтобы Императорская клятва была „точно и письменно опредѣлена, а права народа и монарха были строго разграничены и составили бы собою государственный актъ, который и будетъ положенъ въ основаніе новаго государственнаго строя“.

Рис. 2.

Фукудзава Юкици (†)

знаменитый японскій философъ, основатель экономич. школы.

Графъ Иноуэ, Каеру,

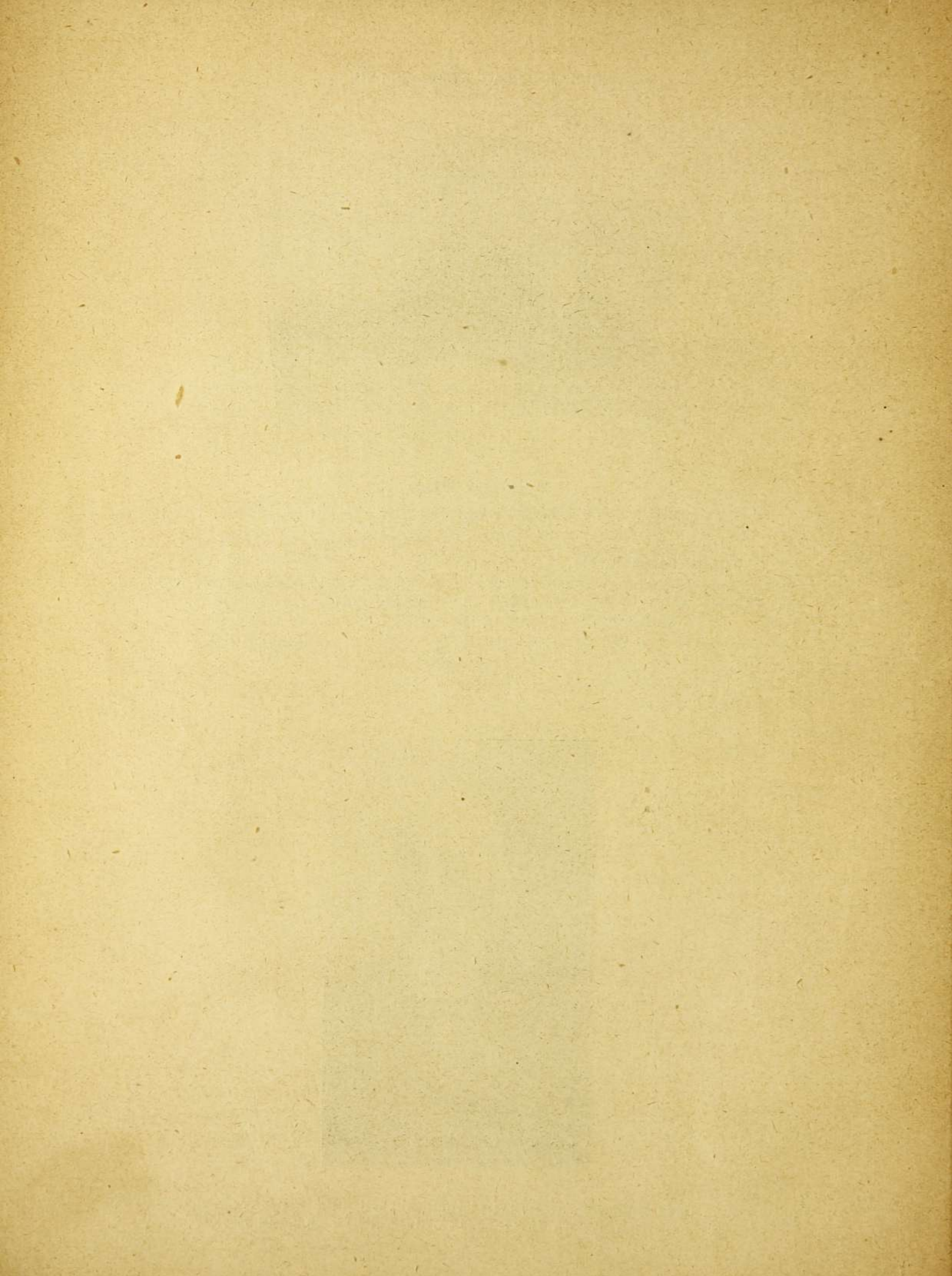
Членъ палаты пэровъ и главн. секретарь Тайного Совѣта, извѣстн. госуд. дѣятель.

Гото (†).

Бывш. министръ въ эпоху реставра. ціи, извѣстный государственн. дѣятель

Рис. 3.—Бар. **Като** Хироюки, знаменитый Японскій ученый, основатель покровительственной партіи въ 70-хъ годахъ, президентъ академи наукъ.

Между тѣмъ, правительство медлило прямымъ отвѣтомъ, ограничиваясь рядомъ незначительныхъ реформъ въ системѣ провинціального управления.

Либеральная
партія.

Передовые люди Японіи были возмущены подобнымъ игнорированіемъ воли народа.

По всей странѣ растетъ сѣть легальныхъ и нелегальныхъ союзовъ, увеличивается число недовольныхъ режимомъ; среди интеллигенціи, разбитой на множество мелкихъ группъ, начинаетъ укрѣпляться сознаніе о необходимости объединиться въ одну большую партію.

Итагаки.

Осуществить эту мысль удалось Итагаки, который въ 1881 году основываетъ первую политическую партію Японіи „Дзі-ю-то“ (либеральная партія).

Къ этому времени въ Японіи уже десятками насчитываются люди, близко знакомые съ парламентской жизнью западныхъ государствъ, страстно желающіе видѣть свое отечество свободнымъ. Среди послѣднихъ уже не мало серьезныхъ ученыхъ и мыслителей, глубоко проникнутыхъ европейской цивилизаціей.

Правительство подъ натискомъ такихъ людей начало быстро сдаваться.

Но особенно успѣшно пошло дѣло, когда изъ состава правительства вышелъ талантливый Окума. Это была первая брешь въ правительствѣ, которую удалось устроить „либераламъ“.

Прогрессивная
партія.

Между тѣмъ Окума, вышедши изъ кабинета министровъ,—рѣшилъ основать новую партію прогрессистовъ („Симпо-то“)

Окума.

Эта партія объединила собою весь цвѣтъ японской интеллигенціи. Здѣсь были политическіе и общественные дѣятели, ученые, писатели и журналисты.

Именно этой партіи современная Японія обязана въ значительной степени всѣмъ своимъ прогрессомъ, такъ какъ она перенесла въ Японію все лучшее въ европейской культурѣ.

Такимъ образомъ, къ этому времени (восьмидесятые годы) на аренѣ политической жизни Японіи появляются *двѣ крупныя фигуры Итагаки и Окума.*

Нарожденіе сразу 2-хъ политическихъ партій, сначала либеральной (Дзі-ю-то), а затѣмъ прогрессивной (Симпо-то) *) заставили правительство и общество задуматься надъ положеніемъ вещей въ странѣ.

Олигархическое правительство, лишившись одного изъ талантливыхъ членовъ—Окума, вставшаго въ оппозицію правительству во главе партіи прогрессистовъ,—рѣшило пойти на уступки, еще разъ подтверждая о своемъ намѣреніи ввести чрезъ 10 лѣтъ конституціонный режимъ въ Японіи.

Правитель-
ство и партія.

Такой маневръ правительства разсматривается, какъ желаніе

*) Должно замѣтить, что экономическая школа—активно не выступала, являя собою скорѣе ученую школу, чѣмъ партію, а покровительственная партія, являя группу аристократовъ, чиновниковъ—противъ правительства не выступала. Работали лишь двѣ, либеральная и прогрессивная.

лишить партіи ихъ главнаго положенія—необходимости введенія конституціи въ Японіи.

Однако это обстоятельство нисколько не обезкуражило лидеров этихъ партій—Итагаки и Окума.

Они рѣшили тогда направить оружіе противъ личнаго состава правительства, съ цѣлью подорвать довѣріе общества къ членамъ правительства и тѣмъ уменьшить ихъ шансы попасть чрезъ вліяніе на избирателей въ будущее конституціонное правительство.

Естественно, что и правительство не осталось въ бездѣйствіи.

Цѣлый рядъ мѣропріятій, направленный противъ обѣихъ партій, включительно до закрытія собраній, газетъ, административнаго рѣшенія политическихъ дѣлъ и высылки изъ столицъ и крупныхъ центровъ агитаторовъ—былъ отвѣтомъ правительства на нападки этихъ двухъ революціонныхъ по тому времени партій, какъ ихъ склонны называть позднѣйшіе японскіе историки.

Завязалась довольно упорная борьба, борьба столь же любопытная, сколько и странная, похожая скорѣе на соревнованіе двухъ враждующихъ сторонъ въ дѣлѣ проведенія реформъ.

Правительство, измѣнивъ сильно курсъ своей политики, объявило рядъ радикальныхъ реформъ какъ въ области воспитанія, такъ и духовной и физической жизни націи, едва не опередивъ этимъ требованія обѣихъ партій...

Послѣднія, конечно, въ свою очередь, повысили свои требованія.

Тогда правительство увидѣло, что оно своимъ заигрываніемъ въ либерализмъ подрываетъ свое собственное существованіе и рѣшило остановиться для выполненія своихъ либеральныхъ обѣщаній. Но, какъ это и нужно было ожидать, всѣ благіе обѣщанія и проекты министровъ оказались настолько неудовлетворительными, что дали поводъ къ новымъ нападкамъ обѣихъ партій, за которыми въ то время стояли самые разнообразныя, широкіе слои общества.

Должно сказать, что обѣ партіи дѣйствовали очень дружно.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ эти партіи, не столько отличаясь другъ отъ друга по цѣли,—отличались тѣмъ не менѣе по составу своихъ членовъ.

Въ то время либеральная партія (Дзію-то) пополнялась по преимуществу изъ людей болѣе или менѣе умѣренныхъ взглядовъ, желавшихъ лишь созыва народнаго собранія,—прогрессисты же, преслѣдуя ту же самую цѣль, заглядывали дальше въ будущее и намѣтили (по достиженіи этой главной цѣли) нѣкоторыя реформы въ социальной жизни націи.

Подъ дружнымъ натискомъ этихъ обѣихъ партій правительство вскорѣ сдалось.

Въ 1883 г. были разрѣшены правительствомъ различнаго рода общественныя ассоціи, ставящія себѣ цѣлью урегулированіе жизни Японіи, митинги, публичныя рѣчи и лекціи на политическія темы.

Общество вздохнуло свободнѣе и начало открыто готовиться къ конституціонному образу правленія.

По мѣрѣ роста самосознанія въ обществѣ, правительство дѣлало уступки,—закончившіяся объявленіемъ конституціи въ 1889 году, 11 февраля, т. е. на одинъ годъ раньше обѣщаннаго времени.

Произошло это событіе такимъ образомъ. Микадо, по изданіи *Подготовка къ конституціи.* въ 1881 году рескрипта о введеніи черезъ 10-ть лѣтъ конституціи въ Японіи, — поручилъ Ито (нынѣ покойному, князю) выработать конституцію.

Съ цѣлью изученія конституціи, Ито тогда же отправился въ Европу и Америку. Прусская конституція имъ была выбрана для детальнаго изученія — и примѣненія ея къ японской дѣйствительности.

Въ 1883 году Ито возвращается въ Японію, реорганизуеъ правительство и создаетъ аристократію въ противовѣсъ демократіи, заявлявшей въ то время особенно сильно о своихъ правахъ. Вся аристократія дѣлится на 5 категорій, заполненныхъ, за 30 лѣтъ, изряднымъ количествомъ титулованныхъ дворянъ: 15 князей, 39 маркизовъ, 99 графовъ, 377 виконтовъ, 377 бароновъ, итого 907 *).

Вновь учрежденный Кабинетъ Министровъ являлся отвѣтственнымъ только передъ Микадо.

Въ то же самое время Ито, при ближайшемъ участіи Курода (князь), Окума (графъ), Сайго (графъ), Иноуэ (маркизь), Мацуката (князь), Ояма (князь), Эномото (виконтъ), Мори (виконтъ), — руководилъ работами цѣлой группы профессоровъ, разрабатывающихъ детали будущей японской конституціи.

Работы подвигались настолько быстро, что 11 февраля 1889 года Императоръ въ присутствіи дипломатическаго корпуса и высшихъ чиновъ двора и дворянства произнесъ слѣдующую рѣчь: „Считая **) радостію и славой для нашего сердца благоденствіе нашей страны и благосостояніе нашихъ подданныхъ, мы, въ силу высшей власти, унаслѣдованной нами отъ нашихъ предковъ, обнародываемъ настоящій неизмѣнный основной законъ для нашихъ подданныхъ и ихъ потомковъ. Основатель нашего дома и всѣ наши предки при помощи и содѣйствіи предковъ нашихъ подданныхъ положили основаніе нашей Имперіи, которая будетъ существовать вѣчно. Эти блестящіе успѣхи украсили анналы нашей страны и обязаны своимъ существованіемъ нашимъ священнымъ предкамъ и вѣрноподданническимъ и доблестнымъ чувствамъ нашихъ подданныхъ, ихъ любви къ своей родинѣ и къ государственному духу. Рѣчь Микадо.

„Принимая во вниманіе, что наши подданные — потомки добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ нашихъ предковъ, мы не сомнѣваемся, что они будутъ руководствоваться тѣми же взглядами и отнесутся сочувственно къ нашимъ стараніямъ и раздѣлятъ съ нами нашу надежду: сохраненіе славы нашей родины, какъ у себя дома, такъ и внѣ предѣловъ онаго, и обезпеченіе ей постоянной устойчивости, завѣщанной намъ предками“.

Вслѣдъ за этою рѣчью, объявляющей о введеніи конституціи, была произнесена клятва.

„Мы, преемники ***) процвѣтающаго престола нашихъ предковъ, со смиреніемъ и торжественно клянемся основателю нашей династіи и всѣмъ нашимъ предкамъ въ томъ, что мы продолжали великую Клятва Микадо.

*) «См. Jарап уеар book».

**) Переводъ съ англійскаго текста Григ. Виленкинымъ (см. кн. Госуд. и экон. стр. Японіи).

***) Ibidem.

политику, включающую небо и землю, сохранили отъ упадка древнюю форму правления. Принимая во вниманіе прогрессивную тенденцію въ ходѣ человѣческихъ дѣлъ и параллельно имъ развитіе цивилизации, мы, дабы придать больше ясности и точности наставленіямъ, унаслѣдованнымъ нами отъ основателя нашей династии и всѣхъ нашихъ предковъ, считаемъ необходимымъ установить основные законы съ тѣмъ, чтобы съ одной стороны наши преемники нашли руководящее начало, которому они должны будутъ слѣдовать, а съ другой стороны наши подданные, поддерживая насъ, могли бы пользоваться болѣе широкой свободой дѣйствій и съ тѣмъ, чтобы наши законы продолжались на многіе вѣка.

„Желая придать болѣе прочности нашей странѣ и способствовать благоденствію народа—мы устанавливаемъ законъ объ Императорскомъ домѣ и конституціи. Эти законы являются лишь изложеніемъ великихъ принциповъ, завѣщанныхъ основателемъ нашей династии и его потомками.

„Если мы были столь счастливы за наше царствованіе и, слѣдуя требованіямъ времени, мы совершили этотъ актъ, то этимъ мы обязаны славному духу основателя нашей династии и нашимъ предкамъ. Мы приносимъ имъ теперь наши почтительныя молитвы, а также и нашему доблестному родителю и просимъ ихъ помощи и приносимъ имъ торжественную клятву въ томъ, что мы теперь и на будущее время будемъ всегда служить примѣромъ для нашихъ подданныхъ въ соблюденіи законовъ, нами установленныхъ. Божественный духъ да будетъ свидѣтелемъ нашей клятвы“.

Манифестъ о конституціи.

Самый манифестъ о дарованіи конституціи гласитъ слѣдующее: „Вступивъ *) благодаря доблести нашихъ предковъ на престолъ, наследственно принадлежавшій намъ съ незапамятныхъ временъ, и желая распространить благосостояніе и развитіе физическія и моральныя стороны нашего возлюбленнаго народа, о которомъ такъ заботились наши предки, и надѣясь сохранить благосостояніе государства, мы при содѣйствіи помощи нашего народа симъ объявляемъ основной государственный законъ для выясненія принципа, которымъ мы будемъ руководствоваться, и основанія, которыми наши преемники, наши подданные и ихъ потомки должны руководствоваться. Право суверенитета мы унаслѣдовали отъ нашихъ предковъ и, завѣщая оное нашимъ преемникамъ,—ни мы, ни они не нарушимъ онаго въ будущемъ; мы заявляемъ теперь, что будемъ уважать и защищать права и собственность нашихъ подданныхъ и дадимъ имъ возможность пользоваться ими въ предѣлахъ настоящей конституціи и закона. Законодательное собраніе соберется впервые въ 23-й годъ Мейдзи (1890 году) и въ день его открытія войдетъ въ силу настоящая конституція. Въ случаѣ если бы со временемъ пришлось измѣнить какую либо изъ статей настоящей конституціи, то мы или наши преемники обязуемся взять на себя эту инициативу и представить проектъ онаго парламенту. Парламентъ долженъ постановить свое рѣшеніе на основаніи означенной конституціи и ни въ какой другой формѣ

*) Ibidem.

ни мы, ни наши преемники не должны пытаться изменить оной. Наши министры по нашему поручению являются ответственными за проведение настоящей конституции, наши же подданные и их потомки берут на себя обязательства быть верными этой конституции“.

Эти три документа закрепили в Японии конституцию. Текст Японская конституция.

Ст. 1 по 17 ст. трактуется об особе Монарха и его Дома.

„ 18 — 32 — — „ — о правах и обязанностях подданных.

„ 33 — 54 — — „ — о парламенте.

„ 55 — 56 — — „ — о Кабинете Министров и Тайном Совете.

„ 57 — 61 — — „ — об органах правосудия.

„ 62 — 72 — — „ — о финансах.

„ 73 — 76 — — „ — о дополнительных статьях.

Итак, 1890 год был знаменателен не только в жизни японского народа, но, можно с уверенностью сказать, что в жизни всех народов Д. Востока.

1890 год.

В этот год на обломках отжившего феодального строя, — было воздвигнуто новое европейское здание.

Этот год дал всему восточному миру первый парламент: Япония была объявлена конституционной страной.

В 1890 году была назначена уже первая сессия парламента.

Таким образом, Император сдержал свою клятву, хотя с реализацией ее запоздал на двадцать лет.

Либералы, утомленные борьбой, были удовлетворены новым режимом, несмотря на то, что объявленная конституция дала Японии лишь полусвободную. Прогрессисты же далеко не все были довольны подобной конституцией и смотрели на нее лишь как на временную, переходную мѣру к действительному парламентскому режиму.

Вследствие такого настроения среди партий, некоторые из умеренных членов ее перешли в лагерь либералов, которые теперь решились поддерживать новое правительство в его либеральной политике, путем составления большинства в парламент.

Прогрессисты же выставили в парламент несколько десятков своих единомышленников, занявших левую сторону японской нижней палаты, в то время как либералы заполнили собою весь центр и правую.

Первый президент нижней палаты, барон Накадзима, принадлежал либеральной партии.

Во главе первого конституционного кабинета министров стал Первый конституционный маркиз Мацуката (тогда еще граф), при следующем составе кабинета:

Премьер	Мацуката.
Мин. Ин. Дѣль	Эномото.
Внутр. Дѣль	{ Синагава. Соедзима. Коно.

Юстиціи	}	Танака.
		Коно.
Финансовъ	}	Муцаката.
Военный		Такасима.
Морской		Кабаяма.
Воспитанія		Оки.
Земледѣл. и Ком.	}	Муцу.
		Коно.
		Сано.
Сообщеній		Гото.

Лица, вставшія во главѣ перваго конституціоннаго правительства, далеко не удовлетворяли ни духу времени, ни своему исключительному положенію въ странѣ.

Это были простые чиновники, выдвинутые slučajемъ на министерскіе посты.

Между тѣмъ нація требовала отъ правительства цѣлаго ряда реформъ въ области духовной и матеріальной жизни страны. Для этого требовались талантливые люди—дальновидные политики, правительство же не располагало такими личностями.

Постоянныя ошибки въ политикѣ правительства Мацуката вновь объединили депутатовъ нижней палаты, которые предприняли цѣлый рядъ нападокъ на правительство.

Въ результатъ оказалось, что первый японскій парламентъ, какъ и русскій, былъ распущенъ.

Уступая просьбамъ правительства Мацуката о роспускѣ парламента, Микадо тѣмъ не менѣе—черезъ нѣкоторое время далъ отставку и всему кабинету.

Въ февралѣ 1892 года были назначены вторые выборы въ парламентъ, а въ августѣ того же года во главѣ правительства встаетъ маркизъ Ито, составивъ свой кабинетъ изъ даровитѣйшихъ людей Имперіи....

Ито.

Президентомъ нижней палаты избирается либераль Хоси, который поддерживаетъ маркиза Ито въ его политикѣ.

Личность Ито, какъ государственнаго дѣятеля, достаточно хорошо извѣстна читателю, чтобы на ней остановиться,—добавимъ лишь, что талантъ маркиза Ито сочетается въ себѣ весь кладъ восточной хитрости съ глубиною европейской политической мысли.

Будучи дальновиднымъ политикомъ, Ито удерживается отъ всякаго открытаго присоединенія къ той или другой политической партіи, занимая совершенно независимое положеніе, и имѣетъ вслѣдствіе этого постоянную поддержку въ той и другой партіи и ихъ парламентскихъ фракціяхъ.

Такое удачное лавированіе Ито продолжается почти четыре года, въ продолженіе которыхъ—нація окрѣпла духовно и физически и начала уже мечтать объ активной внѣшней политикѣ... Блестящіе успѣхи японскаго оружія при усмиреніи аборигеновъ о. Формозы и китайско-японская война окончательно вскружили голову японскимъ политикамъ.

Рис. 4. Князь **Ито** Хиробуми (†).

Рис. 6.—Графъ **Итагани**. Тайсуэ.

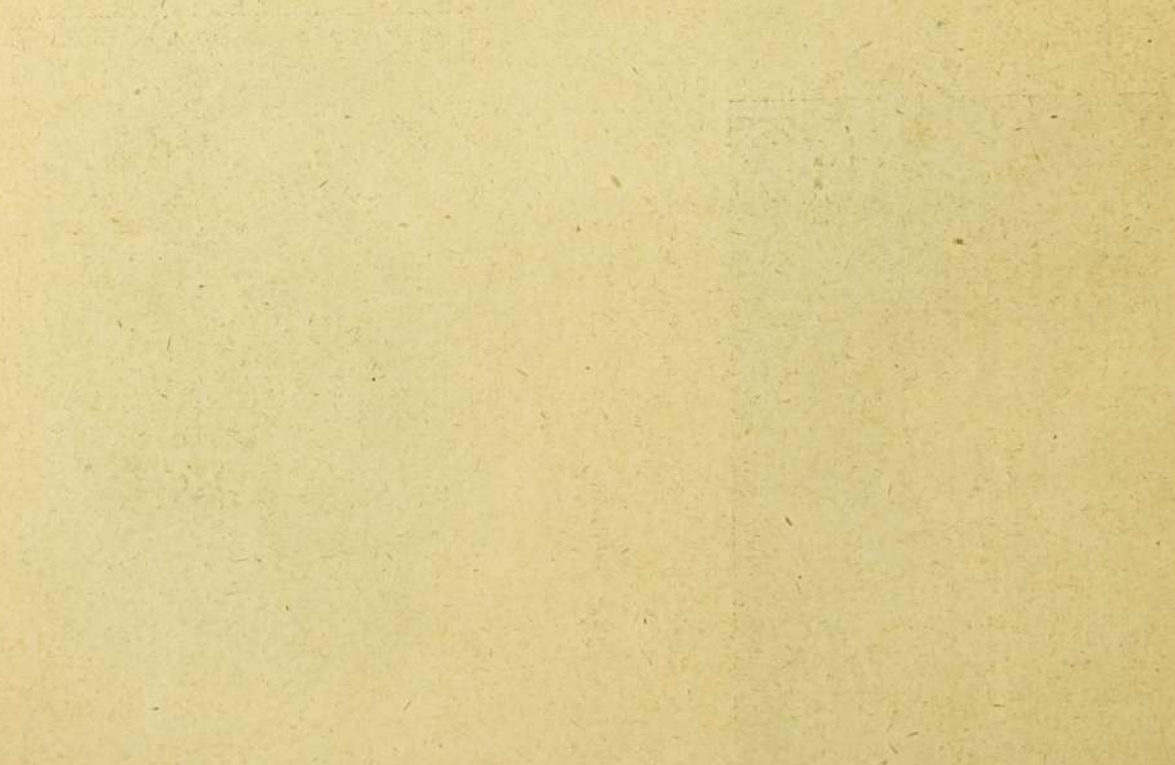

Рис. 5.—Графъ **Окума** Сигэнобу.

Рис. 7.—**Одзакн Юкіо**,
бывшій министръ, членъ парламента,
мэръ г. Токио.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

1954

Удачно ливируя между обѣими партіями, маркизъ Ито благополучно провелъ четыре сессіи парламента—(вплоть до 10 сессіи).

Можетъ быть, ему удалось бы въ томъ же духѣ дѣйствовать и дальше, если бы только онъ провелъ нѣсколько реформъ въ области воспитанія націи, но Ито, не смотря на настойчивые совѣты тогдашняго министра воспитанія, маркиза Саіондзи, *) отказался уступить прогрессистамъ и вслѣдствіе этого послѣдовалъ II-й роспускъ парламента, а затѣмъ III, а черезъ 1½ года и самъ Ито принужденъ былъ подать въ отставку.

Слѣдующее правительство Мацуката (2 кабинетъ по счету) было недолговѣчно—и въ 1898 году въ январѣ—принуждено было уступить мѣсто кабинету маркиза Ито (3 кабинетъ **).

Едва Ито очутился вновь у власти, онъ прежде всего настоялъ на роспускѣ (IV) парламента.

Новый парламента черезъ 6 мѣсяцевъ опять былъ (V разъ) распущенъ.

Между тѣмъ, въ парламентскихъ фракціяхъ либераловъ и прогрессистовъ произошла перемѣна во взаимоотношеніяхъ. Обѣ фракціи рѣшили вновь соединиться, чтобы дружнымъ натискомъ на правительство заставить выполнить нѣсколько очередныхъ реформъ.

Въ это же самое время возникаетъ вопросъ объ учрежденіи коалиціоннаго кабинета двухъ названныхъ партій.

Для скорѣйшаго осуществленія этой мысли обѣими партіями была предпринята общая атака кабинета Ито, который, просуществовавъ четыре мѣсяца,—палъ.

Формированіе новаго кабинета было предложено графу Окума—лидеру партіи Симпо-то (прогрессивной). Окума сохранилъ для себя портфель Министра Иностраннхъ дѣлъ, а лидеру партіи Дзію-то (либераловъ), графу Итагаки, предложилъ портфель Министра Внутреннихъ дѣлъ, а Министра Воспитанія—г-ну Одзаки.

При самомъ вступленіи (іюнь 1898 года) новый кабинетъ объявилъ свою прогрессивную программу, въ которой намѣтилъ рядъ либеральныхъ и социальныхъ реформъ.

Имъ намѣчено было нѣсколько законопроектвъ, касающихся улучшенія быта трудового класса Японіи,—и въ частности, рабочихъ,—урегулированія воспитательнаго дѣла и заводско-промышленной дѣятельности.

Словомъ, по отзывамъ какъ японцевъ, такъ и европейскихъ изслѣдователей, кабинетъ гр. Окума или, какъ его еще называютъ, коалиціонный кабинетъ является единственнымъ, включительно до нашего времени — дѣйствительно конституціоннымъ кабинетомъ Японіи.

Коалиціонный кабинетъ.

*) Премьеръ Министръ 1906 г.—1908 г.

**) I-й кабинетъ Ито въ 1885 г.

II-й	"	"	"	1892	"
III-й	"	"	"	1898	"
IV-й	"	"	"	1900	"

Но едва была опубликована программа кабинета, какъ ближайшіе совѣтники трона подняли невообразимый шумъ въ подкупленной прессѣ, истолковывая правительственную программу, какъ попытку кабинета захватить верховную власть въ странѣ. Самъ же Императоръ Муцу-Хито, являясь въ продолженіе всего своего царствованія слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ кучки придворныхъ аристократовъ, подъ вліяніемъ послѣднихъ издаетъ въ ноябрѣ 1898 года знаменитый приказъ объ отставкѣ кабинета Окума и новый предлагаетъ сформировать маршалу Ямагата.

Такимъ образомъ, всѣ благія намѣренія кабинета графа Окума остались не выполненными.

Кабинетъ Ямагата—объявляетъ въ своей программѣ о необходимости особенно интенсивнаго развитія военнаго и морского могущества, въ виду угрожающихъ дѣйствій со стороны Россіи... Такой маневръ новаго правительства вноситъ расколъ въ парламентскія фракціи обѣихъ партій, такъ какъ среди послѣднихъ нашлось не мало сочувствующихъ идеѣ Ямагата и видѣвшихъ въ агрессивной политикѣ русскаго правительства—угрозу политической независимости Японіи. Сначала въ парламентѣ появляются независимые, потомъ образовались клубы—свобододѣйствующихъ и, наконецъ, нижняя палата распалась на множество мелкихъ группъ и только прогрессивная партія (Симпо-то), въ количествѣ около 70-80 депутатовъ, сохранила свою организацію, но была уже въ меньшинствѣ и рѣзко обособлена. Тѣмъ не менѣе, эта партія, руководимая графомъ Окума—стойко держались намѣченной программы, въ то время какъ графъ Итагаки вмѣстѣ съ распаденіемъ либеральной партіи уходитъ съ арены политической дѣятельности...

Нѣкоторые политики, какъ, напримѣръ, Хоси, пытаются вновь объединить депутатовъ, составляющихъ большинство, но всѣ ихъ попытки оказываются тщетными... Правда, у новоявленныхъ лидеровъ было много желанія и честолюбія, но не было силы характера, политическаго ума и таланта, чтобы объединить депутатовъ подъ общимъ девизомъ.

Видя такое хаотическое состояніе нижней палаты парламента, на сцену выступаетъ вновь маркизъ Ито—въ роли лидера.

На флагъ, выкинутомъ Ито для своей партіи, было написано „конституціонное правленіе“. Этимъ расплывчатымъ по нашимъ временамъ девизомъ Ито примирялъ большинство парламента... Большой природный умъ, тактъ, популярность и обаяніе личности маркиза Ито скоро собрали подъ его политическій стягъ подавляющее большинство депутатовъ нижней палаты.

Партія Сей-ю-кай.

Партія (Сей-ю-кай) „общество политическихъ друзей“ была въ августѣ мѣсяцѣ 1900 года сформирована, а въ ноябрѣ того же года пало министерство Ямагата и во главѣ правительства въ 4-й разъ встаетъ маркизъ Ито *) опираясь на свою собственную партію въ парламентѣ.

*) Ито Хиробуми,—князь (съ 1907 года), родился въ 1841 году—въ провинціи

Мы считаемъ излишнимъ комментировать и останавливаться на этомъ яркомъ примѣрѣ политической мудрости Ито, надѣясь, что читатель самъ оцѣнилъ уже, какое напряженіе силы воли и ума необходимо для человѣка, чтобы приковывать къ себѣ умы и сердца представителей народа, сколько нужно политической дальновидности и такта, чтобы сохранить къ себѣ одинаковое уваженіе иностранцевъ какъ во время паденія, такъ и во время возвышенія—это все сочетаетсяъ въ себѣ огромный талантъ, если не сказать геній, Ито.

Конечно, это было удобно правительству, но не всегда отражалось также благопріятно на народѣ. Въ обществѣ и печати появились справедливые нападки на правительство, монополизировавшее въ своихъ рукахъ всю власть законодательную и исполнительную. Скоро и въ парламентѣ среди этой партіи произошелъ расколъ особенно по военнымъ вопросамъ—и въ іюнѣ 1901 года министерство пало—его мѣсто заняло министерство ген. Кацура.

Маркизь Ито удовлетворился скромною ролью лидера партіи, въ роли котораго занялъ мѣсто президента въ „Тайномъ Совѣтѣ“, который по существу является постоянной опорой трона.

Мѣсто лидера Сейюкай занимаетъ маркизь Саюндзи, принадлежащій къ высшей аристократіи Японіи и находящійся въ отдаленномъ родствѣ съ Императорскимъ Домомъ. Такимъ образомъ Сейюкай принимаетъ окраску и тенденціи монархическаго союза.

Между тѣмъ прогрессисты, во главѣ съ Окума, строго ведутъ свою линію, объявивъ прямо походъ на „Сейюкай“, несмотря на подавляющее въ то время большинство депутатовъ въ партіи.

Цесю, воспитывался въ домѣ Юсида Токадзиро, въ 1863 году корабельнымъ юнгою посѣтилъ вмѣстѣ съ гр. Иноуэ—Англию.

Возвратившись домой, засталъ бомбардировку Симоносэки соединенной эскадрой. Заручившись расположеніемъ Кайдо, главы Цесюскаго клана, Ито начинаетъ свою политическую карьеру,—сначала въ своей родной провинціи, затѣмъ дѣлается постепенно замѣтной фигурой среди руководителей имперіалистическимъ движеніемъ. Когда власть Микадо была уже восстановлена—Ито въ 68 году получаетъ мѣсто государственнаго совѣтника и выступаетъ въ роли переводчика юнаго Императора при пріемахъ иностранцевъ.

Ито быстро дѣлаетъ служебную карьеру и издаетъ въ 70 году—«правила для банковъ» и вводитъ различныя улучшенія въ области народнаго хозяйства.

Въ 82 году—т. е. черезъ годъ послѣ объявленія представительства образа правленія—Ито командировается въ Европу и Америку изучать конституцію Запада.

Въ 83 году является представителемъ Микадо на коронацію Императора Александра III.

Въ 85 году командировается въ Китай для заключенія Тяньцзинскаго договора съ Лихунчаномъ относительно Кореи. Затѣмъ Ито встаетъ во главѣ вновь сформированнаго кабинета министровъ, то во главѣ тайнаго совѣта. Передъ войной посѣтилъ Россію, зондируя почву, можетъ ли надѣяться Японія на заключеніе союза съ Россіей—результатомъ этой поѣздки былъ Англо-Японскій союзъ. Во время Русско-Японской войны—два раза посѣтилъ Корею. Въ 1906 году назначенъ генералъ-резидентомъ Кореи (т. е. фактическимъ правителемъ ея). Ито считался въ Японіи русофиломъ. Въ 1909 году Ито получаетъ княжескій титулъ, покидаетъ Корею и поселяется въ Токио, гдѣ онъ вмѣстѣ съ маршаломъ Ямагата (его политич. соперникомъ), получивъ особенное „право почетнаго вмѣшательства“ во все государственныя дѣла, является первымъ сановникомъ Имперіи.

13 Октября 1909 г. кн. Ито былъ убитъ въ Харбинѣ корейцемъ на вокзалѣ при свиданіи съ русск. министромъ финансовъ Коковцевымъ. Убійца объяснилъ свой поступокъ желаніемъ отомстить князю за его жестокую (будто-бы) дѣятельность въ Корей.

Министерство
ген. Кацура.

И такъ, мы подошли къ тому моменту, когда на смѣну полу-либеральнаго 4-го министерства Ито—является правительство генерала Кацура. На этомъ министерствѣ остановимся болѣе подробно, въ виду того, что оно захватываетъ политическую жизнь страны за послѣдніе 4 года, включая и періодъ Русско-Японской войны.

Какъ и слѣдовало ожидать, судя по предыдущей дѣятельности генерала Кацура, бывшаго во многихъ правительствахъ военнымъ министромъ, — съ занятіемъ кресла премьеръ—министра—генераль Кацура—сразу же заявилъ всѣмъ своимъ коллегамъ о преобладающемъ по его мнѣнію въ данный моментъ (1901 годъ) значеніи развитія физическихъ силъ страны, въ виду угрожающей цѣлости Имперіи агрессивной политики нѣкоторыхъ сосѣднихъ государствъ (угадать, конечно, не трудно, что Кацура разумѣлъ Россію съ ея Маньчжурской шумихой).

Это былъ очень удачный манеръ Кацура для проведенія идеи милитаризма.

Ничего такъ не боялся японецъ средняго класса, только что освобожденный отъ феодализма и заразившійся идеей американскаго благополучія, какъ потерять свой достатокъ и сдѣлаться рабомъ другого. Эта угроза русскаго нашествія была понятна, она сильно ударила его по нервамъ, задѣла его самолюбіе, заставила забыть на время другіе важныя вопросы національной жизни и отдаться всецѣло идеѣ милитаризма, успѣшно пропагандируемой агентами новаго министерства въ парламентѣ, прессѣ и обществѣ.

Анти-русская
политика Ка-
цура.

Происки въ Азій „Кита-но-васи“—„сѣвернаго хищника—(нашъ Государственный гербъ) стали излюбленными темами бесѣдъ японскаго народа. На собраніяхъ, въ школахъ и даже въ университетахъ,—разсужденію о Россіи и ея агрессивной политикѣ отводится почетное мѣсто. Съ лихорадочнымъ волненіемъ, въ какой-то экзальтациі правительство готовится къ оборонѣ острововъ. Въ нижней палатѣ даже среди прогрессистовъ уже находится не мало сторонниковъ правительства, ловко привлекшаго на свою сторону борцовъ за свободу націи страхами о грозящей опасности не только внутренней свободѣ, но и внѣшней.

Подготовка японскаго общества къ воспринятію идеи современнаго милитаризма, слѣдуетъ сказать, была великолѣпна. Вся этика японцевъ зиждется на военной доблести. Фундаментъ былъ готовъ, оставалось только разбудить въ націи—древнія чувства самураевъ; къ чему и были приложены старанія. Въмѣсто лука, меча и лодки, появились пулеметы, подводныя лодки и броненосцы.

За двѣ съ половиной тысячи лѣтъ своего существованія Японія не знала пораженія.

Успѣхъ Китайско-Японской войны—и усмиреніе боксеровъ, гдѣ японцы дрались рядомъ съ европейскими солдатами, подкрѣпляли увѣренность правительства.

Прусское юнкерство нашло себѣ откликъ и приверженцевъ за 12 тысячъ верстъ на Японскихъ островахъ, среди членовъ новаго кабинета.

Время отъ времени правительство Кацура поощряетъ націю, какъ послушнаго ребенка, давая ей различнаго рода незначительныя улуч-

шенія—полуреформы, касающіяся ея духовной жизни и трогательные альянсы съ державами, въ то же самое время заигрывая со всѣми народами Д. Востока и щеголяя предъ послѣдними своей европейской каской и палашомъ.

Слѣдуетъ также отмѣтить, что къ этому времени относятся многіе переводы на японскій съ европейскихъ языковъ и оригинальныя сочиненія о Россіи, русскомъ самодержавіи и русскомъ освободительномъ движеніи.

Большинство такихъ переводовъ, съ одобренія правительства, пускается въ общество для широкаго ознакомленія послѣдняго съ русскою дѣятельностью. Должно сказать, что несмотря, на нѣкоторую тенденціозность, проглядывающую въ японскихъ переводахъ, все же получалось довольно правдивое освѣщеніе положенія Россіи.

Къ концу 1903 года японское общество уже было въ достаточной мѣрѣ подготовлено къ войнѣ съ Россіей. Правительство располагало громадной арміей и флотомъ, строго рассчитанными финансами, а съ моральной стороны запаслось симпатіями передовыхъ державъ, изъ которыхъ каждая смотрѣла на Японию, какъ на свою креатуру, и наконецъ питала надежду, что съ первымъ же громомъ пушекъ въ Россіи начнется революція.

Словомъ, все было взвѣшено, оставалось нанести лишь вѣрный ударъ.

Напрасно лучшіе люди страны желали предупредить кровопролитіе. Напрасно престарѣлый Ито напрягалъ всѣ усилія, прикладывая всю свою политическую мудрость, чтобы склонить русское правительство къ уступкамъ, совѣтуя въ то же самое время и своему правительству не торопиться съ войною.

Но и то, и другое правительство—были заражены одной и той же страстью къ завоеваніямъ.

Голоса народа не спрашивали, подтвержденіемъ чего въ Японіи могутъ служить протесты рабочей партіи, правда тогда еще не окрѣпшей ассоціаціи,—и громогласныя заявленія такихъ глубокихъ знатоковъ своей родины, какъ Сэнъ Катаяма, Ои Кентаро *), говорившихъ, что японскій простолудинъ не желаетъ войны и потому правительство не должно ее объявлять въ угоду лишь богатымъ классамъ.

Что же касается депутатовъ нижней палаты, то подавляющее большинство было за войну. Объясняется такое разногласіе между мнѣніемъ народа и его представителей въ парламентѣ, по нашему глубокому убѣжденію, существующей въ Японіи системой выборовъ. Парламентъ пополняется лишь депутатами отъ японской буржуазіи.

Но мало того, что правительство имѣло поддержку въ обществѣ и прессѣ—на защиту его завоевательныхъ плановъ явились представители японскаго ученаго міра. Всѣмъ извѣстны 7 профессоровъ Императорскаго Токіоскаго Университета и ихъ шовинистская пропаганда. Поэтому то всѣ европейскіе журналисты, жившіе въ то время въ Японіи, съ такимъ апломбомъ возвѣстили всему міру, что вся нація хочетъ войны.

*) Лидеры рабочей партіи.

Между тѣмъ по всей странѣ стоялъ громкій ропотъ японскаго народа, отъ котораго правительство отрывало сотни тысячъ лучшихъ его сыновъ, опору семьи. незамѣнимыхъ работниковъ. Но мало этого,— послѣдній заработанный сенъ японскаго крестьянина шелъ на пріобрѣтеніе пушекъ и судовъ.

Не съ радостью, какъ писали японскіе шовинисты во время войны, провожали солдатъ на войну, а съ неопикуемыми душевными страданіями. „Если и не плакали наши жены и сироты,— говорилъ намъ одинъ Токиоскій журналистъ,— то это въ силу японскихъ обычаевъ— скрывать проявленія своихъ чувствъ: свидѣтелями душевныхъ мукъ народа по случаю отправления своихъ сыновъ могутъ лишь быть темныя ночи, да безмолвная природа“ Война была объявлена.

Японія во время Русско-Японской войны.

Мы не будемъ останавливаться на этой почти двухлѣтней бойнѣ. Больно говорить, нестерпимо тяжело воскрешать вновь эти залитыя кровью картины. Не хочется переживать вновь—перенесенное, выстраданное, тамъ, на поляхъ Манчжуріи,—лучше попытаемся пріоткрыть ту завѣсу, за которой скрывается отъ насъ, русскихъ, политическая жизнь Японіи въ періодъ войны, конечно настолько, насколько позволяетъ къ тому существующій крайне скудный литературный матеріалъ и насколько его удалось намъ согласовать съ дѣйствительностью при помощи бесѣдъ съ представителями японской интеллигенціи.

Въ то время, когда на поляхъ Манчжуріи и у артурскихъ высотъ шло безпощадное избіеніе лучшихъ элементовъ двухъ націй,— стонъ умирающихъ и раненыхъ японцевъ, не смотря на строгую военную и гражданскую цензуру, все же доносится до острововъ.— Нация начинаетъ жаждаť того лишь момента, когда настанетъ миръ.— Скоро послышались голоса о прекращеніи этой войны. Мѣстами вспыхнули волненія. Правительство Кацура дѣлаетъ послѣднее усиліе и при помощи цѣлаго ряда строгихъ мѣръ зажимаетъ рты сторонникамъ мира.

Такъ, въ Токио, на примѣръ, были произведены обыски частныхъ квартиръ лицъ, заподозрѣнныхъ въ пропагандѣ социалистическихъ идей и призывавшихъ рабочій классъ къ понужденію правительства мирнымъ путемъ уладить Манчжурскій конфликтъ. Полиція прикрывалась при обыскѣ квартиръ тѣмъ будто бы, что въ нихъ укрываются русскіе шпіоны. Преслѣдовалось этимъ,—какъ говорилъ одинъ японскій социалистъ, живущій въ Осака,—во первыхъ, желаніе правительства узнать, насколько серьезно пустило корни ученіе социализма и опозорить въ глазахъ шовинистской толпы японскихъ социалистовъ, обвинивъ ихъ въ мнимой помощи Россіи и въ дѣлѣ организаціи шпіонства. Кромѣ того, правительство запретило всѣ изданія (журналы и газеты), проповѣдывающія социалистическіе, идеи.

Мѣропріятія, подобныя изложеннымъ,—имѣли успѣхъ. Правительство спокойно продолжало войну, а счастье націи, неизмѣнное за 2¹/₂ тысячи лѣтъ существованія,—сопутствовало всюду въ бояхъ. И не смотря на тяжкія потери, большая часть японскаго общества улыбалась сквозь слезы, одобряя правительство Кацура. Но народъ—тотъ,

что разбросанъ на тысячѣ острововъ, хмурился, какъ бы предчувствуя, что многихъ своихъ сыновъ уже больше не увидитъ.

Лишь только предъ Ляоянскимъ боемъ пробѣжала тревога по лицамъ японскихъ шовинистовъ—они боялись, какъ чистосердечно признались нѣкоторые изъ нихъ, что Куроки будетъ разбитъ *). Но японская исторія такого факта не занесла на свои страницы. Подъ Шахэ, Мукденомъ—сторонники войны были увѣрены въ японской побѣдѣ, а Цусима повысила ихъ тонъ, окончательно опьянила ихъ. Народъ же, какъ передавали большіе знатоки его, радовался этимъ побѣдамъ, надѣясь на скорое заключеніе мира.

Ожиданія народа оправдались. Миръ былъ заключенъ, но шовинисты не удовлетворялись имъ. Народъ же, довольный возвращенію на родину своихъ сыновъ, устроилъ имъ сердечныя встрѣчи и торжественно почтилъ память оставшихся на полѣ битвы.

Послѣ войны японскій народъ, какъ таковой, никакой вражды, ненависти къ своему бывшему противнику не выказывалъ, несмотря на многочисленныя жертвы войны, вполне правильно рассуждая, что вѣдь русскія семьи лишились не меньшаго количества своихъ членовъ—такова уже судьба.

Не такъ смотрѣли на заключеніе мира воинственные элементы націи.

Ихъ стремленія простирались гораздо больше того, что имъ далъ миръ.

Въ заключеніи послѣдняго они видѣли побѣду Россіи, хотя и единственную за всю кампанію. Только теперь начало всматриваться японское общество въ дѣятельность правительства Кацура и было не мало удивлено, когда внимательно изучило составъ министровъ, дѣятельность каждаго изъ нихъ въ своей отрасли японской государственности. Оказалось что министръ воспитанія г. Кубота попалъ въ таковыя по недоразумѣнію. Министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Комура—по несчастной случайности, а министровъ внутреннихъ дѣлъ за четырехлѣтнее существованіе кабинета Кацура—смѣнилось четыре: баронъ Уцуми, баронъ Кодама, графъ Кацура, виконтъ Юсикава.

О другихъ министрахъ и говорить уже нечего, за исключеніемъ военнаго министра Терауци и морского Ямамото, бывшихъ всегда на высотѣ своего положенія. Остальные были люди, выдвинутые премьеромъ въ министры, вслѣдствіе чего являлись слѣпыми исполнителями твердой воли ген. Кацура.

Естественно, что при такомъ составѣ кабинета—дѣятельность барона Комура въ Портсмутѣ была тою каплей, которая переполнила чашу терпѣнія, и общество, вышедшее уже на мирную стезю жизни, устыдилось своего собственнаго правительства, которое слѣпо боготворило въ продолженіе 4-хъ лѣтъ, и потребовало отставки всего кабинета.

Напрасно Кацура думалъ удержаться у власти, пожертвовавъ для этого барономъ Комура, затѣмъ Кубота. Общество эти жертвы

Паденіе кабинета ген. Кацура.

*) См. яп. газеты за 1904—05 годы.

не удовлетворили. Либеральная часть прессы, излѣчившись отъ завоевательнаго кошмара, начала громко обвинять правительство въ бюрократизмъ, подавленіи свободной мысли націи, въ посягательствѣ на общественную свободу, называя правительство военно-полицейскимъ и поэтому недостойнымъ быть во главѣ конституціоннаго государства. Тщетно органъ правительства Кацура „Кокуминъ“ пытается успокоить общество сообщеніями „изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ“—о предстоящихъ широкихъ либеральныхъ реформахъ, намѣченныхъ ген. Кацура, которыя въ случаѣ его паденія останутся невыполненными; оказывается, что уже поздно: вѣра въ кабинетъ Кацура исчезла. Общество, печать и особенно прогрессисты съ Окума во главѣ настойчиво требуютъ смѣны правительства.

Ничто не успокаиваетъ общества—ни пышныя встрѣчи возвращающимся войскамъ, ни триумфальныя вѣзды военныхъ и морскихъ героевъ, ни даже алліансы съ англичанами, устраиваемыя правительствомъ, какъ напоминаніе его недавнихъ заслугъ. Даже юмористическіе газеты и журналы, еще недавніе слуги и льстецы правительства, и тѣ начали издѣваться надъ Кацура,—изображая, на примѣръ, въ слѣдующей каррикатурѣ: маленькая голова, широкіе плечи и огромные кулаки, долженствующіе изображать армію и флотъ, судя по соответствующимъ нашивкамъ на рукавахъ; короткое туловище еле держится на двухъ худенькихъ маленькихъ ножкахъ,—означающихъ финансы и воспитаніе націи, судя по соответствующимъ надписямъ. Или, смѣясь надъ ассигнованіемъ правительствомъ специальныхъ суммъ на сооруженіе триумфальныхъ аркъ (вмѣсто употребленія этихъ денегъ на пособіе инвалидамъ и сиротамъ, какъ требовали того нѣкоторые либералы), изображали триумфальныя арки, сооруженныя изъ множества человѣческихъ костей, подъ которыми проходятъ гордые побѣдители,—или похоронныя урны съ прахомъ воиновъ, залитыя электрическимъ свѣтомъ.

Общество поняло маневры Кацура—понялъ и этотъ послѣдній непреклонную волю общества.

Кацура подаетъ въ отставку, обращаясь съ просьбою къ Микадо передать формированіе новаго кабинета маркизу Саіондзи—лидеру „Сейюкай“, надѣясь этимъ способомъ сохранить нѣкоторыя министерскіе портфели за своими креатурами, а впоследствии черезъ нихъ вновь вернуться на кресло премьера *).

Императоръ принимаетъ отставку, соглашается на передачу формированія кабинета маркизу Саіондзи и выражаетъ лишь желаніе, чтобы 22 сессію парламента открыло правительство генерала Кацура.

Кабинетъ маркиза Саіондзи.

Кабинетъ маркиза Саіондзи былъ составленъ при очень трудныхъ обстоятельствахъ. Ему приходилось ликвидировать войну... устраивать пришедшія въ крайній беспорядокъ финансы, возможно лучше использовать плоды побѣды Японіи надъ Россіей, провести

*) Лѣтомъ 1903 г. генералу Кацура вновь было поручено составленіе кабинета.

Рис. 8.—Маркизь **Саionдзи**, Кинмоци, бывш. премьеръ-министръ (либераль).

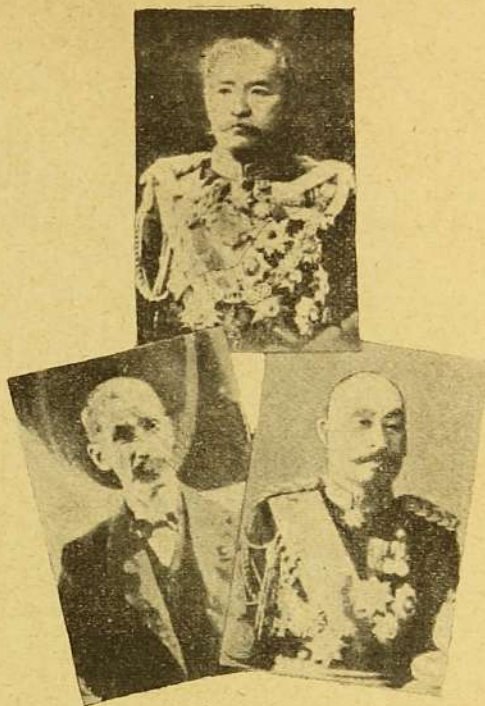
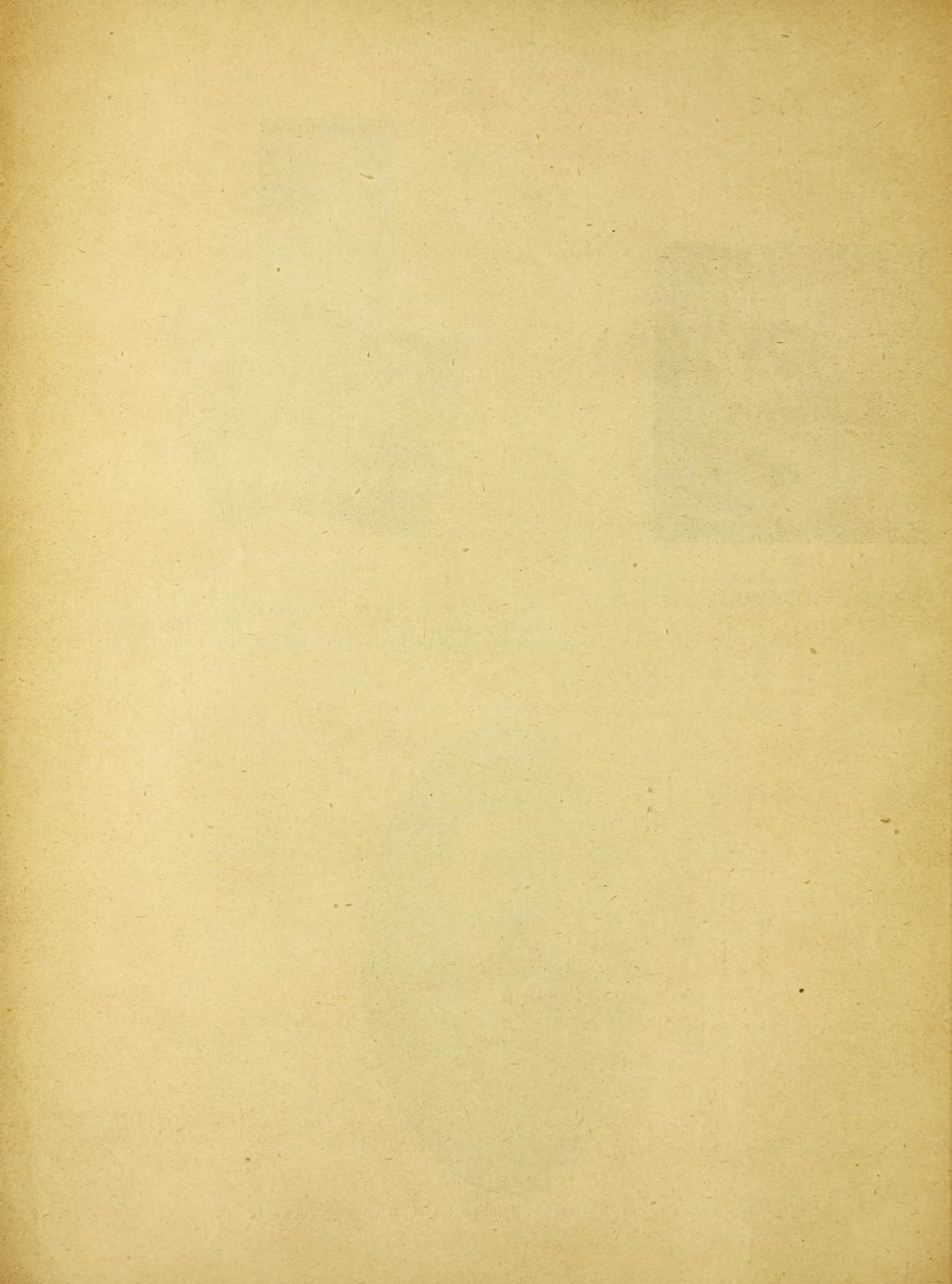

Рис. 9.

Маркизь генер. **Кацура** Таро, премьеръ-министръ (1910 г.)..
Баронъ **Комура** Дзутаро, | Генер. **Тэрауци** Сэйки,
Министръ Иностран. дѣлъ (1910 г.) | Военн. министръ (1910 г.)

Рис. 10.—Баронъ **Гото** Симпей, Министръ Путей Сообщенія (1910 г.).

цѣлый рядъ либеральныхъ реформъ уже давно обѣщанныхъ, но не исполненныхъ правительствомъ, направить на вѣрную дорогу эмиграционную волну и наладить только что народившуюся въ Японіи колониальную политику.

Въ составъ кабинета вошли два лидера партіи „Сюй-ю-кай“, главою которой является маркизъ Саіондзи, унаслѣдовавшій это положеніе отъ маркиза Ито,—занимавшаго постъ предсѣдателя Тайнаго Совѣта; одинъ министръ и три товарища министра изъ предыдущаго кабинета также получили портфели; портфель министра Иностранныхъ Дѣлъ сначала предложенъ былъ г. Като, вскорѣ вышедшему изъ кабинета, а затѣмъ г. Хаяси (бывшему послу въ Лондонѣ).

Благодаря такому подбору членовъ кабинета, Саіондзи—удовлетворялъ разнообразнымъ политическимъ теченіямъ страны, объединивъ около себя крайнихъ монархистовъ съ умѣренными прогрессистами, и призналъ фактическое руководство дѣлами управленія Генро—(названіе группы именитыхъ сановниковъ).

Вдохновителемъ работы кабинета Саіондзи является маршалъ Ямагата (изъ Генро), глава военной партіи.

Это уже одно показывало, что серьезныхъ перемѣнъ въ направленіи политики произойти не могло.

И дѣйствительно,—уже за два года существованія кабинета Саіондзи—чувствуется все то же господство идеи милитаризма и тенденція агрессивной внѣшней политики, какъ и при кабинетѣ Кацура.

Большинство палаты перовъ (Кидзоку-инъ)—на сторонѣ Ямагата, такъ же какъ и большинство депутатовъ нижней палаты (Сюги-инъ).

Палата народныхъ представителей (Сюги-инъ), состоя изъ 378 человекъ *)—распадалась по политическимъ партіямъ на слѣдующія группы (1908):

Сей-ю-кай (ум.-консер.)	167
Симпо-то (кон.-дем. прогрес.)	94
Дайдо-клубъ (ум. прав.)	68
Уюко-клубъ (безпарт.)	36
Независимые.	14

379

Верхняя палата состоитъ изъ 362 человекъ, выбранныхъ отъ слѣдующихъ группъ:

Принцевъ крови	13
Князей	10
Маркизовъ	28
Графовъ	17
Виконтовъ	69
Бароновъ	59
По назначенію	124

*) Изъ нихъ 8 являются безсмѣнными за весь парламентскій режимъ.

Жалованіе депутаты получаютъ 2000 іенъ въ годъ, кромѣ того путевые расходы. По правительственнымъ дорогамъ проѣздъ безплатный.

Президенты и вице-президенты обѣихъ палатъ получаютъ 5000 іенъ и 3000 іенъ въ годъ.

Представителей плательщиков вы-	
сокихъ налоговъ	45
	<hr/>
	362
Кенкю-кай	82
Мокуе-кай (четверн.)	49
Докурицу (независ.)	47
Цявакай (по назнач.)	46
Дою-кай (субботн.)	49
Дзицуге (дѣлов.)	11
	<hr/>
	362

Нижняя палата до 1908 г. имѣла своимъ лидеромъ премьера маркиза Саюндзи, являвшагося въ свою очередь послушнымъ орудіемъ того же Ямагата *).

Вліяніе маркиза Ито и его группы, было значительно ослаблено, такъ какъ Микадо подѣ вліяніемъ Ямагата—упросилъ Ито поѣхать въ Корею для закрѣпленія „дружескихъ узъ“ съ корейскимъ народомъ.

Поѣздка Ито въ Корею окончательно развязала руки японскимъ милитаристамъ, и они сосредоточили все вниманіе, всѣ средства на развитіи и укрѣпленіи физической силы страны.

Члены верхней палаты — дифференцировались на слѣдующія группы, часто не имѣющія политической окраски.

Небольшая оппозиціонная группа Симпо-то, подѣ негласнымъ предводительствомъ графа Окума **), нападавая на политику Ямагата, осязательныхъ результатовъ своей дѣятельности не имѣеть... Соціалисты—еще очень слабы, хотя ихъ „обличительная“ дѣятельность приноситъ безъ сомнѣнія большіе результаты, чѣмъ оппозиція либераловъ въ парламентѣ... Преслѣдованія соціалистовъ, — описанныя нами въ своемъ мѣстѣ, — указываютъ, что правительству очень непріятна ихъ дѣятельность...

Въ сферѣ внутренней политики при кабинетѣ Саюндзи — большихъ измѣненій не произошло, если не считать нѣсколькихъ незначительныхъ реформъ въ дѣлѣ реорганизаціи арміи (примѣніе опыта войны) и выкупа казной частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Девизомъ своей дѣятельности кабинетъ Саюндзи объявилъ „примиреніе“, долженствующее указывать обществу на то, что правительство при извѣстныхъ условіяхъ пойдетъ на уступки—какъ въ вопросахъ внутренней, такъ и внѣшней политики.

Финансовая политика прекрасно охарактеризована графомъ Окума въ его рѣчи, произнесенной въ 1907 г. въ засѣданіи „экономическаго общества“ *).

Мнѣніе Окума
о финансахъ
Японіи.

*) Тайный Совѣтъ часто собирается подѣ предѣдательствомъ Микадо. Совѣтъ состоитъ изъ президента—маркиза Ямагата, вице-президента—графа Хигасикудзэ, совѣтниковъ: Маркиза Ито и маркиза Мацуката, барона Като и другихъ 28 членовъ, ближайшихъ совѣтниковъ Трона.

**) Графъ Окума въ 1906 году официально отказался отъ лидерства пар. Симпо-то, но это ему не мѣшаетъ быть лидеромъ фактически.

*) 27 февраля 1907 г. „Майници“.

„Финансовое положеніи Японіи—напоминаетъ собою положеніе Россіи во время г. Витте, который благосостояніе страны поддерживалъ иностранными и внутренними займами.

„Увеличивая оборотный капиталъ страны, увеличиваемъ и національные долги.

„Наше правительство пошло по стопамъ русскаго финансиста—и усиленно начало дѣлать займы, всѣ займы тратить на военное и морское министерства.

„Но кто занимаетъ—тотъ долженъ и платить. Между тѣмъ у насъ, въ Японіи чрезвычайныхъ доходовъ, изъ которыхъ можно было бы покрыть займы, не предвидится.

„Наши официальные финансисты говорятъ, что нашъ національный долгъ не значительный по сравненію съ долгомъ Франціи, Англіи, Германіи и Россіи, но вѣдь и національные богатства этихъ странъ съ ихъ территоріей и колоніями—въ много разъ превосходятъ наши.

„Японіи не угнаться за ними и поэтому пока не поздно слѣдуетъ измѣнять нашу финансовую политику“.

Уже съ первыхъ шаговъ дѣятельности министерства Саіондзи—многіе политики Японіи предсказывали скорое паденіе кабинета. Кабинетъ ген.
Кацура.

Такъ, графъ Окума, по праву считающійся выдающимся политикомъ современности, въ 1906 году говорилъ лично намъ—въ бытность въ Японіи—что кабинетъ Саіондзи—это временная уступка правящихъ сферъ—обществу, требующему проведенія либеральныхъ реформъ, но не пройдетъ одного-двухъ лѣтъ и во главѣ правительства встанетъ если не самъ Ямагата или его правая рука—Кацура,—то ихъ ставленникъ.

Пророчество гр. Окума, чьи глаза, по мѣткому выраженію Бельсора, обладаютъ кошачьей способностью мѣнять цвѣтъ и видѣть днемъ и ночью, исполнилось.

Умѣренный либераль, родственникъ Императора, получившій воспитаніе въ республиканской Франціи—Саіондзи—не смогъ долго удержаться у власти въ роли премьера. Постоянно лавируя между придворными партіями—военной (маршала Ямагата) и гражданскою (князя Ито),—вынужденный заискивать у той и другой—маркизь Саіондзи былъ съ силахъ провести лишь одинъ названный градіозный билль о выкупѣ государствомъ всѣхъ частныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій.

Лѣтомъ 1908 года кабинетъ палъ. Сформировать новый поручено было ген. Кацура...

Извѣстіе объ этомъ событіи въ Японіи было встрѣчено съ большимъ неудовольствіемъ, такъ какъ съ переходомъ власти къ ген. Кацура—надежды на проведеніе либеральныхъ реформъ, объявленныхъ кабинетомъ Саіондзи—было мало... Не менѣе встревожены были возвращеніемъ къ власти Кацура и чуткіе политики Востока и Запада, такъ какъ воинственность ген. Кацура—всѣмъ хорошо извѣстна.

Встрѣтивъ такой пріемъ у себя на родинѣ и за границей, ген. Кацура принужденъ былъ объявить въ своей программѣ о своихъ

миролюбивыхъ стремленіяхъ во внѣшней политикѣ и предстоящихъ либеральныхъ реформахъ во внутренней, замаскировавъ этимъ свои планы. Разумѣется, многіе политики поняли маневръ Кацура и обошли молчаніемъ новый кабинетъ, и только въ Россіи,—какъ это ни странно,—привѣтствовали возвращеніе ген. Кацура къ власти, не разобравшись въ тѣхъ причинахъ, которые вынудили ген. Кацура объявить свою либеральную программу и реформы по упорядоченію японскихъ финансовъ, а затѣмъ и изданіе манифеста Микадо, одобряющаго дѣятельность Кацура.

Для насъ же не представляется никакого сомнѣнія, что съ возвращеніемъ къ власти Кацура—Японія, вопреки завѣреніямъ—вступаетъ вновь на путь агрессивной политики въ сферѣ внѣшней политики, насажденія и закрѣпленія милитаризма—въ сферѣ внутренней...

Прекратившееся—было бряцаніе оружіемъ въ періодъ дѣятельности маркиза Саіондзи—послышалось вновь... и особенно рѣзкимъ эхомъ отдается въ Китаѣ и Россіи.

Во внѣшней политикѣ—японское правительство заявило себѣ цѣлымъ рядомъ соглашеній, обѣщаніемъ и завѣреніями касательно своихъ миролюбивыхъ намѣреній.

Однако это ему нисколько не мѣшало, скрываясь за фразами миролюбія,—ставить фактически господствующей въ его политикѣ—идею милитаризма.—которой мы ниже удѣлимъ достаточно мѣста.

Соціализмъ въ Японіи.

Среди новѣйшихъ политическихъ теченій Японіи—обращаютъ на себя вниманіе два—соціализмъ и милитаризмъ.

Намъ уже неоднократно приходилось касаться этихъ темъ, но раньше мы обращали вниманіе преимущественно на фактическую сторону,—теперь же мы остановимся на идеологіи этихъ вопросовъ.

Соціализмъ, какъ наука, въ Японіи началъ распространяться всего около 10-ти лѣтъ, когда въ средѣ профессоровъ-юристовъ Токиоскаго университета возникла „соціально-политическая ассоціація“, для научной разработки соціалистической теоріи.

Новая ассоціація признавала желательнымъ расширеніе дѣятельности государства въ народномъ хозяйствѣ. Она считала необходимымъ передачу эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ и другихъ крупныхъ предпріятій въ руки государства и болѣе широкое участіе городовъ въ предпріятіяхъ, обслуживающихъ города.

Въ финансовомъ вопросѣ они проводили принципъ—освобожденія минимальныхъ доходовъ отъ налоговъ и наоборотъ увеличеніе налоговъ на максимальные доходы.

Словомъ, ихъ девизомъ являлась націоналізація крупныхъ предпріятій, муниципализація менѣе значительныхъ и справедливость въ распредѣленіи налоговъ.

Эта группа и положила начало такъ называемому государственному соціализму, нашедшему себѣ въ Японіи благодарную почву.

Проникая въ жизнь,—эти идеи начали постепенно облекаться узко—націоналистическими взглядами лицъ, проповѣдывавшихъ ихъ.

Вскорѣ какъ среди группы, такъ главнымъ образомъ среди сочувствующихъ новому учению произошелъ расколъ.

Одни пошли влѣво, другіе вправо, послѣдніе рѣшили было даже въ одно время объявить объ новомъ учении, — о „японскомъ социализмѣ“, — но потомъ отказались какъ отъ этого объявленія, такъ и отъ мысли организовать въ союзъ и совѣтовали лишь своимъ послѣдователямъ агитировать при каждомъ удобномъ случаѣ лишь въ защиту націи и своего государства.

Тѣ, которые пошли влѣво—во главѣ съ профессоромъ Абэ-Исо и Сень Катаяма — занялись организаціей рабочихъ и пропагандой среди нихъ социалистическихъ идей.

Результатомъ ихъ дѣятельности явилось народженіе японской социаль-демократической партіи и систематическая борьба трудящихся массъ съ капиталистами.

Исторія развитія социаль-демократическихъ идей *) въ Японіи довольно хорошо и послѣдовательно развита г. Каваками въ вышецитированномъ трудѣ, а поэтому мы и въ данномъ случаѣ уступаемъ мѣсто молодому японскому ученому.

„Господствующая идея японской націи (говоритъ г. Каваками), въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ до принятія конституціи была: индивидуализмъ, соединенный съ либерализмомъ. *Laissez faire, laissez passer* было девизомъ передовыхъ людей, политиковъ, журналистовъ и народа. Но переходъ отъ индивидуализма къ социализму не труденъ, хотя заливъ, раздѣляющій ихъ и кажется очень широкимъ. Чистый социализмъ можно въ нѣкоторомъ смыслѣ считать отраслью индивидуализма, составной силой свободной конкуренціи и условіемъ для приближающагося индивидуальнаго идеала.

„Индивидуализмъ имѣетъ свою собственную миссію, когда народъ находится подъ игомъ абсолютизма. Но когда народъ возьметъ контроль за правительствомъ въ свои руки, когда положеніе общества измѣнится посредствомъ различнаго рода политическихъ организацій,—индивидуализмъ долженъ „передѣлаться“ и гармонировать съ новыми нуждами общества. Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что японскій народъ, восхищавшійся сначала индивидуализмомъ Милля и даже Спенсера, скоро началъ слушать ученіе о социализмѣ. Надо помнить однако, что японское правительство было далеко отъ своей солидарности съ принципомъ „*Laissez faire*“. Было уже показано, что покровительственная партія новой Японіи извлекла свои политическіе принципы изъ сочиненій Блюнчли, который былъ рѣшительнымъ противникомъ индивидуальнаго взгляда въ сферѣ дѣятельности правительства. Мы также замѣтили, что покровительственная партія была радушно принята правительствомъ.

„Позднѣе, когда маркизь Ито сталъ на сторону германскаго

*) См. гл. о „Рабочемъ вопросѣ въ связи съ исторіей развитія социализма въ Японіи“.

абсолютизма, германская идея о „вмѣшательствѣ государства“ стала болѣе вліятельной. Многіе студенты, посланные въ Германію, вернулись съ знаніемъ теоріи и политики правительства той страны, гдѣ они учились.

„Наше (говорить Каваками) правительство начало вести статистику, регистрировать, контролировать много частныхъ промышленныхъ предприятий. Кромѣ регистраціи числа рожденій, браковъ и смертей, правительство регистрируетъ и контролируетъ всѣхъ адвокатовъ, врачей, маклеровъ, редакторовъ газетъ, фабрикантовъ игорныхъ картъ, пивоваровъ, банкировъ, всѣ общины, политическія общества, страховыя компаніи, земли, дома, суда, оружіе, собакъ, извозчичьи экипажи, омнибусы, книги, игры, газеты, торговыя клейма, рестораны, театры, церкви и т. д. Правительство поддерживаетъ начальное и высшее образованіе, владѣетъ многими фабриками, основало монополію табаку, владѣетъ и управляетъ значительной частью желѣзныхъ дорогъ *) и исполняетъ много другихъ обязанностей, которыя въ одно время во многихъ странахъ были отданы въ руки частныхъ предпринимателей. Многіе изъ регистрируемыхъ промышленныхъ предприятий подвергаются строгому осмотру и контролю, какъ напримѣръ желѣзныя дороги, трамваи, корабли, скотобойни, молочныя фермы, молочныя лавки, ночлежныя дома.

„Словомъ, руководящимъ желаніемъ правительства было взять на себя контроль и наблюденіе за многими предприятиями, которыя раньше были оставлены на попеченіи частныхъ лицъ. Но несмотря на то, что было сказано теперь, защита рабочаго класса, какъ такового, была запрещена. У насъ нѣтъ торговаго права, нѣтъ закона, который говорилъ бы объ отвѣтственности людей, дающихъ работу, уже не говоря о страхованіи рабочихъ. Нѣтъ закона предписывающаго возрастъ рабочаго, число часовъ для работы, количество воздуха и свѣта, температуру. Законъ молчитъ на счетъ праздниковъ и обѣденнаго времени. Нѣтъ закона, показывающаго, гдѣ, когда и какъ должна уплачиваться заработанная плата—жалованье, какъ должны быть загорожены и охраняемы машины, лѣстницы, мины и каменоломни. Армія дѣтей и женщинъ работаетъ на фабрикахъ, часто подъ ремнемъ безсердечнаго надзирателя. Въ послѣднее время промышленность Японіи подвигалась впередъ прыжками и скачками. Китайско-Японская война 1894—95 годовъ, кончившаяся большой побѣдой для японцевъ, возвысила промышленность въ большемъ размѣрѣ.

„Паръ и электричество, вызвавшіе промышленную революцію на Западѣ, производятъ точно такой же эффектъ и на островахъ Японіи. Новѣйшая социаль-демократія есть тоже произведеніе промышленной революціи. Это не твореніе Карла Маркса или Фердинанда Лассаля, но Ньютона или Уатта Гаргривса или Кромптона. Кея или Аркчаита—вообще того, кто больше всѣхъ способствовалъ революціи 18-го вѣка. Если бы не изобрѣли прядильныхъ машинъ, ткацкихъ станковъ, паро-

*) Въ 1906 году былъ проведенъ билль о націонализаціи всѣхъ Японскихъ жел. дорогъ (при посредствѣ выкупа у частныхъ владѣльцевъ).

выхъ молотовъ, локомотивовъ, то, можетъ быть, никогда бы не было современныхъ социальныхъ мыслителей.

„Гдѣ бы только ни прошла революція, тамъ мы находимъ соперничество между буржуазіей и пролетаріатомъ, а съ нимъ слышимъ крикъ социаль-демократіи. Вполнѣ естественно, что въ Японіи, гдѣ еще продолжается промышленная революція, социализмъ нашелъ послѣдователей. Въ то самое время правительство, хотя и вмѣшивающееся во многія предпріятія, однако пренебрегало защитой рабочаго класса; буржуазія, моральная идея которой была искажена ложнымъ толкованіемъ индивидуализма и утилитарности,—недобросовѣстно шла своей дорогой. Народъ стоялъ за *Laissez faire* больше, нежели правительство.

„Кромѣ моральнаго принципа, снабжавшаго японскую націю правилами ежедневнаго поведенія, политическіе и коммерческіе принципы были также смыты послѣдней революціей и на ихъ мѣсто еще не появилось никакого новаго моральнаго принципа. Идея любостыжанія подавляюща и необуздываема въ особенности между зажиточнымъ классомъ предпринимателей. Благочестіе, великодушіе, милосердіе и особенно самопожертвованіе—это наслѣдіе временъ старой Японіи,—постоянно отступаютъ передъ жадностью и стремленіемъ къ богатству. Не самопожертвованіе, а эгоизмъ—главный принципъ высшихъ классовъ,—и его порочное вліяніе оказываетъ гибельное дѣйствіе на всѣ классы общества.

„Нынѣ (продолжаетъ Каваками) крайне трудно предпринять какое либо челоуѣколюбивое дѣло за отсутствіемъ отзывчивыхъ людей, которые бы интересовались такими благородными побужденіями. Богатые люди рѣдко бываютъ великодушны, чтобы пожертвовать значительную сумму на дѣло общественнаго преобразования. Поэтому естественно, что идея—облегчить положеніе, поднять низшій классъ, была совершенно не затронута. Зависть, вражда, горе недовольство на сторонѣ бѣдныхъ; тщеславіе, расточительность, роскошь и распущенность на сторонѣ богатыхъ,—это только признаки громадной общественной борьбы, которая несомнѣнно подымется въ Японіи въ недалекомъ будущемъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ, само собой разумѣется, что социаль-демократія проповѣдуетъ теперь въ Японіи, гдѣ только десять лѣтъ тому назадъ господствовало промышленное спокойствіе“.)

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ *) одинъ кружокъ образовалъ общество подъ названіемъ социалистическаго общества съ цѣлью общественнаго преобразования. Его девизъ, какъ у „*Fabian Society of England*“, былъ: „Должно дожидаться настоящаго момента, какъ это терпѣливо дѣлалъ Фабій, когда воевалъ съ Ганнибаломъ, — хотя многіе и порицали его медлительность; но когда настанетъ время,—нужно сильно нанести ударъ, какъ и сдѣлалъ Фабій, — не то ожиданіе ваше будетъ понапрасну и безуспѣшно“. Правильныя собранія общества бывали разъ въ мѣсяць въ Токио. Часто также бывали публичныя собранія для обсужденія социалистическихъ теорій. Главные

*) См. главу о рабочемъ вопросѣ.

члены общества—все люди образованные, хорошо изучившие современных социалистических писателей, старавшиеся в особенности изучить, разработать, каким образом можно было бы ввести социалистическія идеи въ текущую политику. Одним словомъ,—на общество это можно смотрѣть, какъ на японскую копию Fabian Society. Идеалы его высоки и оно терпѣливо дожидается надлежащаго момента для осуществленія своихъ идей, вѣря въ эволюціонный процессъ общественнаго совершенствованія. Члены его—люди извѣстные своей честностью. Число ихъ въ настоящее время не велико и общество не силится ихъ увеличить, принимая только тѣхъ, которые искренно стремятся къ увеличенію общественнаго благосостоянія. Преобразование общества, думаютъ они, можетъ быть выполнено только усиліями честныхъ, богобоязненныхъ, интеллигентныхъ людей. Видя, что положеніе рабочихъ все ухудшается нѣкоторые члены социалистическаго общества пытались организовать политическую партію подъ названіемъ *Соціалъ-демократической партіи*. Но прежде чѣмъ появилась эта партія, весной 1901 года правительство приняло строгія мѣры и подавило эту политическую организацию. Мы имѣемъ въ Японіи непріятный законъ—„Законъ для сохраненія общественнаго согласія“, требующій чтобы инціаторы политическихъ партій просили позволенія у властей на таковыя организации. Законъ уполномочиваетъ правительство дозволять и воспрещаетъ по своему усмотрѣнію. Правительство закрываетъ то или другое политическое общество, объявляя, что оно пагубно для поддержанія „общественнаго согласія“, не давая никакого объясненія почему именно оно пагубно для „общественнаго согласія“. Лица, способствовавшія развитію социалъ-демократической партіи, были извѣстные ученые люди, заслуживающіе уваженія и довѣрія своихъ соотечественниковъ. Такимъ образомъ мѣра подавленія была такъ же неожиданна, какъ молнія на ясномъ небѣ, и сильно удивила тѣхъ, кто вѣрилъ, что новая партія не настолько опасна, чтобы потревожить строй государства. Народъ не зналъ причинъ, которыя побудили власть воспретить организацию новой партіи.

The principle of State Intreferece, принятый правительствомъ, отзывающійся духомъ неограниченнаго правленія, часто приноситъ больше вреда, нежели пользы. Подавленіе социалъ-демократической партіи даетъ намъ лишній примѣръ этого. Японское правительство, значительно вдохновленное германской политикой, очевидно злоупотребило принципомъ State Interference. Оно думало сохранить промышленное спокойствіе уничтоженіемъ всякой политической партіи, которая цѣлитъ на преобразование общества, препятствуя на каждомъ шагу рабочему движенію вмѣсто того, чтобы позаботиться о защитѣ и поднятіи рабочаго класса. Въ этомъ отношеніи наше правительство отстало отъ европейскихъ правительствъ на пятьдесятъ или на столѣтъ. Подавленіе рабочихъ движеній и социалистической пропаганды въ европейскихъ странахъ дѣло уже прошедшее. Современная исторія цивилизованныхъ странъ показываетъ намъ, что силиться подавить социалъ-демократическія движенія крайне не разумно.

Кромѣ общей экономической и политической теорій, собран-

ныхъ въ опубликованномъ социаль-демократическомъ манифестѣ, была еще одна вещь, о которой хотя и не говорилось въ манифестѣ, но которая была достаточно значительна, чтобъ поднять тревогу между такъ называемыми патриотами. Мы имѣемъ въ виду возможное воздѣйствіе демократической пропаганды на идею монархіи. Демократія и имперіализмъ или микадоизмъ, очевидно, вещи не совмѣстимыя. Гдѣ абсолютическая власть тысячи лѣтъ находилась въ рукахъ одного, гдѣ императора считаютъ священнымъ и *неприкосновеннымъ въ конституціи*, гдѣ большая часть народа никогда не думала о возможности переменъ настоящаго правительства,—народженіе *демократіи*, даже въ самомъ маломъ размѣрѣ, должно быть очень безпокойно для чиновниковъ и еще болѣе для императорской семьи. Настолько, насколько это касается манифеста социаль-демократической партіи, мы не видимъ въ немъ покушенія на дальнѣйшее существованіе долгопочитаемой династии. *Лидеры этой партіи не думали ниспровергнуть императорское правительство въ строго опредѣленный періодъ времени.* Напротивъ, они такъ же вѣрны императору, какъ и всѣ другіе люди; и поэтому они имѣли намѣреніе раздѣлить поровну между всѣми классами народа политическія права такъ же, какъ и экономическое благосостояніе, потому что тогда, говорили они, народъ войдетъ въ близкое сношеніе и будетъ больше уважать и любить своего императора. Надо однако помнить, что современный социализмъ стремится довести демократію до конца, который послѣ всего—дастъ въ результатѣ полное ниспроверженіе имперіализма. Мы знаемъ, что вышеназванный манифестъ заключаетъ въ себѣ осуществленіе, рано или поздно, демократіи.

Консерватора Японіи слово „демократія“ пугаетъ больше, нежели слово „социализмъ“. Японскіе социаль-демократы солидарны со своими западными товарищами на счетъ будущей политической организациі государства. Вѣря въ эволюціонный прогрессъ общественнаго улучшенія, сознавая ненормальное положеніе Японіи въ настоящее время, руководители этой партіи на этотъ вопросъ не отвѣчаютъ. Социаль-демократическій союзъ на Западѣ стоитъ открыто за уничтоженіе монархіи. Но провозгласить также открыто подобное убѣжденіе въ настоящее время въ Японіи было бы неблагодарно. Въ Японіи оспаривалось, что въ сущности социализмъ матеріаленъ и не имѣетъ религіи; такая именно критика можетъ вызвать страстныя рѣчи нашихъ народныхъ ораторовъ—социалистовъ, но не сама идея социализма. Обвиненіе социаль-демократовъ въ матеріализмѣ не имѣетъ основанія,—въ особенности когда оно относится къ японскимъ социалистамъ. Социалисты Японіи могутъ быть названы социалистами-христіанами. Большинство изъ нихъ искренне вѣрятъ въ христіанство. Христіанство и прогрессъ должны соединиться. Нельзя предсказать, какіе результаты будетъ имѣть социаль-демократическое движеніе въ Японіи. Несомнѣнно одно, что *социаль-демократія будетъ способствовать искорененію всего, что является пережиткомъ феодальной системы и суевѣрнаго представленія о божественномъ происхожденіи монарха.* Таковы были результаты во всѣхъ европейскихъ странахъ. Введеніе конституціоннаго правленія въ Японіи не было окончательнымъ ударомъ для остатковъ фео-

дальной системы... Надо смотреть на социализм не только как на экономическое учение, но так же, как и на теорию общества. „Исключая вопрос о томъ, здорова или нездорова социалистическая теория общества, мы все же должны благодарить социализмъ, говорить Каваками, за то, что онъ значительно продвинулъ впередъ дѣло изученія общества съ болѣе широкой точки зрѣнія. Пionеры социализма въ Японіи вполне заслуживаютъ глубокаго уваженія за возбужденіе интереса въ обществѣ въ дѣлѣ изученія общественныхъ проблемъ и общественной философіи, которыя до сихъ поръ находились въ пренебреженіи“.

Если принять во вниманіе, что прошло уже 5 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Каваками писалъ эти строки, и что пропаганда социализма въ Японіи за это время сдѣлала большіе успѣхи, то намъ станетъ понятно то исключительное вниманіе къ социалистическому движенію, находящемуся въ такой связи съ рабочимъ вопросомъ, которое дѣлается ему со стороны японскаго общества и правительства.

*Милитаризмъ
въ Японіи.*

И вотъ въ то время какъ значительная часть общества подъ вліяніемъ социалистовъ и либераловъ требуетъ скорѣйшаго проведенія реформъ—правительство, прекрасно понимая, что социализмъ частями и постепенно все глубже и глубже пускаетъ корни въ обществѣ,—выдвигаетъ ему въ противовѣсъ *милитаризмъ*, замаскировавъ его различнаго рода жупелами въ родѣ существующихъ будто бы на Западѣ коалицій изъ западныхъ государствъ, поставившихъ себѣ цѣлью низвести Японію въ разрядъ второстепенныхъ державъ...

Душею этого послѣдняго теченія въ Японіи является маркизъ Ямагата (Аритомо) *), самый вліятельный политикъ Японіи, постоянно соперничавшій съ теперь уже покойнымъ княземъ Ито.

Японская армія и флотъ всѣмъ обязаны Ямагата, который на созданіе ихъ потратилъ всю свою жизнь, вліяніе и талантъ.

Онъ хотѣлъ видѣть Японію грозною военною державою на Д. Востокѣ и онъ — увидѣлъ.

Идея милитаризма, которой проникнуть онъ, какъ старый самурай,—проникаетъ всю Японію.

Какъ государственнй мужъ, онъ одинъ изъ первыхъ дѣятелей эпохи реставраціи промѣнялъ рыцарскій шлемъ, кольчугу и мечъ на европейское оружіе и своею многолѣтней работою то же самое заставилъ сдѣлать всю націю.

Ямагата сумѣлъ провести идею милитаризма въ дѣло воспитанія націи. Онъ удачно использовалъ національное чувство воин-

*) Маркизъ и маршалъ Ямагата родился въ 1838 году. Онъ является однимъ изъ видныхъ дѣятелей эпохи реставраціи. Быстро возвышаясь, дѣлается министромъ, а затѣмъ дважды премьеромъ... Большой консервативный умъ. Проникнуть недовѣріемъ къ Россіи, видя въ ней непримиримаго врага Японіи. Ему приписывается успѣхъ двухъ войнъ съ Китаемъ и Россіей... Министерство генерала Кацура (теперь и во время войны) было фактически министерствомъ Ямагата. Всѣ генералы и адмиралы Японіи его ставленники... Онъ имѣетъ огромное вліяніе на Микадо, который никогда не предпринимаетъ ничего безъ его вѣдома.

ской доблести—для культивированія въ націи идеи, что „вся ея сила заключается въ ея военномъ могуществѣ“. Онъ сумѣлъ создать изъ разнузданнаго самурая — дисциплинированнаго солдата. Онъ далъ Японіи, вмѣсто утлыхъ рыбацкихъ лодокъ, грозный побѣдоносный флотъ. Онъ далъ своей родинѣ Того, Куроки, Кадама, Ояма и Ноги. Словомъ,—это онъ подготовилъ для Японіи и Россіи Цусиму, Мукденъ и Портъ-Артуръ.

Естественно, что милитаризмъ въ Японіи, имѣя такого защитника, глубоко пустилъ корни въ обществѣ. Большая часть японской прессы является его искренней защитницей.

Школьный учитель, профессоръ съ университетской кафедры *) вѣщаютъ японской молодежи, что вся сила націи въ культивированіи ея физической мощи, въ ея военномъ могуществѣ. Правда, за послѣдніе годы въ Японіи можно наблюдать и другіе теченія, которымъ мы въ своемъ мѣстѣ удѣлили вниманіе, но главнымъ по прежнему остается милитаризмъ...

Ямагата большой поклонникъ талантовъ императора Вильгельма II, хотя въ то же самое время ему не мѣшаетъ считать его за самаго опаснаго врага Японіи.

Всматриваясь въ жизнь японскаго военнаго міра,—невольнo наблюдаешь, какъ глубоко пустило корни въ военную среду прусское юнкерство.

Бисмаркъ и Мольтке—это идеалы Ямагата, какъ о томъ не разъ отмѣчалось въ газетахъ. Ихъ портреты,—почти съ увѣренностью можно сказать,—имѣются у каждаго японскаго офицера.

Подражаніе нѣмцамъ въ японской арміи доходитъ до крайнихъ предѣловъ...

Ни одно болѣе или менѣе крупное событіе изъ общественно-политическаго быта Германіи,—не остается не отмѣченнымъ въ Японіи.

Словомъ,—германскій милитаризмъ, перенесенный въ Японію, нашелъ себѣ прекрасную почву, и недалеко то время, когда онъ въ своемъ быстромъ въ Японіи ростѣ превзойдетъ все то, что такъ беспокоитъ передовые умы Запада за участь Германіи—и найдетъ себѣ выходъ въ ужасномъ столкновеніи Запада съ Востокомъ, если, конечно, оптимизмъ японскихъ социалистовъ о быстромъ прогрессѣ ученія въ связи съ непостоянствомъ и ростомъ націи является беспочвеннымъ, а характеръ націи неразгаданнымъ.

Въ тѣсной зависимости съ этимъ господствующимъ теченіемъ мыслей—находится внутренняя и внѣшняя политика Японіи. О первой мы уже много говорили. Теперь поговоримъ о японской внѣшней политикѣ.

Вникая въ предшествующую дѣятельность Японіи на аренѣ міровой дѣятельности и ея участіе въ политической жизни народовъ міра,—мы можемъ отмѣтить три главныя эпохи этой дѣятельности,

Внѣшняя политика.

*) Вспомните хотя бы извѣстную декларацію 7 Токиоскихъ профессоровъ (шовинистовъ), требующихъ продолженія Русско-Японской Войны.

захватывающей периодъ послѣдняго столѣтїя, во время которой, строго говоря, и началось ея широкое участіе въ общеполитической жизни народовъ.

Мы склонны ихъ охарактеризовать тремя терминами:

- 1) Эпоха безпокойства за цѣлость государства.
- 2) Эпоха выжиданія и проба крыльевъ.
- 3) Эпоха завоеваній и начало агрессивной политики.

Эпоха безпокойства характеризуется тѣмъ, что японцы, увидѣвъ у своихъ береговъ русскіе корабли, начали опасаться нападенія со стороны Россіи.

Появленіе американскихъ, англійскихъ и французскихъ военныхъ судовъ окончательно убѣдило японскихъ политиковъ того времени въ желаніи европейцевъ завладѣть Японскими островами.

Боязнь и безпокойство за сохраненіе цѣлости и независимости Японіи выразились въ громкомъ кличѣ къ лучшимъ людямъ Японіи, — о необходимости спѣшно объединиться вооружиться всѣмъ сынамъ родины для отпора и изгнанія европейцевъ.

Этотъ кличъ кликнулъ великій патріотъ Японіи — Сакума-Дзодзанъ.

Являясь всюду во главѣ молодежи — то вооруженной заступомъ, — строя укрѣпленія, — то съ циркулемъ въ рукѣ, — намѣчающимъ планы будущихъ крѣпостей, то около пушки новаго образца, объясняющимъ и демонстрирующимъ передъ молодежью ея дѣйствія... Сокума-Дзодзанъ быстро сдѣлался душою новаго движенія „изгнанія европейцевъ“, возвращенія власти Микадо.

Въ то время, когда японскіе патріоты видѣли причину всѣхъ золъ обрушившихся на Японію, — въ томъ, что европейцы осквернили своимъ присутствіемъ родину боговъ — и послѣдніе отвергнулись отъ людей — тогда, конечно, не могло быть и рѣчи о какихъ либо сношеніяхъ съ западными варварами, а тѣмъ менѣе подражанія имъ.

Однако нѣкоторые политики, убѣдившись въ превосходствѣ европейскаго оружія надъ японскимъ, не задумались позаимствовать у первыхъ, хотя и не безъ чувства презрѣнія и пренебреженія.

Познакомившись ближе съ западной цивилизаціей — они невольно заинтересовались и другими областями изученія, помимо военнаго дѣла.

Не смѣя однако громко объявить себя сторонниками западныхъ идей, — они начали постепенно втягивать въ изученіе Запада и его культуры широкіе круги тогдашняго общества...

И чѣмъ больше изучали Западъ съ его высокой цивилизаціей, — тѣмъ больше ощущали боязнь за цѣлость своей родины.

Они поняли всю нелѣпность идеи „изгнанія иностранцевъ“ силою, но не рѣшались объявить о томъ народу, хотя и видѣли спасеніе родины въ приобщеніи ее къ общемировой цивилизаціи.

Поэтому они рѣшили идти и вести страну и дальше по пути прогресса, прикрываясь тѣмъ же девизомъ — изгнанія европейцевъ, до тѣхъ поръ пока не представится случай сбросить забрало и заявить націи, что она должна идти рука объ руку съ гонимыми ею иностранцами, — иначе она потеряетъ свою независимость.

Рис. 11.— **Симада Сабуро**,
безсмѣнный членъ парламента отъ
г. Йокохамы. Лучшій ораторъ Японіи,
извѣстн. писатель и публицистъ,
редакторъ либер. газеты „Токіо-Май-
Ници“, руссофиль.

Вскорѣ этотъ случай представился и Японія заключила договоръ съ западно-европейскими государствами.

Затѣмъ наступила эпоха реставраціи фактической власти Микадо,—эта почти безкровная революція.

А потомъ началась коренная ломка всего стараго государственнаго уклада—во время которой японскіе политики зорко и съ замираніемъ сердца слѣдили за поведеніемъ европейцевъ на Д. Востокѣ.

Съ лихорадочною поспѣшностью нація сбрасывала съ себя рыцарскіе доспѣхи и облекалась въ военные мундиры, какъ будто бы боясь что вотъ—вотъ европейцы не выдержатъ и нападуть на нее, еще полувооруженную и плохо обученную европейскому военному искусству, и начать отрывать отъ ея тѣла такіе же куски, какъ это европейцы дѣлали съ Китаемъ и другими восточными государствами.

Едва организовавъ свою армію, японскіе политики сразу же пустили ее въ дѣло, усмирять мятежныхъ полудикарей острова Формозы.

Убѣдившись, что страна уже можетъ выставить европейски обученныхъ защитниковъ противъ могущаго быть нападенія на острова со стороны одной изъ великихъ державъ (Россіи) и немного успокоившись, японскіе государственные дѣятели начали присматриваться къ окружающему, не прекращая однако своей работы въ дѣлѣ созданія арміи флота.

Естественно, что ихъ вниманіе прежде всего было устремлено на ближайшихъ сосѣдей—на Корею и Китай. Россію временно оставили въ покоѣ, не зная достовѣрно о ея силахъ.

Конечно, японскіе политики начали свои дѣйствія по линіи наименьшаго сопротивленія.

Въ Корей „возникли“ японскіе интересы... и столкнулись съ интересами Китая и Россіи.

Защищая ихъ и выдумывая новые интересы, японскіе дипломаты изучали своихъ китайскихъ и русскихъ коллегъ, — повидимому, съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ корейскія дѣла.

Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ мы только и склонны объяснить первые промахи и неувѣренные шаги японскихъ дипломатовъ въ Корей.

Когда же японцы подсчитали свои силы и силы ихъ главнаго въ то время въ Корей врага подъ защиту котораго, всталъ корейскій король,—тогда они попросту объявили Китаю войну.

Эта война была ни что иное, какъ проба крыльевъ молодой націи,—экзаменъ своей лихорадочной реформаторской дѣятельности и желаніе узнать оцѣнку своихъ силъ со стороны западно-европейскаго міра... Грянула война и Японія безъ замѣтныхъ затрудненій вышла побѣдительницею Китая.

Культурный Западъ пѣлъ ей хвалебные гимны. Націи, наперывъ соперничая одна передъ другой, старались приписать прогрессъ Японіи себѣ... своему исключительному вліянію, хотя это и не мѣшало имъ вырвать изъ триумфальнаго вѣнка побѣдительницы лучшіе цвѣты... Особенно въ этомъ направленіи старались Германія и Россія.

Японія, увѣренная въ своихъ силахъ,—начала постепенно вти-

скиваться въ тѣсно объединенный кружокъ европейскихъ державъ, имѣющихъ интересы на Д. Востокѣ.

Первое, на что обратила вниманіе Японія, это было странное положеніе Россіи въ концертѣ державъ.

Дѣйствительно, но мнѣнію японцевъ, представители Россіи вели двойную игру.

Съ одной стороны, они увѣряли Западъ въ своихъ миролюбивыхъ чисто культуртрегерскихъ намѣреніяхъ по отношенію къ Китаю, съ другой — путемъ переговоровъ съ китайскими сановниками стремились приобрести огромную территорию.

„Русскіе, гордые своими былыми побѣдами, опираясь на свою военную мощь, съ апломбомъ, обманувшимъ даже осторожныхъ англичанъ,—послѣдовали примѣру Германіи, занявшей Цзэнъ-дао — „арендовали“ Квантунскую область, а затѣмъ оттуда начали простираť свои вожделѣнія и на Манчжурію“.

Японія, уязвленная въ самое сердце поведеніемъ Россіи, занявшей безъ капли крови то, что было завоевано японской арміей и отчего она должна была отказаться подъ давленіемъ той-же Россіи, открыто начала готовиться къ войнѣ съ „западнымъ хищникомъ“, — который ее беспокоилъ въ продолженіи столькихъ десятковъ лѣтъ своимъ вызывающимъ поведеніемъ.

Занятіе Россіей Портъ-Артура было той каплей, которая переполнила чашу терпѣнія Японіи.

Съ этого момента Японія пользовалась всякимъ случаемъ подорвать престижъ и довѣріе къ Россіи какъ народовъ Д. Востока, такъ и европейцевъ.

Почва была для этого благопріятная, — восточные народы были раздражены дѣятельностью русскихъ представителей — въ лицѣ нашихъ дипломатовъ и нѣкоторыхъ казачьихъ военныхъ отрядовъ, расквартированныхъ въ Манчжуріи.

Европейцы, завидуя успѣхамъ Россіи, не имѣвшей въ то время на Д. Востокѣ столь серьезныхъ интересовъ, какъ они, но оттягивающей въ свою пользу лакомые кусочки китайской территоріи, — естественно, были готовы способствовать умаленію вліянія Россіи.

Японскіе дипломаты, удачно лавируя между восточными и западными дипломатами, подготовили изоляцію Россіи и поддержку себѣ на случай столкновенія.

Боксерское движеніе и подавленіе его при видномъ участіи Японіи явилось для послѣдней прекрасной школой — въ дѣлѣ изученія русскаго солдата и всѣхъ особенностей русской арміи и флота.

Въ то время, какъ военные и дипломаты изучали положеніе Россіи—японскія правящія сферы были заняты спѣшной разработкой проэктвъ и направленія внѣшней политики на случай войны съ Россіей.

Послѣдняя являлась объектомъ во всѣхъ совѣщаніяхъ...

Къ этому времени уже былъ законченъ англо-японскій союзъ, обезпечена денежная помощь въ Америкѣ и гарантировано въ силу

подготовленныхъ Японіей при помощи Англии международныхъ политическихъ комбинацій — всеобщій нейтралитетъ.

Оставалось лишь объявить Россіи войну; предлоговъ къ тому уже было много.

Однако Японія медлила и направила свой ударъ въ то время, когда его можно было всего меньше ожидать.

Правда, слухи о военныхъ приготовленіяхъ Японіи достигали Петербурга, но никто на нихъ не обращалъ вниманія, не желая даже и считаться съ ними; къ тому же разобраться въ нихъ прямо не представлялось возможнымъ, такъ какъ сами японцы, распуская ихъ, умышленно противорѣчили себѣ и искажали ихъ.

Лицъ же, серьезно изучавшихъ Японію, — въ то время не было.

И когда грянулъ первый японскій выстрѣлъ въ Портъ-Артуръ, то сами артурцы не довѣряли, что онъ исходитъ изъ враждебнаго лагеря и что знаменуетъ собою начало войны: и только побитые броненосцы убѣдили Россію, что „слухи“ имѣли основанія.

Ужаснымъ кошмаромъ пронеслась надъ Россіей и Японіей девятнадцатимѣсячная кровавая эпопея и разомъ разрубила запутанный Гордіевъ узелъ международной политики на Д. Востокъ.

Россія помѣнялась ролью съ Японіей... Измѣнилось положеніе Россіи на Д. Востокъ; Японія заняла руководящее мѣсто среди народовъ, — интересы которыхъ сталкиваются на Д. Востокъ, и этимъ положила начало новой эпохи своей внѣшней политики — изъ выжидательной она превратилась въ наступательную, агрессивную.

Японія объявила всему міру, что у нея не хватаетъ земли для обработки, что ея фабрики нуждаются во внѣшнихъ рынкахъ, что ей по праву принадлежитъ главенство на Дальневосточныхъ рѣкахъ *), что ея сыны плоть отъ плоти, кровь отъ крови, родные братья туземцевъ Азіи **), начиная отъ Инда, кончая Камчаткою и Сіамомъ — и что ея священный долгъ, культурная миссія — всѣхъ ихъ вывести изъ мрака, въ которомъ они пребываютъ до сихъ поръ.

Въ связи съ этимъ въ Японіи появились колоніальные интересы, колоніальная политика, въ которую были втянуты лучшія силы націи, начиная съ покойнаго князя Ито, Иноуэ, Като, кончая генераломъ Кацура и пр.

Эмиграціонное движеніе, тѣсно связанное съ переселенческимъ вопросомъ во вновь приобрѣтенныя земли, — занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ во внѣшней политикѣ Японіи.

Находясь подъ покровительствомъ правительства и имѣя до самаго послѣдняго времени во главѣ бывшаго и нынѣшняго премьеръ-министра генерала Кацура, — эмиграція — безусловно носитъ специфическій характеръ. Эмигранты переселенцы въ Корей — почти исключительно солдаты и моряки.

Бывшіе друзья и союзники Японіи по русско-японской войнѣ начали внимательно всматриваться въ дѣятельность недавней ихъ

*) См. рѣчи министра Хара.

**) Любимая тема рѣчей графа Окума.

креатуры—и замѣтили, что ея политика далеко не проникнута искренностью даже къ нимъ *).

Американцы, со свойственною имъ непринужденностью и беззащитностью въ измѣненіи взглядовъ,—прямо рѣшили распространить и на Японію запрещеніе эмигрировать желтолицымъ въ Америку.

Японскіе политики, не ожидавшіе такого исхода отъ ихъ черезчуръ уже беззащитной дѣятельности и явнаго тяготенія къ со-сѣднимъ съ Японіей Филиппинскимъ островамъ, растерялись и начали нервничать и только серьезное внушеніе, сдѣланное имъ со стороны Англии и другихъ державъ и нависавшая одно время надъ Японіей коалиція европейскихъ государствъ на случай войны Япо-нии съ одной изъ нихъ, заставили ихъ опомниться и умѣрить свой пылъ.

Тогда Японія вновь устремила свой взглядъ на Китай. Придравшись къ незначительному инциденту съ японскимъ пароходомъ „Тацумару“, привезшимъ въ Кантонъ контрабанду и задержаннымъ китайской таможей,—японцы потребовали удовлетворенія отъ китайскаго правительства.

Послѣднее, занятое реформаторской дѣятельностью и подготовленіемъ страны къ конституціонному режиму—съ одной стороны, — и подавленіемъ волненій на юго-западѣ—съ другой стороны **), — не было въ состояніи противиться японскимъ требованіямъ—и уступило.

Но торжествовать японцамъ и здѣсь не пришлось.

Бойкотъ японскихъ товаровъ, нанесшій значительный ударъ японской торговлѣ промышленности,—былъ отвѣтомъ со стороны возрождающагося Китая.

Однако результата бойкота не слѣдуетъ преувеличивать, какъ это склонны дѣлать нѣкоторые публицисты, и о разрывѣ торговыхъ сношеній Китая и Японіи, какъ ожидаютъ многіе глобъ-третары, изучающіе Д. Востокъ изъ оконъ первоклассныхъ отелей и экспрес-совъ, пока не можетъ быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе должно сказать, что вліяніе, Японіи на всю жизнь Китая до того сильно, всеобъемлюще, такъ крѣпко спаяно съ новѣйшими теченіями и реформами,—что, человѣку, незнакому съ исторіей реформации Японіи,—совершенно дѣлаются непонятными многія явленія современнаго положенія Китая...

Китай окончательно поглощенъ Японіей. Какую бы сторону государственной жизни мы ни взяли—всюду рѣзко бросается въ глаза вліяніе японцевъ. Какъ въ области духовной, такъ и въ области матеріальной—Китай идетъ по пути, указанному ему Японіей. Европейская культура врывается въ Китай въ японской редакціи...

Въ правительствѣ вліятельные сановники—всѣ японофилы.

Въ школахъ—преобладающее вліяніе японцевъ или китайцевъ, по-лучившихъ воспитаніе въ Японіи.

*) См. Мое „Какъ Англія защищаетъ свои интересы въ Азіи“. Вѣстникъ Финансовъ, =36, 37. 09.

**) См. Наше «Послѣднее десятилѣтіе общественной и политической жизни Китая»

Японскіе доктора, коммерсанты, инструкторы войскъ. Европейцамъ отведено второстепенное мѣсто.

Китайскіе рынки прямо забиты японскими товарами, китайскіе купцы въ неоплатномъ долгу у японскихъ фабрикантовъ особенно на сѣверѣ Китая и въ Маньчжуріи.

Нѣтъ въ Китаѣ мѣстечка, куда бы не проникъ японскій фабрикантъ.

Японское правительство смотритъ на Китай, какъ на свою вотчину для сбыта товаровъ.

Если японцы и борются съ европейцами, то не съ одною какою либо національностью, а разомъ со всѣми.

Въ Китаѣ для японцевъ нѣмцы, американцы, англичане, каждый въ частности не представляютъ конкуренціи,—но лишь только всѣ вмѣстѣ взяты.

Политика Японіи заключается именно въ приобрѣтеніи рынковъ для сбыта японскихъ продуктовъ производства.

Правда,—промышленность Японіи въ самое послѣднее время претерпѣваетъ нѣкоторыя затрудненія, вслѣдствіе протекціонной системы, имѣвшей своимъ результатомъ перепроизводство, но это вовсе не является угрозой для Японіи, и тѣмъ менѣе можно ожидать финансоваго и промышленнаго кризиса. Правительство путемъ искусственнаго созданія и перенесенія нѣкоторыхъ крупныхъ предприятий въ новыя колоніи привлекаетъ въ нихъ иностранные капиталы, обезпечиваетъ себѣ извѣстный рынокъ вслѣдствіе знанія потребностей и вкусовъ потребителя, а также даетъ въ новыхъ колоніяхъ заработокъ своимъ новоселамъ и пришлымъ изъ Японіи рабочимъ.

Какъ примѣръ, можно указать на обширныя предприятия „Южно-Маньчжурской желѣзно-дорожной компании“—а также въ Корей, Ляодунѣ, Сахалинѣ, Формозѣ и многихъ открытыхъ портахъ Китая.

Широко задуманная программа участія Японіи на сценѣ мировой дѣятельности выполняется постепенно, хотя и не безъ замѣтнаго нервничанія..... особенно въ вопросахъ, касающихся территориальнаго увеличенія Японіи; объясненіе этого кроется въ томъ, что секретъ управленія внутренней и внѣшней политикой находится не въ рукахъ Микадо, правительства и парламента,—а въ рукахъ группы лицъ, часто соперничающихъ между собою, захватившихъ фактическую власть надъ страной съ момента реставраціи и не выпускающихъ ее и до сего момента,—группы, извѣстной въ Японіи подъ именемъ Генро.

Послѣднее, будучи весьма любопытнымъ явленіемъ японской жизни, безусловно заслуживаетъ того чтобы, остановить на немъ наше вниманіе.

Что такое Генро?

Такъ называется въ Японіи группа выдающихся государственныхъ дѣятелей, оказавшихъ какія-либо важныя услуги отечеству со времени реставраціи (1868 года) до нашихъ дней.

Эти люди—недавно убитый князь Ито, маршалъ Ямагата, графъ Иноуэ, маркизъ Мацуката, оказывающіе постоянно поддержку трону

Генро..

и составляющие поэтому консервативную, правую часть Генро въ противоположность двумъ другимъ заслуженнымъ государственнымъ дѣятелямъ, стоящимъ до сего времени во главѣ японскихъ прогрессистовъ и считающихся лидерами народной партіи; это—графъ Окума и графъ Итагаки.

Ихъ имена настолько извѣстны нашей читающей публикѣ, что о ихъ предшествующей дѣятельности распространяться не буду. скажу лишь одно: если въ данный моментъ для каждаго ясенъ колоссальный прогрессъ Японіи—то послѣдняя въ значительной степени этимъ обязана дѣятельности вышеназванныхъ лицъ.

Они объединили въ одно грозное цѣлое множество мелкихъ постоянно враждующихъ между собою отдѣльныхъ княжествъ.

Они направили жизнь націи по пути культурнаго прогресса.

Генро до сего времени стоитъ во главѣ націи, управляя ею.

Напрасно бы читатель сталъ перечислять столь знакомыя ему японскія правительственныя учрежденія, вродѣ тайнаго совѣта, кабинета министровъ, палаты перовъ, и палаты народныхъ представителей—это была бы тщетная попытка отыскать истинный источникъ власти Японіи.

Въ Японіи надо всѣмъ царить и во все проникаетъ Генро.

Это—неуловимое правительство. Оно руководитъ національной политикой и создало въ странѣ свои собственныя политическія школы.

Ихъ ученики занимаютъ всѣ высшіе государственные посты, постоянно совѣтуясь со своими учителями. Хотя нѣкоторые изъ послѣднихъ уже сошли со сцены активной политической борьбы (какъ Иноуэ и графъ Итагаки), но тѣмъ не менѣе влияние ихъ на государственную жизнь нисколько не ослабло.

И до сего времени ни одинъ кабинетъ не создается помимо ихъ желанія,—ни одинъ проектъ не пройдетъ въ парламентѣ безъ ихъ участія. Эти лица, какъ бы невидимо, всегда присутствуютъ на засѣданіяхъ парламента, на совѣщаніи кабинета и во дворцѣ Императора.

Всюду ихъ ученики, ихъ послѣдователи, ихъ ставленники, которые съ чисто японской особенностью, разъ усвоивши что нибудь—продолжаютъ рабски подражать, копируютъ учителей, исполняютъ ихъ волю.

И прежде чѣмъ обсудить какой-нибудь вопросъ въ парламентѣ и дать свое заключеніе—депутатъ или администраторъ справится сначала о мнѣніи своего патрона изъ Генро и только тогда уже съ апломбомъ заявитъ „о своемъ мнѣніи“ по данному вопросу.

Поэтому легко понять, отчего иностранцы такъ скептически относятся къ японскому парламенту, говоря что японскій парламентъ и кабинетъ—суть марионетки въ рукахъ Генро.

Генро низвергаетъ сіюгунатъ, производитъ революцію, возстановляетъ „власть“ Императора (правда, такую же призрачную, какъ и раньше, но облеченную лишь въ иную форму).

Генро—заставляетъ націю подражать европейцамъ, измѣнить своимъ національнымъ традиціямъ и привычкамъ.

Генро, наконецъ, десятки, сотни тысячъ жизней своихъ соотечественниковъ приносить въ жертву (во время войны) въ погонѣ

за тѣмъ, чтобы цивилизованные державы признали Японию равною себѣ страной.

Генро наказываетъ, поощряетъ націю. Для Генро не существуетъ представителей народа, Генро не слушаетъ мнѣнія общества.

Когда вы наблюдаете жизнь въ Японіи, порою вамъ кажется, что Генро не существуетъ и всѣ эти болѣзненные выкрики газетъ по адресу Генро—плоды больного воображенія журналистовъ; порою становится до очевидности ясно его присутствіе въ обще-политической и соціальной жизни Японіи.

Генро—это своего рода маффія въ Сициліи, про которую Дорошевичъ говоритъ, что она разлита въ воздухъ, „минутами вы даже сомнѣваетесь: да, полно! Существуетъ ли эта пресловутая маффія? Не есть ли это просто-на-просто одна изъ сказокъ, которыми славится Сицилія.

„Но проходитъ моментъ, и вы убѣждаетесь, что маффія существуетъ, что она всесильна. Вы видите ея жертвы“.

Японское Генро—это сказочная стоглавая гидра, захватывающая въ своихъ щупальцахъ всю власть Японіи; Микадо—жалкая игрушка въ рукахъ Генро.

Министры—ставленники Генро, если не члены послѣдняго.

Палата перовъ заноситъ въ свои списки лишь угодныхъ для Генро лицъ.

Палата народныхъ представителей дифференцирована на нѣсколько партій и множество мелкихъ фракцій, лидеры которыхъ опять—таки являются послушными слугами Генро.

Словомъ, куда бы вы ни взглянули въ Японіи, вездѣ чувствуете незримую силу Генро.

Даже академія наукъ, университеты, школы,—все подвластно Генро.

Но кто же составляетъ эту всесильную группу, кто узурпируетъ въ продолженіи 40 лѣтъ верховную власть въ Японіи и кто же виновники, слѣдовательно, того апогея славы, въ которомъ пребываетъ Японія въ наши дни.... Кромѣ уже упомянутыхъ именъ, со времени русско-японской войны къ нимъ причислены: графъ Кацура, бывший премьеръ-министръ, адмиралъ баронъ Ямамото (бывшій морской министръ), генералъ Терауци и др.

Однако, должно сказать, что среди Генро идетъ также сильная борьба изъ за вліянія.

Маркизь Ямагата наиболѣе вліятельная личность; онъ, какъ уже было сказано, считается душою всей военной партіи Японіи, ему лично приписывается въ значительной степени боевой успѣхъ Японіи за 40 лѣтъ. Его же политики придерживается графъ Кацура, генералъ Терауци и адмиралъ Ямамото.

Умѣренная прогрессивная партія Японіи имѣла своимъ вождемъ до самаго послѣдняго времени князя Ито, личность настолько извѣстную русскимъ, что надъ нею останавливаться не будемъ.

Японскіе финансисты и коммерсанты считаютъ своими лидерами маркиза Мацуката и графа Иноуэ, что, однако, послѣднему не мѣ-

шаетъ часто обманывать на коммерческой почвѣ своихъ восторженныхъ приверженцевъ.

Во главѣ же оппозиціонной, прогрессивной, интеллигентной Японіи стоитъ графъ Окума, хитрый талантливый дипломатъ и щедрый меценатъ, послѣ того, какъ въ бытность свою министромъ финансовъ нажилъ огромное состояніе.

Престарѣлый же скромный борецъ за свободу Японіи графъ Итагаки недавно ушелъ со сцены политической дѣятельности, со словами, характеризующими его нравственный обликъ: „я ухожу отъ политической жизни спокойный, что свобода въ Японіи, такъ трудно доставшаяся народу, будетъ обыденнымъ явленіемъ на моей родинѣ“.

Закончивъ перечень лицъ, имѣющихъ огромное вліяніе на различные слои японскаго общества, мы должны еще упомянуть о вождѣ новой партіи Японіи—партіи социалистической—это о Сэнъ Катаяма, который хотя и чуждъ всѣмъ вышеизложеннымъ дѣятелямъ, но его тактика по отношенію къ членамъ своей партіи и ея дѣятельности совершенно одинакова съ тактикою перечисленныхъ лицъ. Его зовутъ японскимъ Боссалемъ. Ему обязаны японскіе рабочіе своимъ объединеніемъ, а японская социаль-демократическая партія—своимъ возникновеніемъ.

Тамъ, гдѣ нельзя въ Японіи словомъ добиться, тамъ примѣняютъ силу.... не взирая на явную опасность быть раздавленнымъ.

Героизмъ присущъ японцу,—онъ руководитъ во всѣхъ дѣлахъ и Генро,—поэтому то и справедливы тѣ, которые называютъ политику Японіи героической политикой.

Вездѣ и всюду въ Японіи рискъ. Въ критическую минуту Японія не будетъ отступать отъ намѣченной цѣли—она поставитъ на карту все свое существованіе—и выиграетъ, такъ какъ должно согласиться съ мнѣніемъ одного англичанина, прожившаго 40 лѣтъ въ Японіи, что японцамъ „во всемъ чертовски везетъ“.

Переходя вновь къ Генро, слѣдуетъ сказать, что оно вовсе не представляетъ изъ себя что—либо организованное, стройное, наоборотъ, эти люди въ продолженіе 40 лѣтъ интригуютъ другъ противъ друга, но понимаютъ, что паденіе одного изъ нихъ послужитъ паденіемъ для другихъ. Поэтому они въ глазахъ многочисленныхъ приверженцевъ, являясь вѣчными друзьями, не сходящимися лишь на своихъ специальностяхъ, и окружены извѣстнымъ ореоломъ. Правда, время отъ времени въ печати появляются злостныя изобличенія въ добросовѣстности того или другого члена Генро, но надо знать натуру японца, чтобы придавать какое-либо значеніе этимъ выходкамъ. То, что въ Европѣ послужило бы паденіемъ,—то въ Японіи часто увеличиваетъ кругъ почитателей таланта, хотя, съ другой стороны, носитель этого таланта и не обезпеченъ отъ ножа какого-нибудь фанатика.

Каждая японская политическая партія, фракція—смотритъ на своего предсѣдателя, какъ на вожака—подчиняясь ему почти безъ возраженія. Этотъ же послѣдній обязательно совѣтуется съ какими либо изъ членовъ Генро или даже ихъ „ближайшимъ другомъ“, оттого, что Генро не особенно балуетъ аудіенціями своихъ приверженцевъ.... Такимъ образомъ, въ конечномъ результатѣ—тотъ или другой членъ

партии или учреждения бываетъ освѣдомленъ о томъ что „его мысль, согласную съ мыслью предсѣдателя, раздѣляетъ и самъ членъ Генро“... тогда какъ на самомъ дѣлѣ происходитъ какъ разъ наоборотъ: онъ поддерживаетъ мнѣніе члена изъ Генро, но японецъ доволенъ своимъ самообманомъ и самоотверженно дѣйствуетъ въ парламентѣ,—(если онъ депутатъ) „по собственной, оригинальной идеѣ“. Въ концѣ концовъ получается рѣдкое единеніе партій въ нѣсколько десятковъ или сотенъ человекъ. И данный вопросъ проходитъ подавляющимъ большинствомъ. Такимъ образомъ, когда народные представители Японіи „вершатъ дѣла“, Генро стоитъ вдали, хитро улыбается и наслаждается благами жизни. Единственно, что Генро уступаетъ народнымъ представителямъ и прочимъ, еще болѣе зависимымъ исполнителямъ государственной власти,—это торжественно признаетъ за ними черезъ интервьюеровъ каждый разъ по проведеніи билля въ парламентѣ инициативу и политическій опытъ... Этого совершенно достаточно. Всѣ радуются и веселятся..... кромѣ японскаго народа, который, на самомъ дѣлѣ, не имѣетъ своихъ представителей въ парламентѣ, такъ какъ выборы проходятъ подъ сильнымъ давленіемъ того же Генро, которое уже отстало отъ вѣка, не считается съ новѣйшими стадіями развитія японскаго народа—и конца господству Генро въ Японіи не видно, судя по тому, что въ прошломъ году въ число Генро, по словамъ японской буржуазной печати—вѣрной союзницы Генро, были включены новыя какъ вышеназванныя силы, такъ и не опубликованныя еще.

Одни лишь социалисты объявили свой походъ противъ этого народнаго врага Японіи, но силы еще слишкомъ не равны и много, много придется поработать японскимъ социалистамъ, чтобы повергнуть въ прахъ этихъ кумировъ, не сознающихъ, что они уже сдѣлали свое дѣло,—а теперь лишь тормозятъ духовный прогрессъ японской націи.

Относительно политики японцевъ въ Корей мы припоминаемъ слѣдующую фразу: „Сначала нужно создать сильную полицію,—потомъ проводить реформы“. Эту историческую фразу князь Ито произнесъ въ рѣчи по случаю своего назначенія японскимъ вице-королемъ въ Корей.

*Японизация
Кореи.*

Насколько правдиво такое мнѣніе и насколько оно соответствуетъ той высокой культурной миссіи Японіи на Д. Востокѣ, о которой она торжественно заявила всему цивилизованному міру,—мы говорить не будемъ,—остановимся лишь на томъ,—проводилъ ли этотъ взглядъ князь Ито въ своей политикѣ въ Корей.

Во всемъ другомъ князя Ито можно упрекнуть, но только не въ отсутствіи планомѣрности и послѣдовательности его дѣйствій.

Эти качества создали ему имя великаго государственнаго мужа.

Съ особенною очевидностью эти качества его ума сказались въ его мѣропріятіяхъ въ Корей.

Пріѣхавъ въ Корейю, Ито естественно почувствовалъ двойственность своего положенія, такъ какъ въ Корей оказалось два правителя, одинъ законный—корейскій король,—другой—японскій вице-ко-

роль Ито,—явившийся въ страну подъ флагомъ культуртрегера и въ роли перваго помощника и „совѣтника корейскаго короля“

Поэтому первымъ его дѣломъ было выясненіе своего положенія въ странѣ.

И въ то время, когда японцы оповѣщали европейцевъ о трогательныхъ встрѣчахъ и обмѣнѣ подарками корейскаго короля съ японскимъ вице-королемъ—Ито,—въ Корей на самомъ дѣлѣ происходила ожесточенная борьба между этими двумя лицами, закончившаяся полной побѣдой Ито... Эта борьба вызвала вспышки возстанія повсемѣстно въ Корей, но благодаря плохой организаціи инсургенты были быстро подавлены японскими войсками, расположенными въ Корей.

Князь Ито очень ловко воспользовался этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы скомпрометировать предъ Западомъ корейскаго короля, давъ предварительно понять, что во главѣ бунтовщиковъ стоялъ самъ король.

Мы помнимъ, какъ въ японской прессѣ въ то время полупрозрачными намеками говорилось о неопровержимыхъ доказательствахъ причастности корейскаго короля къ анти-японскому движенію и сейчасъ же всегда прибавлялось,— „но официально отъ маркиза Ито ничего не поступало, и поэтому мы не вправѣ подозрѣвать въ не расположеніи къ намъ Его Величество корейскаго Императора“. Затѣмъ такъ же ехидно рассказывалось о дальнѣйшихъ актахъ корейскаго порабощенія—въ родѣ того напримѣръ, что Ито, желая охранить покой Е. В. короля Кореи отъ докучливыхъ посѣтителей *), поставилъ японскіе караулы внутри и снаружи дворца.

Японцы знали, какъ это слѣдуетъ понимать. Они знали это еще и потому, что въ немногочисленные прогрессивные органы печати проникали извѣстія о томъ, что въ японскаго вице-короля бросаютъ камни,—что казни, массовые разстрѣлы бунтовщиковъ производятся японскими солдатами, что корейскіе повстанцы умирали съ тою стойкостью, съ какою умирали немногіе японскіе самураи... Но какое дѣло токіоскому обывателю, отпраздновавшему нѣсколько военныхъ триумфовъ, — до того, что въ покоренной Корей повсюду льется кровь проснущагося народа, какое ему дѣло до политики Ито,—разъ ему со всѣхъ сторонъ говорятъ, что это ведетъ его родину къ новой славѣ... Его умъ и чувство ослѣплено, загнипнотизировано. Онъ не знаетъ ни конца, ни удержа своимъ стремленіямъ и желаніямъ.

Между тѣмъ въ Корей Ито, справившись съ королемъ, создалъ ему „блестящее заточеніе“, въ какомъ обыкновенно пребывали японскіе императоры, завися всецѣло отъ произвола сіюгуна, который, преклоня колѣна, въ то же самое время глумился надъ ними.

Съ этого времени король былъ послушнымъ орудіемъ Ито **). Отъ имени и за подписью короля стали появляться такіе указы корейскому народу, что прямо можно заподозрить, что корейскій король давно желалъ порабощенія Кореи японцами, а если этого раньше и не случилось, то виновата въ томъ Японія.

*) Заимствую свѣдѣнія изъ газеты „Токио Майница“ 6—XI—06.

***) Въ 1908 году—корейскій король былъ свергнутъ съ престола за свою анти-японскую дѣятельность, и его тронъ унаслѣдовалъ его слабоумный сынъ, воспитанный японцами.

Что же касается обѣщанныхъ Японіей либеральныхъ и социаль-ныхъ реформъ въ Корей, то прошли уже 3 года пребыванія Ито въ роли культуртрегера, но о реформахъ ничего не было слышно, если, разумѣется, не считать тѣ мѣропріятія, которыя ведутъ къ японизаціи Кореи.

Вѣроятно, Ито еще не создалъ за 3 года достаточно сильную полицію для проведенія „либеральныхъ реформъ“. Во главѣ ея въ Корей стоитъ „опытный дѣятель“ г. Маруяма Сигетоси, ближайшій помощникъ Ито. У него въ подчиненіи 20 полиціймейстеровъ, у этихъ послѣднихъ—70 помощниковъ, 44 переводчиковъ и 941 городовыхъ, а у нихъ, въ свою очередь, подъ началомъ состоятъ тысячи „преданныхъ“ туземцевъ.

Кромѣ того, жандармы особо, сыщики, тайная полиція особо, войска особо.

И.. и все-таки Ито, располагая даже такими полицейскими средствами,—„не рѣшался“ проводить реформы въ Корей.

Но если Ито и не удалось провести либеральныя реформы, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, то въ другой области—онъ шелъ рѣшительными и смѣлыми шагами и эта область—*японизація Кореи*.

Повидимому недалеко то время, когда „Страна утренняго спокойствія“—превратится въ одну изъ провинцій Японіи.

Въ самомъ дѣлѣ—посмотрите что сдѣлала Японія за короткое время своего хозяйничанія въ Корей.

Банки, почта, телеграфъ, административныя и торговыя учрежденія, школы, различнаго рода акціонерныя компаніи, эксплуатація почвенныхъ, водныхъ и лѣсныхъ богатствъ страны—все это дѣло японцевъ... и, естественно,—находится въ ихъ рукахъ. Правда... японское правительство уже неоднократно заявляло, что всѣ тѣ „либеральныя реформы“, которыя оно обязалось провести въ Корей—уже проведены, страна, уже пользуясь благами европейской культуры, ждетъ только энергичныхъ предприимчивыхъ представителей этой послѣдней, чтобы сторицею вознаградить ихъ трудъ... Если вѣрить этимъ словамъ, то можно подумать,—что миръ и спокойствіе царитъ въ Корей, что корейскій народъ безропотно переноситъ безконтрольное хозяйничаніе японцевъ, будучи готовъ ежеминутно отказаться не только отъ своей двухтысячелѣтней культуры и національности, но даже поступить прямо въ батраки японцамъ.

Однако событія въ Корей, въ связи съ многочисленными и повсемѣстными вооруженными возстаніями и дѣятельностью нѣсколькихъ нелегальныхъ политическихъ обществъ, провозгласившихъ девизомъ—изгнаніе японцевъ изъ страны,—наводятъ на другія, діаметрально противоположныя размышленія. Такъ называемыя „либеральныя“ реформы являются ничѣмъ инымъ, какъ только тою ширмою, за которою японцы проводятъ свою узкую національную политику порабощенія корейцевъ.

Японцы много шумѣли при проведеніи школьной реформы. А стоитъ только взглянуть, что преподаютъ въ реформированныхъ школахъ, какъ будетъ ясно, къ чему клонится реформа... Въ первый годъ большее число часовъ отведено изученію японскаго языка; начиная со 2-го года—всѣ науки преподаются на японскомъ языкѣ..

Особенное внимание обращено на изучение „блестящей истории Японии и божественной династии царствующаго Императора“... Отъ корейскихъ дѣтей требуется тоже самое, что и отъ японскихъ школьничковъ. Лояльность „вѣчной династии“—вотъ постоянная тема учителей народныхъ школъ въ Корей.

Въ случаяхъ нежеланія *) (а таковыхъ очень много) корейскихъ дѣтей подчиняться такому режиму, ихъ безжалостно наказываютъ и даже исключаютъ изъ школы. Банки наполнили корейскій рынокъ японскими бумажными деньгами и др. обязательствами. Почта, телеграфъ обслуживаются исключительно японскими чиновниками,—находящимися въ непосредственномъ подчиненіи—японскаго вице-короля въ Корей.

Акціонерныя компаніи—большинство японскіе или подъ флагомъ „японско-корейскихъ“ обществъ—владѣютъ огромными и лучшими концессіями повсемѣстно въ странѣ, ничего не платя за пользованіе.

Въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ страны—сидятъ японскіе чиновники или корейцы—ихъ ставленники... Налоги, притѣсненія и систематическое хищеніе національнаго богатства корейцевъ—результатъ проведенія японскихъ „либеральныхъ“ реформъ. Императоръ уже давно превратился въ простаго царственнаго узника—всѣ сношенія съ своими, увы, уже номинальными подданными,—подвергнуты тщательному контролю японской жандармеріи, занявшей всѣ ходы и выходы дворцовъ корейскаго императора.

Японцы не показываютъ его даже тѣмъ иностранцамъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ политикой, не говоря уже о дипломатическихъ агентахъ въ Сеулѣ, которые за это время видѣли его, и то въ присутствіи японцевъ, всего лишь нѣсколько разъ.

Такимъ образомъ свобода корейскаго монарха въ управленіи страной въ сферѣ внутренней политики (внѣшняя политика Кореи—по Портсмутскому договору—прерогатива Японіи) оказалось на самомъ дѣлѣ пустымъ звукомъ. Но мало того, что японцы захватили въ свои руки власть надъ страной—они хотятъ развратить корейскихъ чиновниковъ—предоставивъ имъ частицу власти надъ бѣднымъ, изстрадавшимся народомъ—и тѣмъ подготовить кадръ людей, чтобы можно въ послѣдствіи на кого нибудь опираться.

Дѣйствительно, какимъ другимъ именемъ можно назвать новую, только что возвѣщенную японскимъ правительствомъ „либеральную“ реформу по реорганизации корейскаго совѣта министровъ... Извѣстно, что до сего времени корейскіе министры—поставлены въ очень двойственное положеніе.

Съ одной стороны,—они отвѣтственны передъ номинальнымъ королемъ, а съ другой,—въ полной зависимости отъ японскаго вице-короля. Въ послѣднее время Ито, тогда каждый отвѣчалъ только за себя—благодаря сему много лояльныхъ корейскихъ министровъ—разсорившись съ Ито—уходили въ отставку и тѣмъ порождали всегда множество слуховъ и даже волненій въ Корей. Въ послѣднее время Ито создалъ въ Корей кабинетъ министровъ, т. е. отвѣтственныхъ другъ за друга—а, слѣдовательно, нетактичный и нежелатель-

*) См. Наши «Очерки соціального быта Японіи»; I-е: «Воспитаніе Націи», изд. г. Восточнаго Института.

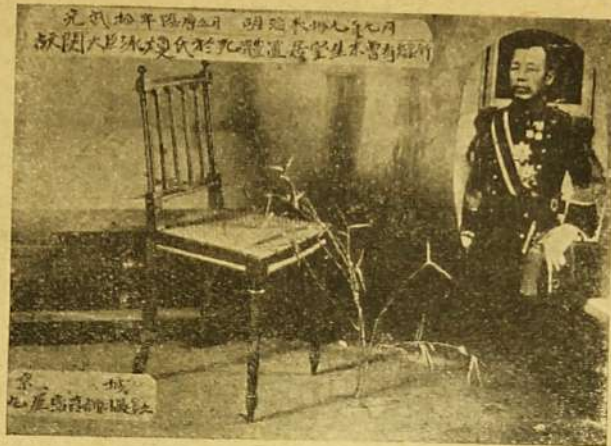

Рис. 12.—Корейскій генералъ Минъ
бывшій Министръ Двора корейскаго Импе-
ратора, покончившій въ 1907 году жизнь
самоубійствомъ, не будучи въ состояннн
видѣть свою родину подъ японскимъ про-
текторомъ.

На томъ мѣстѣ, въ его домѣ, гдѣ про-
лилась его кровь, выросъ бамбукъ. Отнынѣ
„Бамбукъ на крови“ является національно й
корейской святыней.

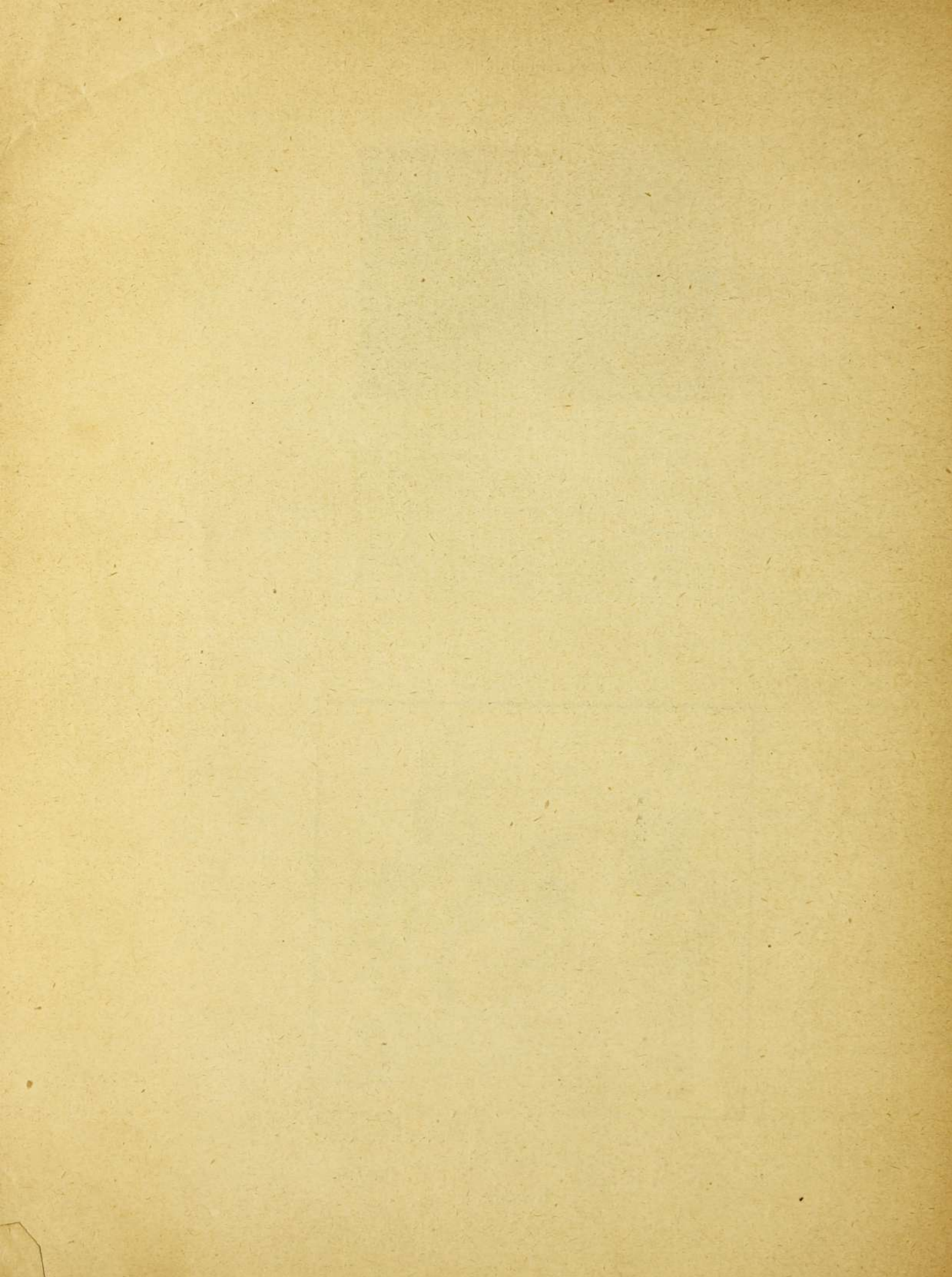

Рис. 13. Распространенная Японская политика
карикатура:

Россія (медвѣдь).

Корея.

Японія.

ный для японцевъ поступокъ одного министра—повлечетъ паденіе всего кабинета...

Хитрый политикъ Ито, давъ мало искушеннымъ въ политикѣ корейцамъ попробовать власть, этимъ всецѣло подчинилъ ихъ своему вліянію. Поэтому все то, что теперь въ Корее дѣлается отъ имени корейскаго національнаго правительства—были распоряженія Ито, хотя онъ стоялъ, будто-бы, въ сторонѣ и не вмѣшивался во внутреннюю политику.

Народъ начинаетъ озлобляться противъ своего правительства, а это послѣднее, видя такое отношеніе со стороны народа, — дѣлается еще болѣе энергичнымъ защитникомъ и сторонникомъ японизаціи Кореи. — Такова механика Ито — подведенная подъ корейскій народъ. Онъ далъ послѣдному конституціонное правительство—безъ народнаго представительства — онъ создалъ въ странѣ бюрократію. Всталъ во главѣ ея, удѣлилъ ей часть своей власти и представилъ ей хозяйничаніе въ странѣ подъ единственнымъ условіемъ отвѣтственности только передъ японскимъ правительствомъ, освободивъ ее предварительно отъ отвѣтственности предъ своимъ корейскимъ королемъ и родиной.

Бѣдная Корея—несчастный народъ! Что его ожидаетъ въ будущемъ? Какъ трудно будетъ ему вырваться изъ тисковъ этой новой японско-корейской бюрократіи, если онъ сейчасъ не предприметъ что-нибудь, чтобы обезпечить себѣ положеніе вѣчно—нейтральнаго государства, по примѣру Швейцаріи!

Дѣйствительно, бѣдная, несчастная страна „Утренняго спокойствія“. Какою злою ироніей звучатъ теперь эти слова, бывшія когда то лучшими выразителями природы и характера Кореи и корейцевъ.

Какъ разряженное эхо доносятся до насъ—стоны и борьба корейскаго народа, тщетно пытающагося отстоять свою независимость противъ японскаго посягательства.

Еще такъ недавно весь міръ былъ изумленъ неожиданно разразившимся вооруженнымъ возстаніемъ корейцевъ противъ японцевъ, а затѣмъ быстрымъ, но жестокимъ подавленіемъ безпорядковъ въ Корее японскими войсками.

Казалось, что корейцы навсегда подавлены, смиренны японцами.

Но событія, совершающіяся въ Корее въ данное (1909) время, говорятъ совершенно о другомъ.

Вооруженное возстаніе дѣйствительно было подавлено,—много корейцевъ было разстрѣляно, казнено, много жизней искалѣчено, но жажда свободы, независимости страны нисколько не изсякла въ корейскомъ народѣ, наоборотъ: она проникла въ народную массу и побудила послѣднюю объединиться подъ стягомъ передовыхъ борцовъ Кореи за независимость родины.

Корейскіе руководители общественнымъ движеніемъ рѣшили измѣнить тактику вооруженнаго сопротивленія японцамъ, которая вела лишь только къ жестокому разстрѣлу невинныхъ жертвъ. Отнынѣ корейцы, по словамъ японскихъ газетъ, не будутъ оказывать сопротивленія японцамъ при проведеніи всѣхъ намѣченныхъ реформъ, а наоборотъ: будутъ содѣйствовать имъ.

„Но не думайте, японцы, (говорит передовой японскій органъ „Токіо-Майници“),—что корейцы измѣнили свой взглядъ на насъ. Корейцы покоряются намъ лишь наружно, въ душѣ же ихъ клокочетъ ненависть къ намъ. Они хотятъ взять у насъ наши знанія для того, чтобы съ помощью ихъ выгнать насъ изъ Кореи. И мы увѣрены, что съ отъѣздомъ оттуда Ито, котораго отзываетъ правительство—вновь начнутся волненія“.

За послѣднее время въ Корей особенно энергично агитируетъ среди народа общества „Чандокіо“ (общество изученія небеснаго пути), которое, вмѣстѣ съ религіозной, ведетъ и анти-японскую пропаганду. И другое общество „Тэханчаканхаой“ (общество взаимнаго укрѣпленія и единенія корейцевъ)—представляетъ изъ себя политическую партію съ опредѣленной программой. Партія ставитъ себѣ цѣль—способствовать просвѣщенію народа, путемъ проведенія цѣлаго ряда либеральныхъ реформъ самостоятельно и даже пользуясь помощью японскихъ властей, изъ которыхъ нѣкоторыя разыгрываютъ либеральныхъ политиковъ.

Конечно, цѣль общества—независимость корейскаго государства.

Общество было основано 23 марта 1906 года, а къ октябрю уже насчитываетъ сотнями тысячъ своихъ членовъ, разсѣянныхъ повсемѣстно въ Корей и за-границей; есть между прочимъ многіе изъ бѣжавшихъ членовъ о-ва, которые нашли убѣжище отъ японскаго преслѣдованія и у насъ въ Россіи.

Во главѣ этого общества стоитъ европейски образованный кореецъ, говорящій на всѣхъ главныхъ европейскихъ и азіатскихъ языкахъ г. Юнчихо, тотъ самый, который когда то былъ президентомъ „клуба независимыхъ“, агитировавшаго противъ русскаго вмѣшательства въ дѣла Кореи.

Какъ вѣрный сынъ своей родины г. Юнчихо одинаковымъ образомъ протестуетъ и противъ японскаго господства. Онъ думаетъ, что его родина можетъ быть свободной только тогда, когда получитъ европейскую цивилизацію; это произойдетъ, вѣроятно, скорѣе даже, чѣмъ думаютъ.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что благодаря выдающемуся уму и таланту г. Юнчихо—японцы допускаютъ легальное существованіе этой партіи. А дальновидный политикъ Ито, несмотря на враждебный тонъ къ нему органа этого общества „Чаканхойвольпо“, часто бесѣдовалъ съ г. Юнчихо, считаясь съ его мнѣніемъ по поводу предполагаемаго веденія реформъ.

Девизомъ общества служить: „сначала образованіе, затѣмъ независимость“.

Среди главныхъ руководителей этого общества стоитъ, по словамъ газетъ, какъ это ни странно, японскій „соціалъ-демократъ“, г. Огаки *), будто бы вполне искренне преданный дѣлу просвѣщенія и освобожденія корейскаго народа, включительно до полного признанія за послѣднимъ права на политическую независимость.

*) Хотя среди европейцевъ существуетъ мнѣніе, что Огаки, будучи японскимъ чиновникомъ, играетъ свою роль съ вѣдома японскаго правительства, вызывая волненіе и тѣмъ оправдывая дѣйств. япон. правит., при помощи которыхъ Японія захватываетъ власть надъ страной.

Г. Огаки богатый человекъ, и многіе корейцы говорятъ, что только благодаря его моральной поддержкѣ—общество „Тэханчакан-хаой“ завоевало себѣ симпатіи всего народа.

Почти всѣ корейцы увѣрены, что самъ Императоръ является негласнымъ руководителемъ общества изъ своего блестящаго заточенія... что значительно поднимаетъ престижъ членовъ этого общества въ глазахъ народа.

Въ столицѣ и крупныхъ провинціальныхъ городахъ Кореи въ данный моментъ наблюдается общій подъемъ духа и общее желаніе достигнуть высоты японскаго образованія. Въѣстѣ съ этимъ все чаще и чаще раздаются голоса въ корейской прессѣ по поводу развитія изслѣдованія корейскаго языка и протеста противъ введенія въ школахъ преподаванія на японскомъ языкѣ.

Передаютъ даже такой случай: одинъ кореецъ, совѣтникъ министра Народнаго Просвѣщенія, написалъ учебникъ на японскомъ языкѣ и хотѣлъ ввести по немъ изученіе въ школахъ. Тогда противъ него возсталъ вся корейская интеллигенція, а всѣ учащіеся, отъ мала до велика, заявили, что не будутъ заниматься по японскому учебнику. Поднялся шумъ въ прессѣ, начались переговоры—и японофильствующій совѣтникъ вынужденъ былъ поспѣшно бѣжать въ Японію во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, увозя съ собой экземпляры своего учебника.

Вообще чувствуется, что корейское общество твердо будетъ отстаивать свою національную самостоятельность, подготавливаясь къ тому моменту, когда лучшіе люди корейской націи объявятъ, что насталъ давно желанный моментъ, и народъ подготовленъ. „Долой японское владычество, да здравствуетъ независимый корейскій народъ“.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ привести мнѣніе о дѣятельности японцевъ въ Корее, японца, г. Като бывшаго совѣтника при императорскомъ судѣ въ Корее,—мнѣніе, высказанное имъ на обѣдѣ, данномъ *) въ честь его обществомъ японской промышленности.

Г. Като называлъ ненависть, питаемую корейцами къ японцамъ, традиціонной. Постоянные грабежи японцами пригородныхъ городовъ Кореи и вліяніе на народъ царствующей династіи Ли, которая долго вела успѣшную борьбу противъ непріятельскихъ вторженій, сдѣлали то, что изгладить чувство ненависти, испытываемой всей націей, является дѣломъ чрезвычайно труднымъ.

Единственно возможное средство это—самое широкое распространеніе образованія и культивированія дружескихъ отношеній между націями втеченіе многихъ поколѣній.

Корейцы давно сознали свою полную несостоятельность въ дѣлѣ созданія военнаго могущества страны по иностранному образцу; поэтому защиту своихъ интересовъ они всецѣло возложили на хитрую и коварную дипломатію, и хитрость сдѣлалась нынѣ наследственной чертой ихъ національнаго характера.

*) Въ свое время это мнѣніе было напечатано всѣми европейскими газетами на Д. Востокѣ.

Незадолго передъ китайско-японской войной имъ удалось избавиться отъ китайскаго ига.

Въ наши дни, говорить далѣе г-нъ Като, стремленіе захвата, или пріобрѣтеніе протектората объясняется соображеніями исключительно экономическаго свойства.

Почва Кореи создана для культуры риса, ячменя, бобовъ, хлоп-ка, табаку и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ, въ которыхъ нуждается Японія. Страна богата также и минеральными продуктами; климатъ ея похожъ на японскій. Поэтому необходимо всѣми силами поощрять переселеніе въ Корею японцевъ, которые, съ теченіемъ времени, создадутъ дружескія отношенія между обѣими націями.

Японія не стала бы твердой стопой въ Корей, еслибы ея дипломатическія отношенія съ прочими иностранными державами не были столь дружественными.

Жизнь въ Японіи становится все дороже, а вознагражденіе за трудъ возрастаетъ далеко не въ той же пропорціи.

Корея представляетъ всѣ данныя для переселенія въ нее японцевъ и не можетъ быть никакого сомнѣнія, что ихъ предприимчивость будетъ щедро вознаграждена.

Дѣльцы Токио и ближайшихъ къ нему городовъ слишкомъ космополитичны въ своихъ коммерческихъ предпріятіяхъ и обращаютъ очень мало вниманія на Корею.

Болѣе интересуются ею жители Осаки и городовъ, лежащихъ далѣе къ западу; у всѣхъ, выселившихся изъ этихъ мѣстъ въ Корею, дѣла процвѣтаютъ.

Такъ какъ корейскій вопросъ очень близко касается интересовъ жителей Токио, то имъ слѣдовало-бы о немъ подумать серьезнѣе. Переселенцы могли-бы очень хорошо устроиться, такъ какъ отношенія между обѣими странами находятся въ рукахъ опытнаго и способнаго государственнаго дѣятеля. Съ другой стороны только переселеніе возможнаго большаго числа японцевъ въ Корею создастъ дѣйствительное примиреніе, ибо ненависть ихъ къ Японіи слишкомъ глубоко вкоренилась.

Графъ Окума — подвергаетъ еще болѣе жестокой критикѣ дѣятельность японцевъ въ Корей и требовалъ отъ Ито—скорѣйшаго проведенія дѣйствительныхъ реформъ,—иначе пропасть между двумя націями—быстро будетъ возрастать.

Такимъ образомъ, японцы прекрасно понимаютъ, каково отношеніе къ нимъ со стороны корейскаго народа, они не обольщаютъ себя даже надеждами на улучшеніе отношеній въ ближайшемъ будущемъ, и, видя пока противъ себя враговъ, они не шадятъ ихъ, будучи ослѣпленными, что грубой физической силой можно сломить упорство народа, защищающаго свою многовѣковую независимость.

Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ насъ убѣждаетъ заключенный между Японіей и Кореей договоръ 19 октября 1906 года.

6/19 октября 1906 года въ Сеулѣ былъ официально заключенъ между японскимъ и „корейскимъ“ правительствами—особый договоръ, въ силу котораго японцамъ предоставляется исключительное право эксплуатаціи лѣсныхъ богатствъ по рѣкамъ Ялу и Тумень (граница съ Россіей).

Нѣкоторыя статьи этого въ высшей степени важнаго договора гласятъ слѣдующее:

1) Японское и корейское правительства вмѣстѣ берутся за организацію этого предпріятія.

2) Каждое изъ названныхъ правительствъ вкладываетъ въ это дѣло по 600.000 іенъ, что въ общей сложности составитъ 1.200.000 іенъ. Эта сумма и должна считаться за основной капиталъ вложенный въ предпріятіе.

3) По мѣрѣ развитія дѣла, каждое правительство будетъ получать половину дохода, приносимаго этимъ предпріятіемъ.

Втянувъ такимъ образомъ въ коммерческую сдѣлку корейское правительство, — японскіе политики этимъ самымъ положили начало къ окончательному закрѣпощенію за Японіей всей страны *).

Чѣмъ больше будутъ заинтересованы корейцы въ общихъ съ японцами коммерческихъ предпріятіяхъ, тѣмъ меньше надежды на возвращеніе политической независимости народу.

По мѣрѣ развитія этого предпріятія будетъ расти множество мелкихъ побочныхъ, основанныхъ на общемъ съ нимъ принципѣ...

Вслѣдствіе этого, отношенія между заинтересованными корейцами и японцами будутъ цементироваться капиталомъ. Послѣднее же условіе породитъ шкурный вопросъ.

Такъ, при первой же попыткѣ націи свергнуть съ себя японское иго, — послышатся протесты изъ нѣкоторыхъ слоевъ корейскаго общества, которые, будучи заинтересованными матеріально въ присутствіи японцевъ въ странѣ, вѣроятно, окажутъ содѣйствіе японцамъ и принесутъ свою національную честь и политическую самостоятельность страны въ жертву наживѣ — капиталу.

Мы видѣли, какъ развѣдываетъ — деморализуетъ власть капитала современныя цивилизованныя государства.

Мы знаемъ, въ какія ужасныя формы вылился капитализмъ, перенесенный въ Японію.

Та, ничѣмъ и никѣмъ не обуздываемая эксплуатація труда въ Японіи, которая заставляетъ блѣднѣть предъ собою ужасы, описанные въ „капиталѣ“ Маркса о похищеніяхъ плантаторовъ въ Индіи и Ю.-Америкѣ, — готова обрушиться на Корею и новый договоръ — создавая крупное предпріятіе — кладетъ въ этомъ направленіи первый камень.

Чтобы заинтересовать и привлечь на свою сторону широкіе слои корейцевъ — особенно среди аристократическаго (имѣющаго до сего времени большое вліяніе въ жизни страны) и коммерческаго міра японцы возбуждаютъ вопросъ объ амнистіи нѣкоторыхъ политическихъ преступниковъ, бѣжавшихъ и арестованныхъ послѣ недавняго возстанія.

Прощеніемъ ихъ, японцы надѣются привлечь на свою сторону, какъ ихъ, такъ и ихъ вліятельныхъ родственниковъ.

Вообще же, слѣдуетъ сказать, что японцы, повидимому, очень

*) См. „Какъ защищаетъ Англія свои интересы въ Азіи“. „Вѣстн. Финансовъ“ № 36, 37.

деталь ноработали программу своихъ дѣйствій въ Корей. Въ дѣлѣ же проведенія въ жизнь ихъ взглядовъ они уже получили вполне заслуженную извѣстность у иностранцевъ. Остается лишь наблюдать за тѣмъ—сумѣетъ-ли просыпающійся корейскій народъ охватить и понять коварные замыслы японцевъ противъ него и оказать должное сопротивленіе.

Недавнее убійство корейцемъ въ Харбинѣ князя Ито, уже ушедшаго съ поста вице-короля Кореи, въ присутствіи русскаго министра и иностранныхъ представителей—даетъ возможность утвердительно сказать, что въ Корей продолжается энергичная подпольная анти-японская агитація: убійство князя Ито знаменуетъ собою корейскій протестъ противъ японскаго произвола въ Корей.

*Японское влія-
ніе въ Китаѣ.*

Внимательно вглядываясь въ дѣятельность японцевъ въ Китаѣ, можно наблюдать очень интересное явленіе.

Японцы ведутъ весьма сложную игру. Прежде всего японскіе представители, дѣйствующие въ Китаѣ, распредѣляются на слѣдующія категории.

1) Оффиціальныя представители: дипломаты, консула въ собственномъ Китаѣ, военные и гражданскіе чиновники—въ Маньчжуріи и Ляодунѣ.

2) Коммерсанты.

3) Ученые, педагоги и инженеры, инструкторы китайскихъ войскъ и спеціальныхъ и учебныхъ заведеній.

4) Общественные дѣятели: преимущественно социалисты-революціонеры, совѣтники китайскихъ революціонныхъ лидеровъ.

Соотвѣтственно занимаемаго этими людьми общественнаго положенія—они и работаютъ.

Ихъ общій девизъ: „Внесеніе европейской цивилизаціи въ китайскую жизнь“, то есть совершенно аналогичный съ девизами, провозглашенными европейскими народами.

Японцы, какъ каждая нація въ частности, прививаетъ Китаю принципы міровой цивилизаціи, предварительно проводя ихъ сквозь призму своихъ национальныхъ интересовъ.

Но если бы они ограничились только этимъ, то никто имъ не могъ-бы бросить упрека.

Но они въ своей дѣятельности идутъ дальше, они не пренебрегаютъ никакими средствами. Ихъ ученые и педагоги ничѣмъ не отличаются отъ самыхъ обыкновенныхъ агитаторовъ.

Ихъ комерсанты не гнушаются ролью шпионовъ. Японскіе псевдо-революціонеры—сумѣли завязать дружескія сношенія съ главными руководителями революціоннаго движенія въ Китаѣ д-ромъ Сунъ-Венъ-онъ *).

И въ то самое время, когда послѣдніе подрываютъ престижъ династіи, агитируя среди народа, японскіе оффиціальныя представители въ Пекинѣ завѣряютъ правительство и династію въ своей дружбѣ.

*) См. Мое „Послѣднее десятилѣтіе Китая, общ. и полит. жизнь.“

Изучая дѣятельность японцевъ въ Китаѣ, мы пришли къ убѣжденію, что японскіе планы на Китай широко задуманы и прекрасно выполняются.

Всестороннее вліяніе Японіи на Китай—проникаетъ въ него тремя путями.

Первый путь—это Пекинъ и Маньчжурія, гдѣ работаютъ лучшія силы японской бюрократіи, стараясь вліять на китайскія правящія сферы и подчинить ихъ себѣ всѣми способами, начиная съ увѣщеваній и кончая взятками.

Другой путь—это Шанхай,—черезъ который проходитъ японское чисто идейное вліяніе. Здѣсь переводятся съ японскаго, печатаются, издаются многочисленныя брошюры, ученныя и учебныя книги, сочиненія японскихъ писателей, ученыхъ, распространяемые по всему Китаю.

Современный Шанхай, по мѣткой характеристикѣ одного американца,—представляетъ изъ себя лабораторію, въ которой японцы готовятъ для Китая тѣ суррогаты, которые частью по незнанію, частью умышленно рекомендуются китайцамъ подъ видомъ основъ западной культуры и современныхъ умственныхъ теченій.

Третій путь—это далекій югъ Китая, Гонконгъ и Кантонъ и другіе южные города.

Здѣсь работаютъ японскіе псевдо-революціонеры. Ихъ авторитетъ, стоявшій до самого послѣдняго времени очень высоко, хотя и значительно упалъ въ глазахъ народа, послѣ извѣстнаго бойкота японскихъ товаровъ, но китайское общественное движеніе и руководители его такъ прочно спаяны съ японцами, доставлявшими имъ все необходимое для возстаній, что вліяніе вновь возрастетъ по мѣрѣ того, какъ бойкотъ сдѣлается достояніемъ исторіи.

Японскіе коммерсанты, бродящіе всюду по Китаю, поддерживаютъ между своими соотечественниками самую тѣсную связь, ставя однихъ въ извѣстность касательно дѣятельности другихъ.

Такимъ образомъ—японскіе дипломаты всегда въ курсѣ жизни Китая и даже больше того: стоитъ имъ только нажать кнопку, какъ въ томъ или другомъ мѣстѣ Китая вспыхнутъ беспорядки.

Столь дружная работа японцевъ—вызываетъ искреннее изумленіе иностранцевъ, не безъ зависти наблюдающихъ за все возрастающимъ вліяніемъ Японіи въ Китаѣ.

Вліяніе Японіи проникаетъ въ самую жизнь страны...

Китайцы идейно сливаются съ японцами. Китайскіе политики—подражаютъ, проникаются японскими идеалами—панмонголизма. Суммируя все это, порою кажется, что Японія лишь выжидаетъ удобнаго момента, чтобы вызвать ужасную революцію въ великой Имперіи и, пользуясь замѣшательствомъ, округлить свои владѣнія, расширивъ ихъ за счетъ Китая.

Намъ лично кажется, что Японія могла бы сдѣлать это и сейчасъ, но ее удерживаетъ какое то соображеніе—быть можетъ, боязнь за то, что иностранцы не захотятъ вмѣшиваться въ китайскія дѣла и тогда Японіи одной придется перенести всю силу негодованія 400 милліоновъ китайцевъ, къ которымъ присоединится, быть можетъ, какія либо европейская держава.

Поэтому намъ кажется, что японцы заняты теперь подготовленіемъ къ этому европейскихъ государствъ.

Такъ Японія, очень „дружелюбно“ съ Россіей разрѣшаетъ споръ въ Маньчжуріи, втягивая наши правящія сферы вновь въ авантюру,—прививая имъ мысль, что если югъ останется за Японіей то сѣверъ — за Россіей.

А отъ Маньчжуріи недалеко до Монголіи, а тамъ до Туркестана.

Когда же появятся вновь пресловутые для Россіи „коммерческіе интересы“,—когда русское общество вновь свыкнется съ ними, тогда понадобится вновь ихъ защищать. Вотъ въ этотъ то моментъ Японія и вызоветъ въ странѣ революцію—и подъ предлогомъ успокоенія страны и поддержанія династіи или господствующей партіи—захватитъ все то, что ей заблагоразсудится, располагая для этого всевозможными средствами, начиная отъ китайскихъ революціонеровъ—японофиловъ, кончая своею арміею и флотомъ. Поэтому въ только что заключенномъ китайско-японскомъ соглашеніи можно видѣть лишь новую попытку Японіи замаскировать свои отношенія къ Китаю.

Японская политика въ прочихъ странахъ Дальняго Востока.

Что касается японской политики въ другихъ странахъ Д. Востока,—то она производитъ впечатлѣніе какого-то заигрыванія.

Такъ, въ Сіамѣ—японскіе дипломаты усиленно стараются внушить сіамцамъ, что они родные братья японцамъ—по общей Малайской крови,—текущей въ жилахъ обоихъ народовъ.

Затѣмъ даже создана гипотеза, что одинъ изъ японскихъ принцевъ—направился въ Сіамъ *) и тамъ основалъ свою династію и что поэтому нынѣ царствующій сіамскій король Чулалонкорнъ (Параминдръ мага)—приходится довольно близкимъ родственникомъ Микадо.

Въ 1907 году Японію посѣтилъ старшій сынъ короля—главнокомандующій сіамской арміею, который былъ принятъ при дворѣ микадо, какъ родственникъ. Ходятъ слухи о предстоящемъ бракѣ одного изъ сіамскихъ принцевъ съ японской принцессой.

Въ самомъ Сіамѣ японцамъ предоставлены всевозможныя льготы... Японскіе профессора, инженеры, инструктора войскъ—занимаютъ первыя мѣста среди иностранцевъ.

Японскіе коммерсанты распространяютъ свои фабрикаты по всей странѣ.

Въ то же самое время японцы заигрываютъ съ монгольскими князьями, также опираясь на общность расоваго происхожденія и нѣкотораго отдаленнаго сходства языка.

Многіе монгольскіе князья послали въ Токію своихъ сыновей, которые и были зачислены въ различныя дворянскіе лица Японіи.

Не тратятъ японцы напрасну время и въ Индіи, убѣждая также и индусовъ,—что въ древнюю эпоху жизни Японіи—на острова прибыли индусы,—арійцы—(по новой гипотезѣ Каваками), которые придали або-

*) Лѣтописи Сіама начинаются съ 638 г. по Р. Х., языкъ моносиллабическій, письменность по образцу древнеиндійскаго алфавита. Богатая литература. Населеніе около 5 милліоновъ, состоитъ изъ сіамцевъ, китайцевъ, племень шанъ, лаа и бирманцевъ. 41 провинція.

ригенамъ тотъ отпечатокъ, который ихъ выгодно отличаетъ и отъ всѣхъ восточныхъ народовъ и приближаетъ къ европейцамъ...

Индусамъ, повидимому, нравится такое предположеніе и они готовы идти, судя по послѣднимъ событіямъ тамъ, по пути, указанному имъ японцами — освобожденія 200 милліоновъ индусовъ отъ англійской опеки.

Индускіе студенты, живущіе и воспитывающіеся въ Токио, какъ мы уже упоминали, не стѣсняясь высказываютъ въ газетахъ мысль, что Японія одна только сможетъ освободить Индію отъ англичанъ и лишь въ подражаніи ей—они видятъ спасеніе родины.

Даже филиппинцы, пользующіеся относительной свободой въ самоуправленіи, и тѣ тяготеютъ къ Японіи такъ какъ послѣдняя, видя въ Америкѣ постоянную угрозу со стороны Филиппинъ— постоянно подогрѣваютъ непріязненное чувство къ американцамъ, обѣщая что въ случаѣ возстанія Японія заступится за нихъ и гарантируетъ имъ политическую самостоятельность.

Что касается взаимоотношеній Японіи съ западными государствами,—то они регулируются тѣми договорами и трактатами, которые были заключены Японіей съ ними и которые Японія старается возможно тщательнѣе выполнять, усчитывая въ свою пользу малѣйшіе промахи европейскихъ дипломатовъ, склонныхъ до сего времени относиться къ своимъ японскимъ коллегамъ не съ должнымъ вниманіемъ.

Что же касается взаимоотношеній Россіи и Японіи послѣ войны, *Россія и Японія* то наши наблюденія сводятся къ слѣдующему:

Начнемъ съ момента возобновленія дипломатическихъ сношеній и приведемъ наше впечатлѣніе, вынесенное нами въ бытность въ Токио—и занесенное въ свое время въ японскую періодическую печать.

„... Въ Японіи начинается также—старая исторія съ Россіей (пишутъ въ январскихъ 1906 г. номерахъ токіоскихъ газетахъ)—Россія игнорируетъ и не признаетъ Японію великой державой.

Въ то время, какъ всѣ крупныя европейскія государства по почину Англии—возвели своихъ представителей (посланниковъ) въ Токио въ званіе посла и этимъ фактомъ признали Японію равной себѣ—одна только Россія, побѣжденная нами, не пожелала возвести своего посланника въ роль посла и этимъ какъ бы подчеркнула, что не признаетъ насъ великой державой...

Дѣйствительно, какая нетактичность со стороны русскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Какое непонятное упорство. Къ чему, какія цѣли оно преслѣдуетъ—неизвѣстно“.

Японское общество и печать сильно обижены этимъ новымъ фактомъ игнорированія націи—особенно въ тотъ моментъ, когда она упоена своею славою.

Изъ Петербурга назначаютъ посланникомъ въ Японію г. Бахметьева, который до сихъ поръ служилъ на Балканскомъ полуостровѣ, занимая не отвѣтственное мѣсто повѣреннаго въ дѣлахъ при одномъ изъ третьестепенныхъ правительствъ. Русскіе корреспонденты изъ Японіи писали: „Въ Японіи были всѣ изумлены. Вмѣсто того, чтобы послать человѣка, знающаго Японію и Д. Востокъ—пред-

лагають ѣхать г. Бахметьеву, правда заявившему себя даровитымъ дипломатомъ на Балканахъ, но благодаря лишь тому, что онъ хорошо изучилъ страну и нашихъ братьевъ — славянъ и врядъ-ли г. Бахметьевъ можетъ свой богатый опытъ, вынесенный изъ политики съ славянами, приложить къ политикѣ съ восточными народами—особенно такимъ проницательнымъ, какъ японскій народъ. Для этого нужно лѣтами изучать страну и народъ. Поэтому назначать въ такой важный моментъ какъ теперь, когда вновь и на новыхъ началахъ должно завязать сношенія съ Японіей, и человѣка совершенно не заявившаго себя ничѣмъ на поприщѣ сношеній съ Японіей и политической дѣятельности на Д. Востокѣ—по меньшей мѣрѣ преступно, а самому г. Бахметьеву—соглашаться идти на такой постъ—не патриотично.

„У насъ есть люди достойные. Очевидно, министерства Иностранныхъ Дѣлъ еще не каснулись новыя вѣянія и въ этомъ назначеніи сказывается та же рутинность, та же канцелярская плѣсень, которая привела наше отечество къ Цусимѣ, Мукдену и, какъ ихъ слѣдствію, Портсмуту“.

Такова была встрѣча послѣ войны русскаго официальнаго представителя въ Японіи. Газеты больше писали о супругѣ нашего представителя, чѣмъ о немъ, сообщенія о послѣднемъ ограничились лишь переводомъ изъ газ. „Новое Время“—извѣстныхъ статей,—направленныхъ противъ личности новаго посланника.

Таковы же были отношенія и дальше между японскими правящими сферами и русскимъ посольствомъ, отличающіеся холодностью и натянутостью.

Правда—новый посланникъ Бахметьевъ—былъ приглашенъ на банкетъ, устроенный „Русско-Японскимъ обществомъ“ (Ници-ро-кіюкой) и даже избранъ, по предложенію президента виконта Эномото *)—почетнымъ членомъ.

Будучи въ числѣ другихъ русскихъ, проживавшихъ въ то время въ Токио,—мы вынесли впечатлѣніе, что это чисто бюрократическое учрежденіе, въ чемъ, по правдѣ говоря, мы уже и были увѣрены, идя на этотъ банкетъ, такъ какъ руководители его стоятъ очень далеко отъ жизни обоихъ народовъ.

Характерна между прочимъ слѣдующая мелочь, бросившаяся почему то въ глаза всѣмъ русскимъ.

Зало, гдѣ происходилъ банкетъ, было декорировано флагами, при чемъ—вмѣсто русскихъ національныхъ флаговъ—красовались русскіе военные (андреевскіе) флаги, напоминающіе въ японской ихъ видѣлкѣ—нѣчто похеренное, такъ какъ концы андреевскаго креста были доведены неправильнымъ путемъ.

Присутствовали лишь японскіе дипломаты, консула и другіе представители японскаго правительства. — Представителей общества и японской серьезной печати—не было.

Слова о дружбѣ и могуществѣ обѣихъ націй звучали въ рѣчахъ ораторовъ японцевъ—насмѣшливо—по крайней мѣрѣ, такъ казалось намъ.

Дѣйствительно, уже очень скоро послѣ войны, когда еще не

*) Первый японскій посланникъ въ Петербургъ (въ 60-хъ годахъ), ум. въ 1908 г.

успѣла остыть кровь убитыхъ на поляхъ Маньчжуріи—хотѣли создать нерушимую дружбу, что тогда ядовито, но сдержанно и отмѣтила, японская пресса.

Немало волновалось японское общество по поводу пронесшагося тогда слуха, что вновь назначенный въ Сеуль русскій генеральный консулъ г. Де-Плансонъ—имѣеть какія то тайныя инструкціи и поэтому медлилъ своимъ на нѣсколько мѣсяцевъ отъѣздомъ изъ Токио въ Сеуль.

Печать говорила, что г. де-Плансонъ не желаетъ представляться японскимъ властямъ и намѣренъ вручить свои грамоты лишь корейскому Императору. Но этого—Японія, конечно, не допустила. Естественно, японцы очень ревниво слѣдили за дѣятельностью русскихъ представителей въ Корее.

Одно время всѣ японскія газеты облетѣло сенсационное извѣстіе, что русскими подготавливается присоединіе къ Россіи сѣверныхъ провинцій Кореи; затѣмъ появилось даже письмо за подписью корейскаго Императора къ Приамурскому генераль-губернатору касательно этого вопроса, но оно было перехвачено японцами.

Насколько справедливо все это—мы оставляемъ на совѣсти японской прессы, но что фактъ этотъ имѣлъ огромное значеніе въ нашихъ отношеніяхъ съ Японіей—нѣтъ никакого сомнѣнія.

Онъ подлилъ масла въ только что начинавшую утихать послѣ войны ненависть, проявленную со стороны враждебно настроенныхъ къ Россіи японскихъ буржуазныхъ слоевъ общества.

Недовѣріемъ къ Россіи и ея официальнымъ представителямъ проникнута большая часть прессы, говорящая что нельзя вѣрить дружескимъ завѣреніямъ, идущимъ отъ Петербурга—такъ какъ они идутъ въ разрѣзъ съ дѣйствіями русскихъ на Д. Востокѣ.

Японцы сознавая, что они еще не достаточно хорошо знаютъ Россію, основываютъ въ различныхъ мѣстахъ страны школы, курсы изученія русскаго языка и Россіи *)—организуютъ общество для изученія нашихъ окраинъ, командируютъ въ Россію съ ученою и учебною цѣлью молодежь, устраиваютъ экскурсіи въ Россію и проч.

Словомъ,—японцы очень внимательно слѣдятъ за событіями въ Россіи и съ особеннымъ вниманіемъ отмѣчаютъ въ своей печати все касающееся отношенія Россіи къ Японіи.

Такъ, въ токіоскихъ газетахъ отводится много мѣста слуху, имѣющему большое распространеніе въ Россіи о военныхъ приготовленіяхъ Японіи.

Въ большой независимой газетѣ „Токио Дзи-Дзи-Симпо“ помѣщена по этому поводу слѣдующая передовица.

„Въ Россіи, говоритъ газета, пламя войны еще не угасло, враждебное чувство русскихъ къ японцамъ еще не исчезло. Русскіе сомнѣваются въ дружественной политикѣ японскаго правительства. Въ Россіи очень распространены слухъ, что мы, японцы, недовольны ре-

*) А въ Россіи, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, засѣдающая въ Петерб. междувѣдомственная коммиссія по реформѣ ориентальнаго образованія — предполагаетъ упразднить и то, что уже имѣеть Россія—закрѣтъ Восточный Институтъ. Это единственное в. уч. зав., откуда выходятъ знающіе японовѣды. Особенно горячій защитникъ этого проекта т. с. Д. М. Позднѣевъ, бывшій 2½ года директоромъ Института. Въ нынѣшнемъ году Вост. Инстит. праздновалъ 10 лѣтн. годовщину.

зультатомъ недавней войны, а поэтому намъ бреваемся, будто-бы, въ недалекомъ будущемъ объявить новую войну, воспользовавшись внутренними волненіями въ Россіи.

„Конечно, (продолжаетъ авторъ) намъ кажется, что этотъ слухъ пущенъ какимъ-нибудь досужимъ политикомъ, но все же онъ имѣетъ нѣкоторое основаніе. Но какое именно, спроситъ читатель. Прежде всего слѣдующее. Русское правительство, не взирая даже на неотложную важность напряженія всѣхъ своихъ силъ для проведенія реформъ и успокоенія страны—занимается постройкой второй колеи Сибирской дороги, проведеніемъ Амурской дороги и укрѣпленіемъ различныхъ стратегическихъ пунктовъ на Дальне-Восточной окраинѣ до стѣв. Сахалина включительно.

„Словомъ, по всему видно, что русскіе боятся агрессивныхъ дѣйствій японскаго правительства.

„Однако, слѣдуетъ замѣтить, что если русское правительство въ этомъ же духѣ будетъ дѣйствовать и дальше, то оно встрѣтитъ быстро на своемъ пути большое препятствіе, если не сказать бѣду.

„Не лучше-ли русскому правительству, заканчиваетъ газета, изменить свою политику на Д. Востокѣ и тѣмъ оградить Россію отъ новыхъ опасностей“.

Таково содержаніе передовицы газеты „Дзи-Дзи“. Мы ее взяли, какъ типичный образчикъ японскихъ разсужденій.

Читатель видитъ, что японская газета пытается приписать слухи о японскихъ военныхъ приготовленіяхъ, во первыхъ, мнительности русскихъ, а, во вторыхъ, политикѣ русскаго правительства. Въ сто же фактическаго матеріала для опроверженія слуховъ о колоссальныхъ расходахъ морского и военнаго министерства, даетъ совѣтъ русскому правительству изменить политику, иначе „Россіи грозитъ новая бѣда“ и, нужно полагать по тону газеты,—со стороны Японіи.

Такимъ образомъ, авторъ статьи скорѣе подтверждаетъ, чѣмъ отрицаетъ слухи.

Что-же касается политики русскаго правительства, то, правда, она не совсѣмъ опредѣленная, но, по нашему мнѣнію, теперь она скорѣе оборонительная, нежели наступательная.

Совѣтъ-же японскихъ политиковъ относительно того, чтобы русское правительство прекратило постройку Амурской дороги и прокладку второй Сибирской колеи—по меньшей мѣрѣ не искренній, не дружественный. Мы не будемъ говорить касательно возведенія укрѣпленій на русской Дальне-Восточной окраинѣ, какъ чуждые по принципу идеѣ милитаризма, въ какой бы формѣ она ни проявлялась, и предоставимъ русскимъ милитаристамъ защищать ихъ планы на Д. Востокѣ,—но о необходимости прокладки вышеназванныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Азіи—мы не сомнѣваемся—находя, что осуществленіе этого проекта важно не только въ интересахъ Россіи, но и всего культурнаго міра, къ каковому причисляетъ себя и Японія.

„Первый же свистокъ паровоза, раздавшійся среди первобытной природы, среди некультурныхъ или малокультурныхъ народовъ, возбуждаетъ цивилизованному челоѣку о присоединеніи къ его семьѣ новыхъ членовъ и призываетъ его къ культурной работѣ“.

Японцы лучше, чѣмъ кто-либо другой, знаютъ, какія неисчер-

паемые богатства хранить въ себѣ Сибирь и Амурскій край, — они знаютъ также, что для усиленной эксплуатаціи ихъ необходимо прежде всего хорошее сообщеніе, они знаютъ наконецъ, что до сего времени Россія дремала и что выйти изъ этой дремоты помогли отчасти и они сами. Теперь русское правительство, подъ сильнымъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, наконецъ, поняло, что ему бы давно слѣдовало начать свою работу на Дальнемъ Востоку съ постройки Амурской дороги и увеличенія провозоспособности Сибирской дороги, оно отказывается отъ всей Маньчжурской шумихи, обезпечивая этимъ миръ въ Восточной Азіи, и приступаетъ къ выполненію этого проекта.

Казалось бы, что японцы должны сочувствовать и помогать всѣми зависящими отъ нихъ средствами скорѣйшему осуществленію этого проекта, но мы наталкиваемся въ послѣднихъ токіоскихъ газетахъ на разсужденія какъ разъ обратнаго характера.

Чѣмъ это объяснить, какъ не ослѣпленіемъ японцевъ ихъ империалистическими мечтаніями?—Ясно лишь пока одно, что ко всякаго рода „дружескимъ“ совѣтамъ нашихъ храбрыхъ сосѣдей должно относиться съ крайнею осторожностью, такъ какъ они, выражаясь мягко, бываютъ крайне неискренни.

Для иллюстраціи отношеній къ Россіи со стороны правящихъ японскихъ сферъ — приведемъ содержаніе опубликованнаго въ свое время въ японскихъ журналахъ небезынтереснаго отчета засѣданія въ „Кодзоку-крабу“ (дворянскомъ клубѣ).

На засѣданіи присутствовала вся высшая аристократія Японіи, предсѣдательствовалъ маркизь Курода, его товарищемъ былъ г. Като-Комэй, неоднократно бывший министромъ Иностранныхъ Дѣлъ.

Среди гостей были: русскій посланникъ Бахметьевъ и американскій посолъ Райтъ, графъ Окума и другіе.

Предсѣдатель произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ, что дружба Японіи съ американскимъ и русскимъ народомъ обезпечена на долгіе годы, несмотря на недавнія недоразумѣнія... Другіе японскіе ораторы поддерживали предсѣдателя.

Американскій посолъ произнесъ рѣчь на ту же тему, назвавъ японско-американскій конфликтъ—„шаловливымъ пререканіемъ между влюбленными“, и что подтвержденіемъ этому служитъ взаимное пониманіе чувствъ, питаемыхъ обоими народами.

Послѣ американца, выступилъ русскій посланникъ Бахметьевъ, сказалъ, что русскій Императоръ при отъѣздѣ его, посланника, изъ Петербурга—внушилъ ему всѣми средствами поддерживать дружескія отношенія съ Японіей.

„Когда греки заключили миръ съ персами,—греческій царь воскликнулъ: мнѣ радостно, что я вступаю въ дружбу съ сильнымъ государствомъ; Цицеронъ сказалъ,—что сильный врагъ дѣлается добрымъ другомъ.

„Я воображаю вѣчный миръ между обѣими націями и радъ, что работаю ради этого дѣла“.

На эту рѣчь послѣдовалъ должный отвѣтъ со стороны лучшаго дипломата Японіи графа Окума: „Теперь весь міръ стремится миру, теперь нѣтъ войны между просвѣщенными странами“.

„Война поднимается только потому, что въ мірѣ еще существуютъ полупросвѣщенные государства, поэтому всякое правительство должно стремиться впередъ въ дѣлѣ просвѣщенія народа.

„Мирная конференція въ Гаагѣ и международный конгрессъ общества христіанскихъ юношей въ Токио — будутъ имѣть послѣдствіемъ міровое движеніе и послужатъ звеномъ въ дѣлѣ соединенія западной и восточной культуры.

„Русскій посланникъ сказалъ, что русскій Императоръ желаетъ мира, я самъ читалъ грамоту президента С.-А.-С. Штатовъ, проникнутую, искреннимъ миролюбіемъ.

„Такимъ образомъ, государства Америки и Европы не расходятся въ мнѣніи о мирѣ. Между Америкою и Россіей дружба продолжается болѣе ста лѣтъ.

„Японія должна подражать имъ, учась у нихъ, но, какъ говоритъ древній мудрецъ: „учась — научайте другихъ“.

„Поэтому американскія и европейскія государства, уча Японію, должны у ней и сами учиться и этимъ объединить западную и восточную культуру, укрѣпляя въ тоже самое время миръ между народами и благополучіе каждаго въ отдѣльности“.

Вотъ первый попавшійся образчикъ японской политической рѣчи. Какъ разнообразны по тону, содержанию, логичности и дальновидности, эти три рѣчи.

Пускай читатель самъ подумаетъ, съ кѣмъ приходится бороться Россіи и какія силы она и ея соперники выставляютъ на Д. Востокѣ.

Правда, намъ не приходилось слышать отъ японцевъ нелестнаго отзыва о русскомъ представителѣ, наоборотъ, — всѣ хвалили его тактъ и проч., но не знаю почему — эти комплементы намъ были непріятны. За ними сквозило „что-то“, — которое будило неулегшееся еще чувство только что пережитого позора при Цусимѣ, Мукденѣ и Портѣ-Артурѣ.

Теперь Россія возвела своего представителя въ Японіи въ рангъ посла, будучи вынужденной сдѣлать это, не сдѣлавъ по доброй воли.

Въ Японію первымъ русскимъ посломъ назначенъ сенаторъ г. Малевскій — Малевичъ, не знающій, судя по газетамъ, совершенно тѣхъ условій, не говоря уже страны, въ которыхъ ему приходится работать. Но одно уже хорошо, что г. Малевскій-Малевичъ съ первыхъ же шаговъ зарекомендовалъ себя энергичнымъ сторонникомъ экономическаго сближенія Россіи и Японіи и сторонникомъ на Востокѣ назначеній консулами людей, владѣющихъ туземными языками.

Въ самомъ дѣлѣ, для всякаго, кто знакомъ съ вопросомъ національнаго представительства и со всѣмъ присущимъ ему этикетомъ — будетъ ясно, какую второстепенную роль долженъ былъ играть русскій посланникъ при наличіи въ данной странѣ пословъ другихъ великихъ державъ.

Конечно, правда, — что при умѣ, политическомъ тактѣ представителя — вліяніе даннаго государства не уменьшится, но если признавать себя великою страною, имѣющей свои ясно опредѣленные интересы въ сферѣ международной дѣятельности государства и претендовать на признаніе себя великой со стороны другихъ — то необходимо соблюдать извѣстныя международныя традиціи, особенно если въ этомъ крайне заинтересована молодая дружественная нація, добывшая себѣ

мировое положеніе цѣною усилій и тѣмъ болѣе уже другими признаннаго великой.

Подобная дѣятельность русскаго правительства, конечно, лишь раздражала японцевъ; что же касается до самого состава нашихъ официальныхъ дѣятелей на Д. Востокѣ и въ частности въ Японіи, то этому вопросу мы удѣлимъ особое вниманіе въ специальной брошюрѣ, теперь же скажемъ, что среди русскихъ чиновниковъ въ Японіи — очень мало людей, интересующихся жизнью страны и преданныхъ своей, — въ высшей степени, важной, интересной и прекрасно обезпеченной дѣятельности.

Не будемъ называть фамилій, такъ какъ тогда бы насъ заподозрили въ личности, но скажемъ лишь, что начиная съ высшихъ чиновниковъ, кончая второстепенными — всѣ окружены сѣтью японскихъ соглядатаевъ. |

Прежде всего очень многіе изъ русскихъ официальныхъ дѣятелей имѣютъ японскихъ такъ называемыхъ жень, — всѣ безусловно имѣютъ японскую прислугу *), японскихъ писцовъ, переводчиковъ и проч.

Въ канцеляріяхъ русскихъ чиновниковъ въ Японіи всегда можно найти японца въ качествѣ правой руки, распоряжающагося въ русской канцеляріи, какъ у себя дома **).

Можетъ быть, намъ возразятъ, что японцы сидятъ только потому, что нѣтъ подходящихъ для этой работы русскихъ. На это мы опять повторимъ, что уже теперь Россія обладаетъ довольно значительнымъ числомъ молодыхъ русскихъ востоковѣдовъ, окончившихъ восточный институтъ во Владивостокѣ и С.-Петербургскій восточный факультетъ, но имъ не даютъ возможности работать въ этой области, такъ какъ у большинства нѣтъ протекцій, безъ которой по установившемуся мнѣнію — почти невозможно поступить въ тѣ министерства, которыя, правда, еще не заинтересованы, но должны быть заинтересованы подборомъ дѣятелей для службы на Д. Востокѣ, въ частности въ Японіи, вербуя ихъ изъ востоковѣдовъ.

Въ данное время наблюдается очень непріятное явленіе, что многіе изъ молодыхъ наиболѣе талантливыхъ востоковѣдовъ прямо бойкотируютъ министерство Иностранныхъ Дѣлъ, говоря, что въ немъ невозможно служить, такъ какъ постоянно наталкиваешься на оскорбительное отношеніе со стороны дипломатовъ — „по протекціи“.

Пресловутое дѣленіе дѣятелей на представителей бѣлой и черной кости, къ сожалѣнію, имѣетъ мѣсто и до сего времени.

Такъ, кто имѣетъ знакомство среди русскихъ консуловъ и дипломатовъ на Д. Востокѣ, — тотъ слышалъ, конечно, — что въ исторіи русскаго представительства на Д. Востокѣ — былъ только одинъ случай — когда представитель черной кости — русскій востоковѣдъ — синологъ — былъ назначенъ на постъ посланника въ Пекинъ — и то это былъ геніальный, какъ его считаютъ иностранцы, Покотиловъ, назначенный въ Китай въ то время, когда всѣ остальные растерялись — и

*) Въ одномъ только посольствѣ въ Токио въ концѣ 1906 года на 10—12 человекъ членовъ посольства числилось до 69 человекъ японской прислуги и прислуги у прислугъ, прехлебателей, пенсіонеровъ.

***) См. газ. «Русь» октябрь 1903 г.

ему одному пришлось поддерживать сильно пошатнувшийся престижъ Россіи и Азіи *).

Всѣ же остальные востоковѣды, служившіе по министерству Иностранныхъ Дѣлъ принуждены довольствоваться ролью чернорабочихъ, лишенныхъ инициативы.

Да и въ министерствахъ военномъ, торговли и промышленности, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ состоитъ дѣло не лучше. Но о нихъ поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

Теперь мы скажемъ лишь о представителяхъ нашего духовнаго вѣдомства.

Въ періодической печатѣ за послѣднее время, нерѣдко появляются замѣтки о русской православной миссіи въ Китаѣ и Японіи, авторы которыхъ, разбирая съ различныхъ сторонъ дѣятельность миссіи,—почему то совершенно не останавливаются на самой главной:—*какую цѣль преслѣдуетъ русская православная миссія въ Китаѣ и Японіи?*

Между тѣмъ разобраться въ этомъ вопросѣ представляется, съ нашей точки зрѣнія, далеко не лишнимъ, особенно если принять во вниманіе, что Синодъ расходуетъ на эту миссію значительныя деньги, въ которыхъ такъ нуждается, въ данный моментъ, Россія.

Въ самомъ дѣлѣ, какія цѣли можетъ преслѣдовать русская православная миссія здѣсь, на Д. Востокѣ? Разсмотримъ по порядку.

1) „Внесеніе свѣта христіанскаго ученія православной церкви въ страну язычниковъ и идолопоклонниковъ“.

Если такъ, то православные миссіонеры спохватились поздно:—ихъ западные коллеги опередили на нѣсколько столѣтій, и изъ опыта послѣднихъ, они могли бы заключить о бесполезности проповѣди христіанства среди китайцевъ и японцевъ безъ примѣси какого-либо, чисто практическаго, знанія и реальной выгоды. Но, къ сожалѣнію, мы можемъ констатировать фактъ, что наши миссіонеры не обладаютъ столь изобрѣтательнымъ и подвижнымъ умомъ, чтобы путемъ распространенія другихъ знаній—привлечь симпатіи иностранцевъ къ православной церкви.

2) Если миссія ставитъ себѣ цивилизаторскія задачи, то, чтобы когонибудь просвѣщать,—для этого нужно быть прежде всего самому просвѣщеннымъ.—Наши же монахи—миссіонеры, какъ извѣстно, не могутъ похвастаться этимъ послѣднимъ качествомъ.

3) Если же миссія преслѣдуетъ какія либо правительственныя, цѣли дипломатическаго характера, то на это вправѣ обидѣться наши заправскіе дипломаты, которые все же интеллигентнѣе и дальновиднѣе монаховъ, а поэтому, намъ думается, что роль іезуитовъ не по плечу нашимъ малообразованнымъ миссіонерамъ.

4) Остается еще предположить, что наши православныя миссіи

*) Д. Д. Покотилловъ, выдвинувшійся въ 45 лѣтъ благодаря своимъ выдающимся способностямъ—на постъ посланника, прекрасно говорилъ по китайски, Покотилловъ открылъ новую эпоху въ исторіи сношеній Россіи съ восточными народами—онъ обратилъ вниманіе на туземную молодежь, открылъ школы и курсы русскаго языка, которые, кстати сказать, теперь хотятъ закрыть.

на Д. Востокъ — преслѣдуютъ чисто филантропическія цѣли.—Но тогда невольно напрашивается вопросъ, почему они не проявляютъ своей филантропіи у насъ, на родинѣ, столь нуждающейся въ помощи. Отчего тогда, изъ Россіи, Синодомъ посылаются деньги съ благотворительною цѣлью въ Китай, Японію, Корею, — когда милліоны русскихъ крестьянъ пухнутъ съ голода и умираютъ отъ голоднаго тифа... Почему расходуются Синодомъ эти деньги на помощь китайцамъ и японцамъ, почему отказываютъ въ нихъ голодающему мужику... Это ли христіанское дѣло? Ужели думаютъ наши монахи—миссіонеры, что ихъ китайская и японская паства не изумлена ихъ поведеніемъ и не оцѣнитъ, со-временемъ, его должнымъ образомъ.

И такъ—какую же цѣль преслѣдуютъ русскія православныя миссіи на Дальнемъ Востокѣ. По нашему мнѣнію, ни одну изъ вышеприведенныхъ они преслѣдовать не въ состояніи, а послѣднюю—даже не имѣютъ нравственнаго права.

5) Возможно еще одно предположеніе: цѣль означенной миссіи простое подражаніе западнымъ народамъ, но протестанты являются дѣйствительно въ роли культуртрегеровъ,—обращая свои кирки въ маленькіе народныя университеты; католики имѣютъ въ виду расширение „дульных“ владѣній папы. Американскіе сектанты посылаютъ своихъ миссіонеровъ исключительно съ филантропическою цѣлью—устраивать больницы, школы и богодѣльни, благо у нихъ на родинѣ во всемъ этомъ чувствуется избытокъ.

Ну, а наши русскіе монахи—что они могутъ дать туземцамъ,—въ чемъ у нихъ есть избытокъ?—Ни знанія, ни полета мысли, ни избытка средствъ, вообще—никакой опредѣленной цѣли въ своей дѣятельности...

А между тѣмъ они хотятъ итти въ ногу съ западными миссіонерами, тщетно пытаются интриговать среди населенія противъ каждой иной христіанской секты, вслѣдствіе чего вызываютъ лишь смѣхъ, какъ со стороны иностранцевъ, такъ и со стороны сознательныхъ туземцевъ и совершенно, повидимому, не сознаютъ, что этимъ самымъ компрометируютъ русскій народъ, отъ лица котораго они выступаютъ въ своей миссіи.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, русскія православныя миссіи на Д. Востокѣ существуютъ исключительно изъ подражанія Европѣ, не принося Россіи ни малѣйшей пользы. Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы высказываемся за то, чтобы при современномъ государственномъ преобразованіи—въ числѣ другихъ мало полезныхъ учрежденій были или уничтожены, или реформированы и русскія православныя миссіи на Д. Востокѣ, какъ ничего, кромѣ дефицита въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, не дающія нашей родинѣ.

Православная миссія Японіи, относительно хорошо налаженная епископ. Николаемъ, должна наконецъ уступить настояніямъ японской паствы и японцевъ—священнослужителей и порвать свои сношенія съ русскимъ правительствомъ и съ Синодомъ, чтобы враги не упрекали ихъ въ шпіонствѣ для русскихъ,—а равно отказаться отъ русской субсидіи.

Относительно распространеннаго въ русскомъ обществѣ слуха о неминуемой войнѣ съ Японіей, — подѣлимся тѣмъ впечатлѣніемъ, которое мы вынесли изъ японской прессы, также комментирующей на всѣ лады причину частыхъ разногласій въ русско-японскихъ отношеніяхъ.

Японскіе публицисты увѣрены, что войну желаетъ вести Россія и съ этою цѣлью строить вторую колею Сибирской дороги и проводить Амурскую дорогу, строить укрѣпленія по сухопутной и морской границѣ Сибири. Японія же, наоборотъ, — преисполнена самыхъ миролюбивыхъ порывовъ...

Если-же это мнѣніе японцевъ сопоставить съ мнѣніемъ русскихъ публицистовъ и политиковъ о томъ, что исключительно Японія хочетъ новой войны съ Россіей, такъ какъ это ей выгодно, — то получится ничто иное, какъ Крыловское: Иванъ киваетъ на Петра, а Петръ на Ивана.

На самомъ же дѣлѣ, ни русскіе, ни японцы войны не желаютъ, — и это до очевидности ясно.

Въ заключеніе коснемся вопроса о сближеніи Россіи и Японіи, который за послѣднее время все чаще и чаще комментируется въ періодической печати.

Отношенія между Россіей и Японіей сильно напоминаютъ бывшія отношенія между Англійей и Франціей, столь мѣтко охарактеризованныя Боклемъ въ его безсмертномъ трудѣ „Исторія цивил. Англій“, гдѣ мы читаемъ слѣдующія строки, вполне примѣнимыя и къ отношеніямъ, существовавшимъ до самаго послѣдняго времени между Россіей и Японіей.

„Жалкія безстыдныя клеветы“, говоритъ Бокль: „которыя множество англійскихъ писателей высказывали относительно нравственности и частнаго характера французовъ—и—къ стыду ихъ будь сказано—даже относительно цѣломудрія французскихъ женщинъ—немало содѣйствовали къ усиленію чувства озлобленія, существовавшего между двумя первыми націями въ Европѣ, раздражая англичанъ противъ французскихъ пороковъ, а французовъ противъ англійскихъ клеветъ. Точно также было время, когда каждый честный, истинный англичанинъ былъ твердо увѣренъ, что онъ могъ бы сладить съ десятью французами и питалъ ко всей націи ихъ глубочайшее презрѣніе, какъ къ тощему и тщедушному племени, пьющему слабое вино, вмѣсто водки, и питающемуся исключительно лягушками... какъ къ жалкимъ невѣрнымъ, поклоняющимся идоламъ...

„Съ другой стороны, французовъ учили презирать насъ (англичанъ), какъ грубыхъ и необразованныхъ варваровъ, чуждыхъ изящнаго вкуса и гуманности, какъ суровыхъ дурно организованныхъ людей, живущихъ въ дурномъ климатѣ, гдѣ вѣчный туманъ, перемежающийся только дождемъ—никогда не позволяетъ показаться солнцу...

„Всякому, кто хорошо знаетъ литературу Франціи и Англій, извѣстно, что таковы были мнѣнія (говоритъ Бокль), которыя составили

себѣ другъ о другѣ двѣ первыя націи въ Европѣ по невѣдѣнію и сердечной простотѣ“ и т. д.

Итакъ, читатель видитъ, что стоитъ только поставить вмѣсто Англии и Франціи—Россію и Японію, какъ слова великаго мыслителя—культуртрегера—будутъ всецѣло примѣнимы ко взаимоотношеніямъ этихъ двухъ первыхъ націй въ Азіи.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно припомнить хвастовство нашихъ квази-патріотовъ—до войны съ японцами, въ родѣ: „шапками закидаемъ“, „десятеро макака на одну руку“, и всѣ изданныя ими лубочныя картины объ „лихихъ набѣгахъ“, бомбардировкахъ Хаккодате—„бѣгствѣ японцевъ съ поля битвы“ и множество другихъ клеветъ на японцевъ; или взять всѣ безапелляціонныя повѣствованія, какъ переводныя, такъ и оригинальныя на русскомъ языкѣ о безнравственности японцевъ и особенно японокъ,—чтобы убѣдиться въ справедливости этого мнѣнія. Развѣ всего этого мы не читали, не слышали? Развѣ, наконецъ, благодаря такой литературѣ въ большинствѣ русскаго общества не встрѣчался взглядъ тождественности понятій: японская женщина и гейся—какъ будто бы всѣ японки—являются гейсями... Съ другой стороны, и японцы платили намъ почти тѣмъ же. Со словомъ: „Россія“ въ умѣ японца соединялось представленіе объ огромной, безобразной равнинѣ, покрытой вѣчными снѣгами—со словомъ „русскій“ соединялось представленіе о грубомъ, некультурномъ чловѣкѣ,—варварѣ (итеки), живущемъ только разбоемъ,—нашъ государственный гербъ—не назывался иначе, какъ сѣверный хищникъ (китано-васи), олицетворявшій въ умѣ японца Россію. Но вотъ, по мѣрѣ увеличенія сношеній между Россіей и Японіей—оба народа начали ближе знакомиться какъ другъ съ другомъ, такъ и съ обычаями, нравами и языками обѣихъ странъ.

„Изъ всѣхъ причинъ, производящихъ національную ненависть—невѣдѣніе, говоритъ Бокль, есть самая сильная. Съ увеличеніемъ случаевъ соприкосновенія невѣдѣніе исчезаетъ и вслѣдствіе того ослабѣваетъ ненависть. Этимъ то путемъ и образуется союзъ братства между народами, онъ оказывается дѣйствительнѣе всѣхъ наставленій, читаемыхъ моралистами и богословами“.

Такимъ образомъ, центръ тяжести вопроса о сближеніи Россіи съ Японіей—лежитъ во взаимномъ изученіи и возможно частомъ соприкосновеніи обоихъ народовъ на почвѣ мирной, культурной работы...

Спрашивается, какимъ же образомъ можно изучать. Конечно, всего лучше непосредственное наблюденіе, однако, оно далеко не всѣмъ доступно,—по этому лучше всего можетъ удовлетворять этой цѣли—литература, широко охватывающая всѣ стороны жизни даннаго народа; съ нее, слѣдовательно, и надо начать.

За послѣднее пятилѣтіе и у насъ въ Россіи сдѣлано сравнительно многое въ этомъ направленіи:—появилось немало произведеній на русскомъ языкѣ, тракующихъ о различныхъ вопросахъ японской жизни, но гораздо больше сдѣлано въ этомъ направленіи у японцевъ. У нихъ появились въ переводѣ на японскій языкъ лучшія произведенія Льва Толстого, Горькаго, Чехова, Короленко, Пушкина, Гоголя, Достоевскаго, Тургенева и Гончарова и нѣкоторыхъ другихъ писателей,—вышло въ переводѣ множество брошюръ по социаль-

нымъ вопросамъ. Изданы біографіи различныхъ русскихъ дѣятелей. Относительно спеціальной литературы можно также упомянуть о переводахъ на японскій языкъ Мартенса и другихъ юристовъ и политико-экономовъ и многихъ русскихъ авторовъ, писавшихъ по Восточному вопросу, военному и въ области изслѣдованія Сибири. Кромѣ того, почти всегда въ каждомъ выходящемъ въ данное время журналѣ—Россіи посвящается нѣсколько десятковъ страницъ. Насколько интересуются японцы Россіей, съ какимъ интересомъ ее изучаютъ и съ какою готовностью идутъ на встрѣчу идеѣ сближенія съ Россіей, можно видѣть изъ того, что японцы начали усиленно агитировать въ прессѣ за возможно скорѣйшее проведеніе въ жизнь дружескаго соглашенія между Россіей и Японіей и союза между Англіей, Франціей, Россіей и Японіей, а также переводятъ на японскій языкъ все появлявшееся по этому вопросу въ русской прессѣ.

Для иллюстраціи приведу одну изъ многочисленныхъ статей въ защиту идеи сближенія, напечатанную въ прогрессивномъ органѣ „Токіо-Май-ници“, имѣющемъ огромное вліяніе въ японскомъ обществѣ:

„Фундаментомъ дружбы, гласитъ заголовокъ статьи, между Японіей и Россіей—должно быть изученіе русской культуры.

„Однимъ изъ тормазовъ, препятствующихъ дружескому соглашенію—говоритъ авторъ передовицы—является постоянное разногласіе въ дѣйствіяхъ между русскими военными и гражданскими чиновниками.

„Въ то время, какъ русскія гражданскія власти на Д. Востокѣ хотятъ избѣгать конфликтовъ,—военныя, наоборотъ, желаютъ ихъ создать, вслѣдствіе чего, несмотря на миролюбіе русскаго министерства Иностранныхъ Дѣлъ и искреннее желаніе послѣдняго возстановить дружбу между Японіей и Россіей—военныя тормозятъ это великое дѣло, мечтая о бранной славѣ и гегемоніи на Д. Востокѣ. Благодаря этому послѣднему обстоятельству и наши японскіе имперіалисты также стараются соперничать съ русскими, желая увеличить армію и флотъ—въ ущербъ даже нормальному развитію страны...

„Однако лучшіе слои японскаго общества стремятся возстановить путь къ дружбѣ между Россіей и Японіей на взаимномъ изученіи и взаимной пользы.

„Правда, потребуется не мало энергіи, чтобы согласовать желанія, но унывать нечего.

„Если Портсмутскій договоръ и не далъ удовлетворенія обѣимъ странамъ, то происходящіе теперь переговоры о новомъ торговомъ договорѣ—приведутъ къ взаимному удовлетворенію интересовъ.

„Труднѣе будетъ побороть чувства ненависти среди нѣкоторыхъ элементовъ общества,—которая составляетъ до сего времени пропасть; эта пропасть—незнаніе характера другъ друга. Поэтому мы усиленно рекомендуемъ русскимъ изучать японскій языкъ, а нашему правительству и друзьямъ идеи сближенія настойчиво совѣтуемъ увеличить число школъ, гдѣ бы преподавался русскій языкъ. Мы рекомендуемъ японцамъ изучать русскій разговорный языкъ и русскую литературу, которая, чѣмъ больше ея узнаешь, тѣмъ сильнѣе интересъ къ ней. Мы рекомендуемъ японцамъ творенія Толстого, Тургенева, Пушкина, Гончарова, Достоевскаго.

„Кромѣ того, (заканчиваетъ авторъ передовицы) мы намѣреваемся составить ученое общество, которое ставило бы своею цѣлью изученіе искусства, науки, исторіи и общей культуры Россіи“.

Если результатомъ такихъ стараній японцевъ и русскихъ явится пониманіе другъ друга, то дружба между обоими великими народами будетъ обезпечена.

Пускай же окажется справедливымъ пророчество покойнаго князя Ито, сторонника русско-японскаго сближенія, высказанное въ февралѣ 1905 года виконту Эномото основателю русско-японскаго общества *), на вопросъ послѣдняго: „Будетъ ли послѣ войны союзъ между Японіей и Россіей“?

„Японскій и русскій народы возымѣютъ безспорно другъ къ другу самыя теплыя симпатіи. Россія и Японія въ силу географическихъ, экономическихъ и историческихъ условій уже давно должны были находиться въ союзѣ. Если и вспыхнулъ между ними, къ несчастію, огонь раздора, то это произошло единственно вслѣдствіе незнанія и непониманія русскимъ правительствомъ Японіи (онъ обвиняетъ только наше правительство).

„Послѣ дождя земля дѣлается удобной для засѣмененія, — послѣ войны тверже будетъ русско-японскій союзъ“.

Не раздѣляя въ данное время всецѣло оптимизма покойнаго князя Ито, — мы тѣмъ не менѣе находимъ возможнымъ русско-японскій союзъ въ будущемъ и даже, можетъ быть, не особенно далекокомъ.

Быстро возрастающія силы Китая и пробужденіе въ немъ націонализма — является одинаково угрожающимъ факторомъ и для Россіи, и для Японіи.

Обновленный и европейски вооруженный Китай прежде всего обратитъ свои взоры на Японію, а затѣмъ уже на Россію и другія страны, причинявшія ему за послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ столько горя и обидъ.

Нѣкоторые дальновидные японскіе политики, зная хорошо Китай, уже предвидятъ возможность подобнаго исхода и поэтому всячески стараются закрѣпить свои отношенія съ западными государствами, полагая — вполне основательно, что рано или поздно Японіи придется совместно съ западомъ дѣйствовать противъ китайской многомилліонной массы — и что именно на долю Россіи, имѣющей 10.000 верстную границу съ Китаемъ, **) — выпадетъ особенно трудная роль... задержать китайскія милліонныя арміи, а поэтому союзъ съ ней для Японіи, какъ и для Россіи союзъ съ Японіей, владѣнія которой окружаютъ все юго-восточное побережье Китая, явится необходимымъ.

Наше же личное мнѣніе таково, что наша политика какъ на Д. Востокѣ вообще, такъ въ Японіи въ частности, хотя должна быть политикой экономическихъ соглашеній, но отнюдь не политикой уступокъ, только такая политика позволитъ намъ ближе познакомиться, изучить нашу недавно побѣдительницу.

*) Рус.-Яп. О-во (Ницы-Рокиюкай) осн. въ 1893 году.

**) См. Наше: „Какъ защищаютъ свои интересы въ Азій Россія и Англія, СПбургъ. 1909.“

За послѣднее время въ Петербургѣ среди группы общественныхъ и политическихъ дѣятелей возникла мысль учредить русско-японское о-во, имѣющее цѣлью взаимное изученіе и культивированіе дружбы между обѣими странами.

Идея находить себѣ поддержку и среди японской колоніи во главѣ съ посломъ г. Мотоно и совѣтникомъ посольства г. Оцья и др. членами посольства.

Лично мы можемъ лишь привѣтствовать это начинаніе, находя, что подобныя ассоціаціи сильно расчищаютъ путь для искреннихъ, дружелюбныхъ соглашеній и союзовъ.

Заключеніе.

Итакъ, повторимъ въ общихъ чертахъ основные выводы, для того чтобы лучше уяснить себѣ политическое развитіе націи.—Прежде всего необходимо коснуться ея происхожденія.—Въ немъ мы найдемъ ея отличительныя черты характера, на которыя однако кладетъ своеобразный отпечатокъ окружающая природа.

Мы нашли, что японская нація въ ея цѣломъ—доблестная, проникнутая, глубокою любовью къ родинѣ, воспріимчивая, но непостоянная, живущая порывами, неспособная къ глубокому систематическому мышленію, не обладающая творческимъ умомъ, но глубоко чувствующая и инстинктивно понимающая природу, одаренная богатою фантазіею—въ ущербъ другимъ душевнымъ способностямъ.

Нація—чуткая ко всему высокому и прекрасному, столь же увлекающаяся, сколь быстро и разочаровывающаяся, болѣзненно самолюбивая и раздражительная.

Необыкновенный всесторонній прогрессъ націи обусловливается систематической на протяженіи вѣковъ—подготовкою къ новому режиму.

Идеи и учрежденія конституціоннаго режима не новы Японіи. Подтвержденіемъ можетъ служить ростъ самосознанія японскаго народа, показывающій насколько послѣдній подготовленъ къ воспріятію идей.

Многіе японскіе ученые склонны видѣть въ реставраціи власти Микадо—лишь простое возвращеніе къ древнему режиму, при которомъ нація процвѣтала.

Идея народнаго представительства въ Японіи, по утвержденію японскихъ ученыхъ,—насчитываетъ за собою тысячелѣтнюю давность.

Японскіе историки видятъ представительное начало въ Японіи даже въ миѣическомъ періодѣ.

Родоначальница нынѣшней династіи—богиня солнца Аматерасу—была освобождена изъ пещеры послѣ совѣщанія боговъ на своеобразномъ „божественномъ митингѣ“, гдѣ вырабатывались мѣры къ ея освобожденію (миѣ).

Ея потомокъ, Императоръ Дзиму-тено, основавшій въ 660 году до Р. Х. японское государство,—имѣлъ при себѣ постоянный совѣтъ, безъ котораго не могъ принимать никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій въ своей завоевательной политикѣ (по объединенію аборигеновъ острововъ).

Тысячу лѣтъ спустя, въ VII вѣкѣ (по Р. Х.)—императрица Суйко опубликовываетъ свои знаменитые 17 принциповъ управленія

государствомъ, которые современными японскими юристами разсматриваются, какъ конституціонныя начала древней Японіи.

Ограниченіе власти Императора въ пользу его подданныхъ—имѣеть мѣсто на всемъ протяженіи японской исторіи—вплоть до 1868 года—эпохи реставраціи, когда въ Японіи совершился актъ возвращенія Императору номинальной власти и перехода фактической власти изъ рукъ сіюгунатскаго правительства—въ руки вновь образовавшагося олигархическаго правительства.

Въ 70-хъ годахъ въ Японіи произошла лишь перемѣна въ названіи правительства, а принципъ ограниченія монарха въ его дѣйствіяхъ остался въ прежней силѣ.

Этимъ и объясняется секретъ долговѣчности династіи. Японскій монархъ фактически никогда не управлялъ страной,—стоя всегда выше всякихъ партій и личностей.

Нынѣшній 121-й императоръ Японіи, Муцу-хито,—продолжаетъ политику своихъ божественныхъ предковъ—царствовать, но не управлять, въ подтвержденіе чего онъ и связалъ себя клятвою при самомъ вступленіи на престолъ, что всѣ важныя дѣла будутъ рѣшать представители народа.

70-е и 80-е годы въ Японіи ушли на подготовленіе народныхъ массъ къ идеѣ западно-европейскаго представительства и на борьбу демократіи съ народившейся новой аристократіей.

Такимъ образомъ, нечуждая сама по себѣ въ Японіи идея народнаго представительства и ограниченія власти монарха въ 1890 г. получила осуществленіе въ видѣ открытія европейски конструированнаго японскаго парламента.

Въ декабрь 1908 года японскій монархъ открылъ уже 24 сессію парламента.

Можно ли поэтому присоединиться къ тѣмъ скороспѣлымъ выводамъ, что Японія за 40 лѣтъ сдѣлала то, для чего другимъ понадобились бы столѣтія.—На протяженіи 2½ тысячъ лѣтъ думалъ свою великую думу японскій народъ—и не мудрено, что онъ такъ быстро во многомъ опередилъ европейскія государства. Даже Россія съ ея тысячелѣтнимъ существованіемъ по сравненію съ Японіей молодое государство.

Императоръ, какъ былъ, такъ и остался въ глазахъ народной массы Ками (божествомъ).

Если мы припомнимъ, то самый принципъ японскаго империализма—являлся и является нѣсколько различнымъ отъ понятія, принятаго въ Европѣ.

Въ Японіи Императоръ съ давнихъ временъ—постоянный заступникъ и защитникъ народа. Въ древнее время онъ въ роли жреца ходатайствовалъ за свой народъ предъ богами, въ раннюю эпоху японской исторіи—онъ является судьей, защитникомъ народа отъ его обидчиковъ, въ средніе вѣка онъ вмѣстѣ съ народомъ являлся страдальцемъ, перенося на себѣ весь гнетъ феодальнаго режима и нерѣдко принимая на себя удары феодаловъ.

Наконецъ—фактъ освобожденія народа отъ феодальной системы окружаетъ Микадо ореоломъ всегдашняго защитника за народъ.

Можно ли поэтому удивляться, что духъ вѣрности, лойяльности Императору—столь присущъ японской націи?

Мы глубоко убѣждены, что онъ переживетъ въ народѣ всѣ басни, касающіяся божественнаго происхожденія Микадо, и будетъ жить въ сознаніи народа еще болѣе или менѣе продолжительное время ровно до тѣхъ поръ—пока одинъ какой нибудь изъ „божественныхъ отпрысковъ“—не обезславитъ своимъ поведеніемъ память своихъ великихъ предковъ... тогда и въ Японіи можетъ наступить время господства тѣхъ идей, о которыхъ еще мечтаютъ на Западѣ.

Конечно, еще вопросъ будущаго, когда японскій народъ утратитъ вѣру въ Микадо, но принимая во вниманіе подвижность и импульсивность японскаго народа, намъ не кажется несбыточнымъ, если японцы въ этомъ отношеніи опередятъ многія европейскія монархическія государства.

Если можно сказать съ большею или меньшею вѣроятностью, что ожидаетъ завтра Англию, Германію и даже Россію, то никакъ нельзя того же сказать о Японіи.

Японія въ лицѣ ея политиковъ часто живетъ жизнью азартнаго игрока, могущаго каждую минуту зарваться въ большихъ и рискованныхъ ставкахъ... и тѣмъ вызвать среди другихъ народовъ неожиданныя международныя комбинаціи, которыя могутъ совершенно видоизмѣнить отношенія и сферы интересовъ народовъ всего міра.

Аркадій Петровъ.

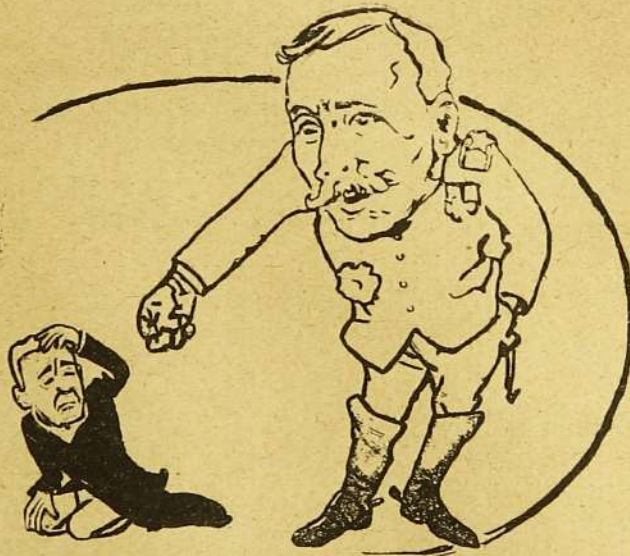
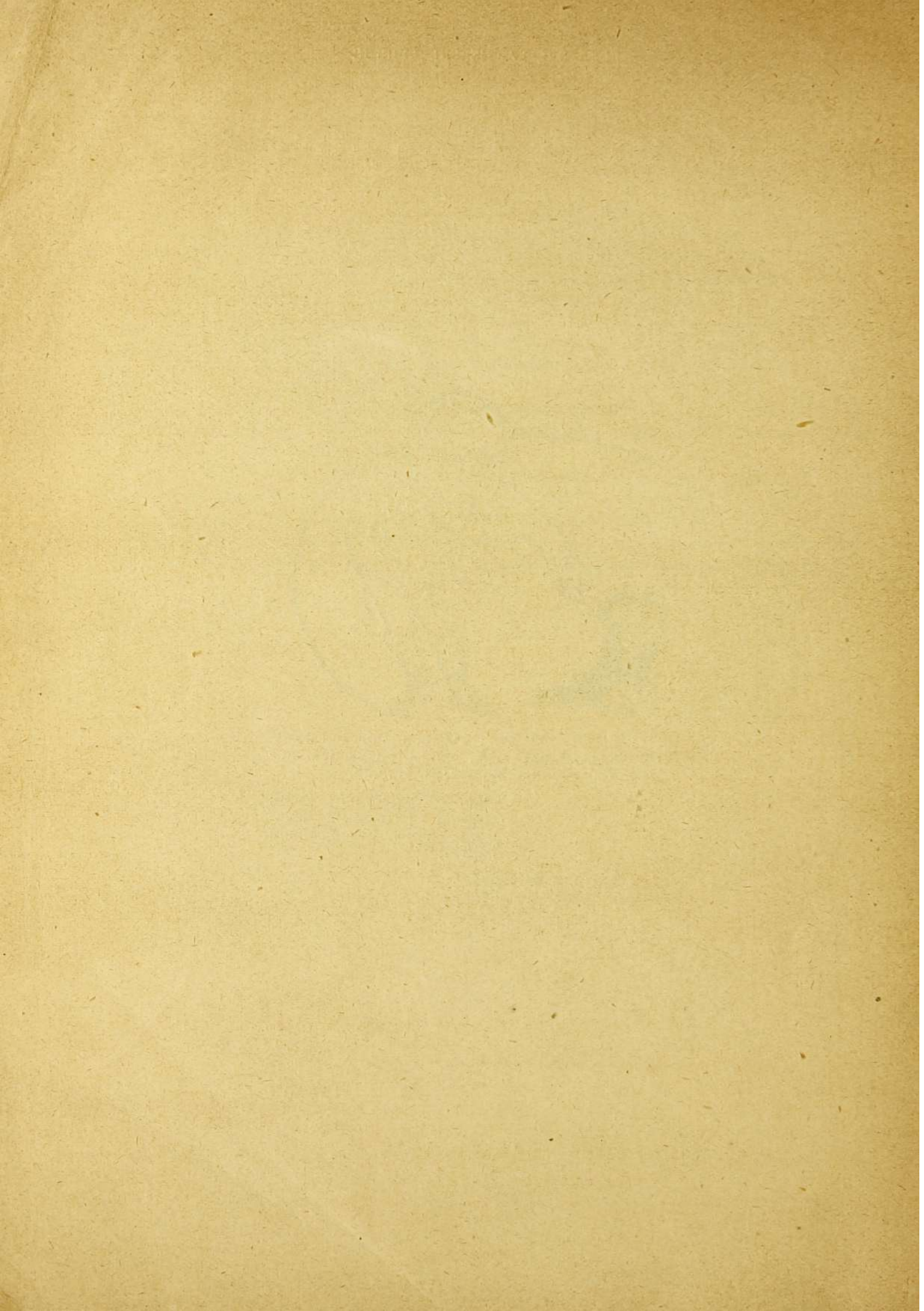

Рис. 14.—Распространенная японская политическая карриатура, иллюстрирующая мощь военной партии в Японии.

Маркизь **Ямагата** Аритомо,
(самый вліятельный человекъ
Японіи, душа военной
партіи).

Маркизь **Саюндзи**,
(бывш. премьеръ, либераль).

Оглавление.

	СТР.
Отъ редакціи.	
Историческій очеркъ. Новая гипотеза проф. Каваками о происхожденіи японцевъ	4
Основные черты характера японскаго народа	6
Древній періодъ государственной жизни Японіи. Основаніе монархіи божественнымъ императоромъ Дзимму-тенно. (660 г. до Р. Х.). Древній институтъ го-нинъ (союзъ 5-ти семействъ)	8
Японія въ 5—6—7 вѣкахъ (по Р. Хр.). Первое правильно организованное правительство Японіи. Вліяніе Китая на политическую жизнь Японіи.	11
Ученіе Конфуція и Мынь-цзы. Буддизмъ. Возникновеніе Японской бюрократіи. Средніе вѣка въ Японіи. Самостоятельность провинціальной бюрократіи.	14
Феодализмъ въ Японіи. Институты „хара-кири“, „катаги-уци“. Японское рыцарство. Сіогунатъ. Хидэёси. Начало сіогунскаго дома Токугава. Іеясу Токугава и его „завѣщаніе“.	15
XVII столѣтіе въ Японіи. Мадзатоси объявляетъ въ своей политической программѣ—„защиту земледѣльцевъ“. Начало импералистическаго движенія въ Японіи	17
XIX столѣтіе. Россія первая побудительница Японіи въ дѣлѣ вступленія послѣдней на путь европейской цивилизаціи. Японскіе рыбаки и русскіе хищники—казаки (золотонскатели). Поэма о „Кита-новаси“ (Сѣверномъ хищникѣ—орлѣ). Нарожденіе класса крупныхъ земледѣльцевъ. Возникновеніе буржуазіи. Усиленіе импералистическаго движенія. Русскіе военные суда въ XIX столѣтіи около береговъ Японіи. Какія факторы имѣли особенно сильное вліяніе на политическую жизнь Японіи. Главныя причины государственнаго переворота въ Японіи (середина XIX столѣтія)	22
Эпоха переворота. Вліяніе мыслителей запада на представителей японской интеллигенціи того времени. Монтескье въ Японіи. Характеристика новаго правительства и императорская „клятва“	23
Умственныя теченія. Школы. <i>Экономическая школа</i> . Вдохновитель этого движенія—Фукудзава. Личность и дѣятельность Фукудзава. Вліяніе на него Бенгама, Адама Смита, деклараціи правъ человѣка и гражданина и французской революціи	23
Его книга „Положеніе европейскихъ государствъ“ (Сэіоо-дзидзіо). Либеральная школа. Глава этой школы Накамура. Сходство и различіе между этими двумя школами въ Японіи. Утилитаризмъ—въ изъясненіи Накамура. Вліяніе на послѣдняго. Д. С. Милля. Принципъ laissez faire въ Японіи, изъясненный англійскими мыслителями	24
	28

Покровительская (отечественная) школа. Вдохновитель ея г. Като. Вліяніе на послѣдняго Блюнчли. Принципъ „Достоинство и могущество монарха регулируется конституціей“. Проведеніе новыхъ политическихъ теорій въ жизнь страны. Общественное движеніе въ 70 годахъ	30
Гр. Итагаки и его дѣятельность въ 80 годы и основаніе первой политической партіи въ Японіи. Дзію-то—(Либеральная партія) Гр. Окума и его дѣятельность основанія прогрессивной партіи Симпо-то. Правительство и партіи	31
Подготовка къ конституціи и 1889 годъ;—объявленіе конституціи Японская конституція и ея творецъ Ито. Японско-Китайская война	33
Первое конституціонное правительство. Хронологическій очеркъ дѣятельности японскаго парламента и конституціонныхъ кабинетовъ .	36
Распаденіе либеральной партіи, основаніе маркизомъ Ито партіи центра. „Сэй-ю-кай“ (общество политическихъ друзей)	38
Кабинетъ Кацура и Русско-Японская война.	40
Кабинетъ мар. Саіондзи и его политика „примиренія“	44
Нынѣшній кабинетъ ген. Кацура.	47
Новыя политическія теченія. Соціализмъ и его научная разработка въ Японіи—въ связи съ тремя вышеназванными школами. Каятайма, Абе-Исо, ихъ дѣятельность. Вліяніе Германіи	48
Милитаризмъ—въ Японіи. Его вдохновитель Ямагата; его личность и дѣятельность	54
Генро (Высшій негласный совѣтъ—состоящій изъ именитыхъ сановниковъ), Микадо, парламента и правительство.	61
VII. Японія въ Корей	65
Японское вліяніе въ Китаѣ и другихъ азіатскихъ государствахъ .	74
Японія и Россія	77
Заключеніе.	

Японскіе рисунки—карикатуры.

Портреты.

Кв. Ито.
Гр. Окума.
« Итагаки.
« Гото.
« Кацура.
Ген. Тэрауци.
Бар. Комура.
Марк. Саіондзи.

Бар. Като Х.
Бар. Гото.
Г. Симада Сабуро.
Г. Одзаки.
Фукудзава Юкици.
Гр. Иноуэ. Корейск. Генер. Минъ.
«

1) Марш. Ямагата и мар. Саіондзи.
2) Россія, Японія и Корея.

Опечатки:

<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть напечатано:</i>
24	Фукудзава Юкши	Фукудзава Юкици
28	Хотя члены. говорили часто противъ	Хотя члены. говорили часто <i>въ защиту</i>
39	кн. Ито въ 1863 г. корабельнымъ юнгою посѣтилъ. . . Англию	Кн. Ито въ 1863 г. посѣтилъ Англию
46	Верхняя палата распредѣлялась на слѣд. группы Кенкю-кай . . . 82 и т. д.

18	съ лейт. Хростовымъ	съ лейт. Хвостовымъ
21	Трансцендетальвостью	Трансцендентальностью
46	Мокуе-кай (четверн.)	Мокуё-кай (собрание по четвергамъ)
—	Строчки 19 и 20:	Поставить послѣ 2-й строчки той же страницы.
76	Члены верхней палаты. И приведемъ наше впечатлѣ- ніе вынесенное нами въ бытность въ Токио и занесенное въ свое время въ японскую печать	. . . И приведемъ мнѣніе извѣст- наго японскаго политика занесе- нное въ свое время въ японскую печать и наше впечатлѣніе выне- сенное нами въ бытность въ Токио.
78	. . . и поэтому медлилъ своимъ на нѣсколько мѣсяцевъ отъѣздомъ изъ Токио въ Сеуль	и поэтому медлилъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ своимъ отъѣздомъ изъ Токио въ Сеуль

Литература.

- Alexander, G. G.** Confucius, the Great Teacher. London, 1890.
- Bushby H. N.** Parliamentary Government in Japan. „19th Century Review“ 1899.
- Bellesort, A.** „La société japonese“. Paris. 1901.
- Ж. Болье.** Японія (рус. пер.). 1905.
- Brinkley.** History of Japan. 1891.
- Георгиевскій, проф.** „Принципы жизни Китая“.
- „ „ „Важность изученія Китая“.
- Criffis, W.** The mikado 's Empire. New-Iork. 1896.
- „ The religions of Japan. New-Iork. 1895.
- „ Corea the Hermit Nation. New-Iork. 1897.
- Cubbin John H.** Review of the Introduction of Christianity into Japan and China, in th transactions of the Asiatic Society of Japan. Vol. VI. Tokyo. 1888.
- Дюмоляръ.** „Японія“. 1900.
- De Quatrefages.** The pigmies. New-Iork. 1895.
- Х. Ито, кн.** Commentaries on the Constitution of Japan. Tokyo. 1889.
- Иенага, Т.** The constitutional development of Japan.
- Каваками, Кіюси (Карль)** „The political idéas of modern Japan“. 1903.
- Каваками, К. (Р.).** Socialism in Japan, in „the international socialist Review“. 1902.
- Keane, A. H.** Asia. London. 1896.
- Кнарр, А. М.** Feudal and modern Japan. London. 1898.
- Landor, A. H.** Alone with the Hairy ainu. London. 1893.
- Ж. Лонге.** „Общественное движеніе въ Японіи“. 1905.
- Николаевъ.** Очеркъ Истории Японскаго народа. 1905.
- Нитобэ, I.** Bushido. 1900.
- Norman, H.** The peoples and Politics of the Far East. New-Iork. 1893.
- Rein, J. J.** Japan: Travels and Researches. London. 1884.
- Суэмацу.** „Японія“ (рус. пер.). 1907.
- Chamberlain, B.** Translation of Ko-ji-ki, Introduction to Ko-ji-ki, or Records of ancient matters, in the transactions of the Asiatic Society of Japan. Vol. X. Jokohama. 1882.
- Clement, E. W.** Local Self-government in Japan, in the political-Scienie Quarterly. Vol. VII p.p. 294—306.
- Костылевъ.** Очеркъ Японской исторіи. 1882.
- Журналы „Таіо“, „Хикари“ и современная текущая Японская пресса и др.
-

Того же автора.

„Воспитаніе Японскаго Народа“. 1907. Скл. изд. Восточный Институтъ. Владивостокъ. 50 к.

„Русско-Японскій и Японско-Русскій толмачъ“. 1905. Изд. Штаба VI Корпуса (разошл.) Маньчжурія.

„Важность изученія русскаго яз. для китайцевъ“. (На кит. яз.) (разошл.) 1908 г. Изд. Им. Кит. Института въ г. Тянь-Цзинь.

„Women's movement in Japan“. London. 1910.

„Женское движеніе въ Японіи“. 1909. Скл. изд. „Общественная Польза“. Спб. 50 к.

„Какъ защищаютъ свои интересы въ Азіи Англія и Россія“. 1910. Изд. А. Д. Попова. Спб. 40 к.

Печатается:

„Эпоха послѣдняго десятилѣтія общественной и политической жизни Китая“.

Цѣна 75 коп.

ШШ

